ПРОФ.
В. В. СВЯТЛОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА „МИР"
МОСКВА
1923.

Издания Т-ва „МИР“, Москва, Арбат, Никольский пер., д. 10, кв. 11.
Телефон № 1-37-31.

Педагогика.

Проф. Н. Д. Виноградов. Педагогика. Основн. пробл. и принципы.
Проф. Н. Н. Ланге. Психология. Основные проблемы и принципы.
Проф. У. Джемс. Беседы с учителями о психологии.
Проф. Киркпатрик. Основы педологии.
Проф. Э. Мейман. Очерк экспериментальной педагогики. Ч. I.
Э. и Дж. Партридж. Как и что рассказывать детям в школе и дома.
М. М. Штейнгауз. Классы—лаборатории.
М. М. Штейнгауз. Слово, образ и действие.

История и обществоведение.

Проф. Р. Ю. Виппер. Новая история. Кн. I. 1500—1789.
Проф. Р. Ю. Виппер. Новая история. Кн. II. От французской революции до Версальского мира.
П. П. Маслов. Крестьянские движения в России. Ч. I.
М. Н. Коваленский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Ч. I. Процессы Нечаева, 50-ти и 193-х.
М. Н. Коваленский. Путешествие Екатерины II в Крым.
М. Н. Коваленский. Русский ученый XVIII в. (Страницы из жизни Ломоносова).
Н. Д. Комовская. В стране великого хана.
П. П. Кащенко. Суд в московском государстве.
Проф. Н. М. Никольский. Древний Израиль. 2-е перер. и доп. изд.
История еврейского народа. Т. I. Древнейшая эпоха еврейской истории. На велен. бумаге. В переплете.
История евреев в России. Т. I. На велен. бумаге. В переплете.
История евреев в России. Т. II. Кн. I. На велен. бумаге.
Проф. В. В. Святловский. История экономических идей в связи с историей экономического быта.
В. А. Гурко-Кряжин. История революции в Турции.

Научно-популярные книги.

Проф. Вольфг. Оствальд. Мир обойденных величин. Современная коллоидная химия, ее научные и технические приложения. Перевод под редакцией проф. В. В. Шарвина.
В. Бельше. Происхождение человека. 2-е изд.
Акад. П. П. Лазарев. Физико-химич. основы высш. нервн. деятел.
Его же. Строение вещества.
Проф. В. В. Шарвин. Энергия, ее сохранение и вырождение.
Н. А. Кун. Предшественники христианства. (Восточ. культы в Рим. имп.).
Проф. Л. А. Чугаев. Наука и техника. Современные достижения химическ. промышлен. С предисловием акад. П. П. Лазарева.

Проф. В. В. СВЯТЛОВСКИЙ

История экономических идей в связи с историей экономического быта

Издание Т-ва „МИР"
Москва, Арбат, Никольский пер. 10
1923

2-й экз.

Просв

Тип. 1-е Петрогр. Печатное Произв. „ДЕЛО", 5 Рождеств. 44.

4196
25

Петрообл
Тираж 3000 экз.

Замеченные опечатки.

Напечатано:	*Следует читать:*
Стр. 10, 9 строка сверху: застывала моднейшее	застывало *средневеково*
Стр. 127, 3 строка сверху: $6^1/_2$ четв. ядр.	$6^1/_2$ *ярдов*
Стр. 155, 8 стр. сверху: темного	*первого*
Стр. 156, 3 стр. снизу: наказывали; имели своею целью	наказывали; *исправительный дом* имел своею целью
Стр. 160, последняя снизу: образом	*обзором*
Стр. 161, последн. стр. снизу: Бирштенгам	*Бирмингам*
Стр. 166, 2 снизу: gear... homs	*year... hours*
Стр. 168, 7 стр. сверху: кроме.	*крошек.*

ВВЕДЕНИЕ.

Экономические идеи являются продуктом среды, в которой они возникают. Мысль, идея, оформленное словом сознание, идеология,—представляет результат того быта и того социального уклада, где она создается и развивается. Такое понимание—важное завоевание современной науки; основное положение марксизма и материалистического понимания истории гласит, что бытие определяет сознание, его направляет и формулирует. Так было, так есть и так будет. Связь между бытием и сознанием, между бытом и идеологиею можно проследить по всей социальной истории человечества. Действительно, вся история мысли, не говоря уже о наиболее очевидной, — истории экономической идеологии, представляет собою типичное производное хозяйственного быта своего времени. Излагаемое нами далее служит фактическим подтверждением сказанному. Таким образом, излагая единый процесс, мы тем самым, в дальнейшем, прослеживаем две истории развития: историю европейского хозяйства и историю экономических воззрений. Они развиваются единовременно и функционально, составляя две стороны единства. Процесс становится особенно образным и ярким со времени первого важного исто-

рического перелома в истории Европы,—со времени перехода от малоподвижной средневековой Европы, от старого однообразного натурального хозяйства к новому денежному, к созданию условий для создания первоначального накопления.

Этот переход происходит начиная с конца XIII века, когда европейские страны и их хозяйства вовлекаются в новые денежные сношения. С этого времени денежный оборот приводит к первым этапам накопления. Постепенно складывается и развивается важная новая социально-экономическая сила торговый капитал. Укрепившись и внедривши свои корни в хозяйственное тело Европы, торговый капитализм вызывает свою особую параллельно растущую идеологию. Так возникает и развивается меркантилизм, начавшийся в городах и торговых пунктах, затем, захватывая понемногу все хозяйственные буржуазные отношения. Меркантилизм—мировоззрение городских торгово-промышленных классов, т. е. мировоззрение классовое. Он—ранняя ступень классовой идеологии молодой городской буржуазии. С ее ростом меняется, приспосабливаясь, и эта идеология. Рост потребностей и интересов класса, изменяет и ее идеологию. Меркантилизм проходит через ряд стадий, а следовательно и теорий: биллонную, теорию торгового и теорию расчетного баланса. Свое последнее слово меркантилизм находит в кольбертизме, чтобы затем уступить место другому классу. Казалось,

что в ту эпоху, жившая своим особым укладом деревня, еще как бы стоит особняком от общего хода жизни; но, затем, и в эту косную и консервативную среду проникает новый капитализм и новые денежные отношения. Сельское хозяйство и земледельческий строй также пронизываются денежными отношениями и интересами. Создается новое идеологическое течение — физиократизм. Это уже идеология сельской буржуазии. Французы ее идеологи. Физиократизм в духе времени, стремится возвыситься до общего теоретического понимания условий хозяйственной системы. Физиократы абстрактны; их идеология — первая теоретическая система, первый этап развития экономической науки.

Конец того же XVIII-го века, когда развивается и быстро сходит со сцены физиократизм, является временем второй громадной революции европейского хозяйства. Новая техника и ее успехи создают условия для крупного капиталистического производства. Оно втягивает громадные денежные средства и создает новые. Разростающийся промышленный капитализм, с его быстрым темпом развития, с его лихорадочною деятельностью, освобожденного от прежних феодальных и полицейских пут, частного предпринимательства и свободою конкуренции, укрепляет и оформляет основные черты буржуазного капиталистического строя. Этот перелом и этот процесс находят себе идеологов в лице представителей знаменитой классической школы; создается

евангелие нового гегемона—крупной капиталистической буржуазии.

Вскормленная и сплоченная в классовую силу, после глубоко-прошедшей в хозяйственную жизнь индустриальной революции, эта новая сила вскоре вынуждена защищать свои только что завоеванные позиции, от растущего, в итоге того же процесса, антогонистичного буржуазии класса пролетариев. Идеология двух классов антогонистов складываются: буржуазия и пролетариат познали друг друга. Непримиримость их экономической сущности раз'ясняет Давид Рикардо, но вместе с его об'яснением противоречие между трудом и капиталом развивается и наростает социалистическая мысль. Интеллигенция первоначально как всегда пытается занять среднюю примиряющую позицию. Ее половинчатость и нерешительность создают катедр—социализм с его различными вариантами. Появляются идеологи исторической и австрийской школы и их левые и правые уклоны. Катедр—социалистическое примирение распадается. Экономические антагонизмы обнажаются и заостряются; борьба идеологий буржуазии и пролетариата вновь выступают на общественную арену. Австрийская теория, как раньше, активно выступает против социализма из утопического ставшего уже научным.

Рост трестификации и финансового капитала, этой новейшей формы капитализма, в связи с им-

периализмом, крайне обостряет классовую борьбу и вновь вносит взаимное ожесточение и непримиримость. Об'единение капиталистов становится впервые массовым и очевидным после громадного венского кризиса 1873 года, после дней Парижской Коммуны и реальных итогов франко-прусской войны. Наступает новая третья эпоха развития европейского капитализма — развитие его высших форм, эпоха финансового капитала.

Следующий этап охватывает сороколетие и завершается мировой войной 1914 г., которая резко кладет грань в общем ходе европейского экономического развития. Начавшись кризисом социализма, мировая война завершается обширным мировым кризисом и всеобщим движением в пользу социализации. Намечается эпоха переходного времени, хотя еще не достаточно определенно выявленная. Впереди застрельщиком идет Россия, где слабее всего было сопротивление буржуазии и где энергичнее всего сложился размах противодействия против условий старого.

Россия раньше других стран переходит от мечтаний о социализме к его осуществлению. Коммунистическая партия Страны Советов делает первые шаги реального воплощения новых начал в социальной жизни. Отсюда ненависть старого буржуазного мира, сложность и трудность первых шагов революционной власти. Но рабоче-крестьянское правительство при каждом сопротивлении только стано-

вится смелее и настойчивее: оно отстаивает интересы и идеалы мирового пролетариата.

Идеология борящегося пролетариата резко революционна и определенно решительна. Буржуазный мир, встревоженный, решительно защищает свои позиции. Возникает фашизм. Борьба идет оживленно и напряженно. Под ее шум и грохот пишется история человечества последних дней и, как всегда подлинная история человечества, пишется не чернилами, а кровью.

Сообразно сказанному мы и распределяем свой материал на следующие отделы:

I. Канун меркантилизма. (Зарождение денежного хозяйства и появление первых экономических учений).

II. Меркантилизм. (Торговый капитал и его идеологи), как экономическая политика торгового капитала.

III. Экономическая политика меркантилизма в главнейших европейских странах. Хозяйство Испании, как прямолинейное осуществление идей меркантилизма.—Кольбертизм.

IV. Подготовка промышленного капитализма.

I. От средневекового городского рынка до национальной торговли.

II. Вхождение на мировой рынок сельской буржуазии.

III. Физиократизм, как классовая теория и первый этап теоретических построений.

IV. Индустриальная революция.

V. Осознавший себя промышленный капитализм. — Классическая школа в политической экономии.

VI. Осознавший себя промышленный пролетариат — Научный социализм.

VII. Дальнейшее развитие капитализма—историческая и австрийская школа.

I

Накануне меркантилизма

Зарождение денежного хозяйства и возникновение экономических учений

Вяло и медленно протекала народная жизнь в Европе в средние века, один день походил на другой, год на год, время проходило однообразно Не только обычаи, но даже внешняя обстановка, утварь, костюмы, моды, изменялись очень медленно, и очень постепенно Казалось, что нет никакой разницы в этом тоскливом однообразии и в том упрямом постоянстве жизни, в котором годами, как бы застывала моднейшее хозяйство Только в небольших, тогда еще малолюдных городах, начавших кое-где появляться, жизнь шла несколько бойчее и разнообразнее за городскими стенами, чем вне их Попасть в средневековый город было когда не так просто Обыкновенно он строился где либо на возвышенном месте, с которого открывался широкий вид на окружающую равнину Иногда город занимал высокий берег реки или красивое возвышенное место у слияния двух водных артерий, являвшихся в то время удобными дорогами для под'езда людей и подвоза товаров Избрав себе подходящее место для устройства городского селения, его обносили

широкой и прочной стеной, служившей оградой и защитой людскому поселению. Высокая стена и шедший за нею широкий полный воды ров позволяли горожанам чувствовать себя за ними, как за крепостным валом и, в случае надобности, укрываться и защищаться от набегов и нападений. В этот город-крепость обыкновенно вели несколько ворот, вернее проходов, за которыми зорко наблюдали. Здесь ставилась городская стража, позднее взимались городские налоги (октруа). Проникнуть во внутреннюю ограду можно было, только минуя окружающий его снаружи деревянный частокол и идущий вокруг городской стены колючий кустарник. Дальше путь ведет через широкий, наполненный водою ров, через который переброшен под'емный мост, обыкновенно, поднятый вертикально к стене и воротам. У ворот следили за тем, чтобы открывать ворота и опускать под'емные мосты только в случаях надобности. Самый город был очень тесен, улицы узки и извилисты, раз'ехаться встречным повозкам было невозможно, а в случаях пожара, город быстро превращался в один пылающий костер; только в центре города незастроенной оставалась одна большая городская площадь среди которой возвышался храм, обыкновенно „собор"; вокруг него в праздничные дни, после обедни, устраивался рынок или совершались торжества и празднества; тут зачастую находился городской фонтан и сюда городские жители сходились для решения

своих городских дел и других необходимых собраний Иногда среди города возвышались уцелевшие здесь постройки феодалов или монастырь, окруженный своими отдельными, толстыми стенами Дома горожан, бюргеров, были довольно однообразны, без номеров и надписей, с немногими значками, нарисованными на входном щите, каким-нибудь несложным изображением лебедь, мечь, полумесяц, золотая звезда или животное, по которым различали владельцев; в нижнем этаже помещались лавки и мастерския, в верхнем—жилье Второй, а изредка третий этаж, обычно выступали над первым, вершина улицы была теснее ея основания, так что из окна в окно можно было просунуть руку [1]) Вообще улицы были тесны и полутемны и часто поперек улицы перекидывалась тяжелая цепь, для того чтобы препятствовать неожиданному движению через город чужеземной конницы Цепь прикреплялась замками и запиралась на ключ, вручавшийся городской страже У городского сторожа имелся фонарь, без которого ночью трудно было пробраться по городу, а у пояса вместе с кисетом висела связка ключей и сторожевая колотушка — необходимые принадлежности городского сторожа Часто на площади ставилась грубо высеченная из камня фигура мужчины, с обнаженным мечем в руке Это так называемая Роландова колонна, обычное укра-

[1]) Выступавшие этажи подпирались бревнами еще усиливавшими общую тесноту

шение судопроизводства, тут же ставился столб для производства очередных наказаний, сечения, а иногда даже торговой казни, производившейся публично Тут же иногда помещались и клетки для преступников, куда иногда провинившиеся сажались на два или три дня, после их наказания или об'явления приговора. Среди города часто помещались кладбища с тяжелыми могильными плитами, по которым легко можно узнать, кто здесь погребен Обычная надпись гласила requiescet in pace,—да почиваег в мире, — а над могилами духовных лиц высекалось изображение чаши Покойник не долго лежал в такой могиле Спустя двадцать или тридцать лет в виду общей городской тесноты и отсутствия места на кладбище, извлеченные из могилы кости, помещались в особые оссарии, костехранилища, а опустевшие могилы вновь служили для погребения. Зажиточным людям, знатным горожанам сама церковь служила местом погребения, каменная плита пола заменялась могильной плитой и большое количество знатных и родовитых лиц находило свой последний приют под полом церкви или аббатства [1]) Особенно важную роль играла городская площадь, от которой главные улицы вели обыкновенно к городским воротам. Главных улиц было четыре, они

[1]) В этом смысле Вестминстерское аббатство в Лондоне представляет собою такое привилегированное кладбище В нем покоится ряд представителей знатных лиц Англии, выдвинувшихся в разных областях.

в форме креста расходились от площади к четырем городским воротам; на площади ютилась городская ратуша и городские весы, а городские обыватели, занятые одним и тем же делом т. е одной и той же профессией, селились на одной и той же улице и в одном и том же квартале. Само собой понятно, что такого рода обыватели скоро и легко об'единялись по своим профессиям. Так медленно и постепенно возникли цехи, братства или гильдии ремесленников Число цехов в разных городах было различно. Иногда в одном и том же городе количество их было не одно и тоже, например, в тринадцатом веке в большом немецком городе Страсбурге с'организовалось девять цехов, в следующем, четырнадцатом веке цехов было около тридцати, а затем вновь количество их уменьшилось, первоначально в цех входили все ремесленники однородного ремесла, поэтому цехи были многочисленны и об'единяли внутри себя по несколько профессий, позднее цех начинал распадаться на отдельные самостоятельные ячейки, так, например, немецкий слесарный цех, большой и единый, к концу тринадцатого века распался на отдельные цехи кузнецов, оружейников, ножовщиков и т д Потом каждая из групп тоже начинала делиться, например, оружейники распались на цехи, вырабатывающие одни шлемы, другие щиты, третьи панцыри и т д В итоге создавалось техническое и профессиональное совершенство труда и значительное стеснение промышленной свободы,

так как постепенно все стало регламентироваться до мелочей Управление цехом тоже подчинялось своим правилам, записанным каждое в отдельный цеховой устав или регламент Во главе каждого цеха стоял цеховой старшина, управлявший всеми заведениями данной отрасли промышленности, в каждом отдельном заведении работой заведывал хозяин—мастер (maitre, Meister), бывший в одно и тоже время и владельцем предприятия и его руководителем Ему помогал и с ним работал его помощник подмастерье (compaynon, Geselle), число этих помощников было крайне ограничено один, реже два, причем каждый с течением времени, а особенно, если ему удавалось жениться на дочери мастера-хозяина, в свою очередь превращался в самостоятельного хозяйчика Подмастерьям помогали ученики (apprenti, Lehrlinge), число которых также было невелико и точно ограничено Ученики, проработав от пяти до восьми лет, становились подмастерьями, а позднее мастерами Все эти отдельные ступени представляли собою как бы этапы развития одного промышленного труда, как бы постепенное восхождение одного и того же лица вверх по социальной лестнице [1]) Низшее состояние в цехе не было самодавлеющим и замкнутым; каждый трудящийся знал, что в итоге своей работы, он, в конце концов, превратится в самостоятельного хозяина, а

[1]) Цех таким образом представлял собой единое замкнутое целое, защищенное стеною строгих правил и связанное рядом привилегий

так как члены цеховой организации жили и работали вместе, то в итоге создавалась довольно сносная атмосфера согласия, дружелюбия и взаимопомощи Вот как описывается быт и условия жизни средневекового городского ремесленника, члена цеха.

Ученик поступал к мастеру на известное время на выучку, он вносил за это в цеховую ремесленную кассу небольшую сумму денег Проучившись и проработав установленный срок, в среднем от пяти до восьми лет, ученик возводился в звание подмастерья Подмастерье уже играл некоторого рода роль, входил членом в братство или гильдию, обсуждал и решал свои мелкие профессиональные дела, получал право на небольшое определенное жалованье, подготовлял свою лучшую работу (chef-d'oeuvre, Meisterstuck), которую он должен был пред'явить старшинам, по окончании времени своего пребывания подмастерьем и наконец, что самое главное, в целях технического усовершенствования, получал право переходить от одного мастера к другому, из одного города в другой, из одной страны в соседнюю. Так возникли знаменитые странствования (Wanderjahren) ремесленных подмастерьев и порывалась их зависимость от цеха Если подмастерье желал сам сделаться мастером, то ему предстояло совершить путешествие для большего ознакомления со своею специальностью, а потом выдержать особое испытание. Собрание мастеров данного цеха рассматривало заданную ему для исполнения работу

и, в случае ее удовлетворительности, подмастерье удостоивался звания мастера в чем выдавался соответствующий диплом Новый мастер получал право открыть свое собственное заведение и становился полноправным членом цехового собрания Подмастерья подвергались строгому наблюдению, и кроме знания своего дела, от них требовалось еще и хорошее поведение Те из них, которые совершали что-либо позорное, исключались из своей среды и не могли уже расчитывать на вторичное принятие в нее Цеховые законы устанавливали различные правила, обязательные для мастеров Таким образом подмастерья стояли под наблюдением мастеров, а мастера были обязаны строго исполнять цеховые уставы Что касается учеников, они были на положении детей, несовершеннолетних. Принятие ученика в заведение отличалось известною торжественностью Часто оно происходило в ратуше, перед ратманами, городскими старшинами Здесь мальчику об'ясняли его обязанности, как служебные так и нравственные Ему вручался особый ученический билет, и после этого он отпускался к мастеру. „Мастер, берущий к себе ученика,— говорят тогдашние уставы—должен содержать его день и ночь в своем доме, давать ему хлеба, усердно заботиться о нем, держать его за крепко запертою дверью“ Многие цеховые уставы вменяли в обязанность мастерам одевать своих учеников. Вот что говорилось также в то время· „ученик обязан пови-

новаться своему мастеру, как родному отцу; утром и вечером, и во время работы он должен просить у бога покровительства и помощи, потому что без бога ничего нельзя сделать... Ученик должен слушать мессу и проповеди по воскресным и праздничным дням и полюбить хорошие книги. Он должен дорожить честью своего мастера и не позорить своего ремесла, ибо оно—свято, и сам он, может быть когда нибудь сделается мастером над другими, если захочет того бог, и если сам он того заслужит. Если ученик теряет страх божий в сердце своем или грешит непослушанием, его должно сурово наказывать; это принесет благо душе его, а тело должно пострадать, чтобы душа была в лучшем состоянии"... Цеховые уставы, дававшие большие права мастерам над учениками, выражали заботливость и о последних. „Мастер должен так законно исполнять все свои обязанности по отношению к ученику, он должен так верно, так ревностно знакомить его со своим ремеслом, чтобы мог спокойно ответить за это перед богом". Но виновного мастера также постигало и человеческое наказание. Если случалось, что в конце срока, назначенного для учения, ученик не знал хорошо своего ремесла, по вине своего мастера, его переводили к другому мастеру, а прежний хозяин должен был внести за него плату, а сверх того установленный штраф в цеховую кассу. Возведение ученика в звание подмастерья происходило в цеховом собрании. Каждого из подмастерьев

спрашивали о познаниях предстоящего, а последнего спрашивали, не заметил ли он обучаясь у своего мастера, чего либо несогласного с интересами его ремесла. Если он заметил что либо подобное, то обязан был высказаться немедленно здесь же, а потом дать обещание хранить по поводу этого полное молчание. После всех этих расспросов, удостоверившись в нравственных достоинствах испытуемого, приступали к подаче голосов. И молодой человек об'являлся заслуживающим звания подмастерья. Подмастерья подчинялись определенным правилам: вечером они обязаны были возвращаться в определенный час (в 9 или 10 часов), ночь проводить непременно в доме мастера, не имели права приводить с собой ни подмастерья, ни ученика другого мастера. Игры, особенно игра в кости, были им воспрещены. Но подмастерья все же считались свободными людьми и имели право носить оружие. Последнее право, как вредившее нередко общественному спокойствию, стало сильно ограничиваться ратманами. Стремясь оградить свои интересы, кем и как бы они не нарушались, подмастерья начали составлять свои товарищества, компании, стали сходиться в избранных ими для этого помещениях, трактирах, кабачках или просто за городскими стенами, на кладбище или в лесу. Эти собрания составлялись по образцу цеховых. Целью этих собраний были также развлечения. Забавы, которым предавались подмастерья немецких городов, иногда отличались ориги-

нальностью. Собирались ремесленные подмастерья в свои общественные здания и для беседы о своих делах. Члены братства созывались обыкновенно следующим образом. Посланному вручали какой либо предмет, имеющий символическое значение; например кузнецам посылался гвоздь или молоток, и начинал гулять этот гвоздь или молоток от одного верстака до другого, пока не обходил все. Собрания происходили под председательством старшего подмастерья. В его руках была палка, как знак его первенства в собрании, а для установления тишины он прибегал к стуку молотком или ключем. Собрания сопровождались пением и выпивкою, посещались аккуратно и дружно.

Связью между членами одного и того же цеха служили, кроме общего дела, религиозные интересы. Каждый цех имел своего особого покровителя (патрона) в среде святых. Патроном плотников считался св. Иосиф, сапожников—св. Криспик, лекарей —св. Косьма и Дамиан. Большинство больших цехов имели в городских церквах свои собственные приделы или, по крайней мере, свой отдельный алтарь (престол). Здесь собирались члены цеха в дни, посвященные памяти их патрона, для присутствования при отпевании покойного собрата, для слушания заупокойных месс, отправлявшихся по усопшим сочленам, для торжественных крестных ходов. Каждый цех имел, свою хоругвь или знамя, а кроме того, свое собственное помещение, куда и сходились все

мастера, принадлежавшие к данному цеху. В этих помещениях иногда справлялись свадьбы, причем вносилась установленная плата в цеховую кассу. В собраниях религиозного характера, а также и в общественных развлечениях, принимали участие женщины и дети, обычно отсутствовавшие.

Из денежных сумм, которые вносились каждым членом цеха, составлялась касса цеха. Из ее сумм членам кассы выдавались пособия заболевшим или потерпевшим какое либо несчастье. Кассой заведывал цеховой старшина.

Внешним выражением единства для каждого цеха был его цеховой герб, изображавшийся на его знамени или хоругви. Нередко на хоругви помещалось изображение святого, покровительствующего цеху. Бывали также гербы с изображением какого нибудь предмета, имеющего отношение к занятиям данного цеха. Наконец, нередко становился цеховым гербом отличительный знак дома, принадлежавшего цеху. Так например, были цехи „цветка“ „зеркала“ и пр. В некоторых городах лица, принадлежавшие к одному цеху, носили платье какого либо, избранного цехом, цвета. По этим цветам отличали членов цехового союза.

В преимущества и общественное значение корпоративного цехового устройства верили в ту пору так сильно, что группировались в цехи не только ремесленники, но также и другие профессии: учителя, музыканты, нотариусы, торговцы, могильщики

нищие и др. Цеховым характером отличалось и общество певцов. Ландскнехты также группировались в общества, отправлявшие свой суд, отстаивавшие сословную честь, совершенно по образцу ремесленников, из которых они, впрочем, большей частью и происходили. Каменщики—строители храмов (francs maçons), составляли также особый цех, многие обряды которого были заимствованы позднейшими франк-масонами. Подобные же общества составляли и торговцы, торговые гильдии. В последних об'единялись розничные торговцы. Специализации торговли в ту эпоху еще не было.

Каждый цех вместе с тем представлял собою и военную дружину. Ученики подчинялись подмастерьям, подмастерья—мастерам, а последние своему цеховому старшине. Вооружение этих дружин было не сложно, оно состояло из железной шляпы, толстого кафтана, из легкого проволочного или жестяного панцыря и железных перчаток. Впрочем однообразия в вооружении не было, и более зажиточные могли являться в более солидном вооружении. Первоначальным общедоступным оружием были лук и стрелы. Потом присоединились к ним арбалеты, а с изобретением пороха также и огнестрельное оружие. В походе каждому цеху предшествовало цеховое его знамя. Цехи поставляли преимущественно пехоту, но в некоторых городах существовали постановления, обязывавшие тот или другой цех выставлять определенное количество всадников. В

мирное время все эти воины работали по разным мастерским, но стоило только прозвучать сигналу об угрожающей городу опасности, как ремесленники бросали орудие своего ремесла, брались за свое военное оружие и собирались в назначенное место. Так создавалось городское ремесленное войско, охранявшие интересы города и ремесла.

II.

Как уже было сказано, центром городской жизни— был рынок, его торговая площадь. Это был центр местной экономической жизни того времени.

Среди различного вида товара, служившего для перепродажи, покупки, обмена и продажи является особый товар той эпохи— деньги. Монеты разного чекана, размера и достоинства, монеты полноценные и биллонные, т. е. разменные, рано стали предметом особого промысла, особого торга. Обыкновенно на рынке, вблизи входа в церковь меняла ставил свою скамью, на которой он разменивал, продавал или покупал разнообразные тогдашние монеты. Скамейка менялы,—банко (die Bank),—послужила исходным пунктом для наименования появившейся новой профессии banquier или банкиров, занимавшихся не только разменом, но и хранением тех денежных сумм, которые им доверяли. Обыкновенно к ночи, скамейка с уходом на покой самого менялы, пустела, а деньги, монеты и слитки относились на ночь в спокойное и надежное место..

Таким укромным местом издавна и повсеместно считался церковный алтарь, вернее укромное место под престолом, куда помещались все сокровища на ночь. Считалось, что это место вдвойне безопасно: во-первых, похищение отсюда являлось не простой кражей, а святотатством, за которым всегда следовало усугубленное наказание, а во вторых за целостью и сохранностью сокровищ, по наивному представлению верующих людей тогдашней эпохи, наблюдал тот или иной святой, та или иная святая или великомученица, надпрестольное изображение которой было наилучшей стражей сокровищ первоначального накопления. Не только большие европейские соборы, как например, миланский или страсбургский, но и значительные русские церкви, как например, храм святой Софии в Новгороде, служили первыми местами сбережения и той так называемой депозитной операции, с которой началась в Европе банковая деятельность. По мере развития торговли, установился обычай отдавать менялам (депонировать) излишние деньги, которые в данный момент были ненужны и могли потребоваться только в определенное время к ярмаркам и при более значительных расплатах. Обыкновенно менялы, получив деньги, выдавали удостоверение и росписки, свидетельствовавшие о наличности денег, полученных отданного торговца. В больших городах устанавливалось место, куда сходились менялы и торговцы для укрепления и совершения своих сделок; в круп-

ных портовых городах северной Италии, Франции, Голландии, в Амстердаме, Гамбурге, Брюгге, Лионе, в определенное место сходились купцы различных национальностей, так, например, в городе Брюгге до 1560 года, совершали в определенном месте свои денежные, вексельные операции генуэсские, флорентинские, венецианские купцы. В первой половине шестнадцатого века впереди других выдвинулся Антверпен, который вскоре стал известен, как европейская фондовая биржа.

Самое слово биржа обозначало еще с конца пятнадцатого века место сходки купцов, живших или посещавших Брюгге по своим коммерческим делам. Филологически самое слово bursa производилось обыкновенно от патрицианской фамилии Vander Burse в Брюгге, имевшей свой собственный герб, три мешка с деньгами,—в доме которой в пятнадцатом веке венецианцы устроили свое консульство и торговую ложу и рядом с этим домом, в том же веке были выстроены „ложи“ других итальянских „наций“ генуэсцев и флорентийцев. Первая вексельная биржа в шестнадцатом веке сложилась в Антверпене, где рядом с фондовой биржей. оперировавшей государственными бумагами и займами, рано свила себе гнездо и настоящая товарная биржа, а при ней довольно значительная комиссионная торговля. Сюда понемногу переселялись купцы профессионалы, бывшие в то же время покупателями и продавцами, маклерами и комиссионерами, смотря по тому, что

требовалось в данный момент. После падения оборотов антверпенской, а затем и большой лионской биржи выдвинулись в конце шестнадцатого века новая большая биржа амстердамская. Одной из приманок амстердамской биржи были акции нидерландской ост-индской комиссии, а также сделки на ценные колониальные товары отдельных стран, как перец, индиго, ваниль, кофе, чай, какао. В 30-х годах семнадцатого столетия с появлением в Нидерландах, вывезенных из Турции в Западную Европу, тюльпанов и с массовым их разведением и увлечением ими (знаменитая тюльпаномания!—мода той эпохи) и в это дело было внесено обычная в то время игра на разницу. Не надо было иметь денег, а только некоторый запас смелости, чтобы закупить некоторое количество бумаг или товаров и, еще не расплатившись, перепродать их с надбавкою. Сделки на разницу послужили источником небывалой спекуляции. Перепродажа производилась не только на процентные бумаги и акции, но и на разного рода товары. Сохранилось несколько описаний обычаев и правил тогдашнего биржевого оборота, весьма характерных для своего времени. Поселившийся в Амстердаме наблюдательный португальский еврей Дон Іозеф де ла Вега опубликовал в 1688 году описание амстердамской биржи. Он предостерегает своих современников от увлечения биржевыми операциями, утверждает, что биржевая прибыль обманчивый мыльный пузырь, который немедленно ло-

пается в руках слабых и невыдержанных людей. Сохранилось также описание биржевой спекуляции с тюльпанами. Их описывает историк торговых фирм, компаний, бирж, спекуляций и кредита Эренберг, давший обстоятельное описание спекуляциям на амстердамской бирже семнадцатого века. Его сочинения—„Эпоха Фуггеров", („Das Zeitalter der Fugger") 2 тома (1896 год) служат источником обстоятельных описаний торговли, денежного обращения и предметов сделки того времени. Солидности и разнообразию деятельности Фуггеров соответствовал в Италии торговый дом Медичи. К этому же времени относится развитие банкирских записей и выдачи росписок и векселей по кредитным, депозитным и переводным банковым операциям. Но торговая и кредитная деятельность еще не раз'единялись. Вообще с того момента, как молодое развивающееся дело Европы врываетя в кредит,—этот новый мощный рычаг денежного оборота и коммерческих сделок,—все типы и виды хозяйственных операций значительным образом расширяются и развиваются. Кредит дает мощный толчек всему хозяйственному процессу. Торговые сделки, основанные на кредите, необычайно расширили размеры оборота, местная торговля быстро расширилась до размеров торговли национальной, а торговля, ограниченная пределами одной страны вскоре развернулась до пределов мирового торжища. В семнадцатом веке получается возможность говорить о мировом рынке.

Весь процесс, от маленькой городской рыночной площади небольшого средневекового городка до первых этапов создания мирового рынка, занял время около трех с половиной столетий, считая с конца тринадцатого до начала семнадцатого века: это было временем, когда усиленно совершался переход от старого натурального к новому денежному хозяйству.

Тяга и необходимость в деньгах,—основа новых экономических отношений была повсеместна и значительна. Все отношения и стороны жизни требовали денег. Деньги были нужны и горожанину-ремесленнику и феодальному вассалу, переходившему от старой барщины к новому оброку, и сеньору, жившему в замке и суверену, содержавшему прислугу, армию и флот, стоящих и требовавших денег. Все поры жизни проникли одним всеобщим, неустанным и безпрерывным требованием денег. С открытием Америки эта тенденция еще более усилилась, ибо уже некоторые страны окрепли в этом смысле.

Между тем физический запас металлических денежных знаков, а равно и фактические размеры, имевшихся для чеканки запасов благородных металлов были незначительны. Суверены различных стран, государств, корпораций, об'единений, имевших право чеканки монеты, все эти короли, графы, бароны, аббаты и пр., имевшие право монетной регалии, находились с усилением требования монеты в без-

выходном положении. Единственным легчайшим выходом из создавшегося кризиса явилась порча и ухудшение денежных знаков, а затем и фальсификация монет.

Это новое явление послужило источником ряда важных хозяйственных явлений и осложнений того времени. Во-первых, порча денег естественно вызвала удешевление новых денег более худшего качества, в сравнении с деньгами старого чекана, то-есть естественно-вытекающую отсюда дороговизну на все покупаемые товары, а вместе с тем и развитие народного недовольства.

Монеты чеканились из золота и серебра, главным образом серебра, так как золото было редко и дорого. Каждая монета чеканилась из сплава, в котором были части чистого металла — „фейн“ или „корн“ и примеси или лигатуры. Соотношения между частями чистого металла и лигатуры носит название пробы. Это отношение государственная власть европейских государств с давнего времени твердо устанавливала в законах о чеканке монет. В итоге получалась „хорошая“ монета с установленною пробою, обыкновенно та „полноценная“ монета, о весе и пробе которых либо можно было узнать по надписи на монете (так называемой „легенде“) или население всегда было хорошо осведомляемо.

Появившаяся с XIV века порча или фальсификация монет коснулась именно этого соотношения ме-

жду чистым содержанием благородного металла в монете с ее примесью или лигатурою т. е. пробы. Примесь чем далее, тем более начала увеличиваться, да и самый чекан постепенно ухудшался. Монеты худшей пробы и более небрежной выделки стала появляться в большом количестве. Некоторые правители, как например, Филипп Красивый во Франции, прославились своей беззаботностью и наглостью своих отношений к монете. Новые деньги нископробные и небрежно приготовленные, более дешевые и худшего качества, вытесняли, как всегда старую монету хорошего чекана. Денежное обращение нарушалось, а в населении скоро устанавливалось иное отношение к новым деньгам, чем к старым. Количество новых за ту же вещь спрашивали больше, чем старых. Вообще и самое количество новых денег теперь требовалось иное, большее т. е. быстро возрастали цены на продукты и изделия, возникала и развивалась дороговизна. Население справедливо видело источник хозяйственного замешательства в положении денежной системы. Ропот и недовольство ухудшением монет становилось чем далее, тем определеннее и решительнее. Но протесты не сразу начали формулироваться. Образованные люди той эпохи были до крайности малочисленны, а потому и протесты против порчи денег были редки и малочисленны.

Главная масса образованных людей той эпохи исходила или принадлежала к кругу духовенства. Их

познания были примерно одинаковы: основою образования являлось священное писание, да общие первоначальные сведения латинского языка, на котором изредка говорил, но всегда писал средневековый грамотей. Его познания в литературе и истории исчерпывались теми авторами, которые являлись и в древности авторитетами. Некоронованным королем философской мысли древняя мудрость считала Аристотеля, давшего свои осторожные и умеренные ответы на все стороны и вопросы жизни. Воззрения Аристотеля, нешедшие резко против общепринятой обывательской морали, были решающими для среднего уровня людей и суждений. Они составляли ядро той шаблонной и условной школьной мудрости, той схоластики, которая и составляла сущность тогдашнего мировоззрения.

Взгляды Аристотеля и поучение писателей церкви, представлявшие собою содержание схоластических суждений, определяли всеобщие теоретические воззрения той эпохи. Отсюда ясно, что со схоластическими мнениями образованные люди подошли к оценке и нового явления жизни — к порче монеты. Аристотель полагал, а отцы и писатели церкви не могли этого не одобрить, что монеты должны быть только доброго и хорошего чекана, что цены вещей не должны меняться, что каждой вещи, так сказать, от природы свойственна ее естественная справедливая цена, постоянная и неизменная. Эта справедливая, присвоенная каждой вещи цена, не может по люд-

скому произволу меняться. Надбавка на цену, прирост цены, при переходе вещи из рук в руки, не должна иметь места. Это нарушение справедливости в конце концов,—греховное деяние.

В общественной жизни царило изложенное учение о якобы на все предметы существующие справедливые цены — учение, получившее наименование учения о справедливой цене, о justum (справедливой) praecium (цене). Это „юстум прециум" было, по сути, безжизненным, мертвым, именно схоластическим, мнением. В своей основе оно осуждало и об'являло греховным всякий поступок, связанный с выгодою и расчетом. Схоластики основывались на мысли Аристотеля, что „деньги не могут рождать денег" — основном положении, лежавшем фундаментом всех рассуждений о хозяйстве. Всякая рыночная цена, всякая перепродажа, всякий процент за пользование тем самым осуждались, об'являлись грехом и понуждали церковь и ее представителей к борьбе против беззакония. Этот мнимый закон, эта освященная церковью неизменность цен, был пригоден в жизни только до тех пор, пока, как мы видели, вся хозяйственная жизнь как бы стояла на одном общем застывшем уровне. Но стоило только начать развиваться каким либо новым явлениям, как требования жизни вступали немедленно в противоречие со схоластическою, мертвящею и невиллирующею все теориею.

А между тем, именно в эту эпоху начинает по немногу расцветать раньше столь серая однообразная жизнь. Как сноп светлых и красочных лучей, брызнул на Европу цветистый далекий Восток, раньше известный из таинственных легенд и сказок. Многолюдные и деятельные Крестовые походы приносили в результате знакомство с новыми странами и новыми товарами. В итоге этих массовых хождений в „Землю Гроба Господня“ начала оживать торговля, притом торговля „левантийская“, восточная, очень прибыльная. За вооруженным в латы крестоносцем в восточные страны проникал и купец, который привозил в Европу восточные пряности и новые товары — перец, индиго, кофе, новые краски и новые вкусовые вещества. Скудный рынок домо- и самодельщины оживал от ряда интересных, новых, диковинных вещей.

За пряностями появились новые восточные изделия: шелковые материи, ковры, серебряные изделия, новые, невиданные раньше, красивые драгоценные камни. Появился и проник на западно-европейский рынок смуглый, юркий и предприимчивый восточный торговец, левантийский торговец, который смущал и вызывал желания к украшениям—у зажиточных женщин и представителей знати, мечтавших и стремившихся к роскоши. Торг и денежный оборот оживали, но учение церкви, схоластическое учение о справедливой, т. е. неизменной цене, парализовало все сделки, все новые, возникавшие в хозяйстве отношения.

Из этого противоречия жизни и теории люди выходили всеобщим людским путем — путем л и ц е м е р и я, дававшим единственный выход из тупика, в который попала новая жизнь, связанная с денежным хозяйством и денежными отношениями.

Рост нового, уже д е н е ж н о г о, хозяйства, начавший с конца XVI века кое где сменять старое натуральное хозяйство, проникать через толщу старого хозяйственного однообразия, тем самым пришел в конфликт со старыми воззрениями на денежные отношения. Порча денег, которую несли с собою новые условия, была одним из тех новых явлений, которые горячо и единодушно осуждались. Все эти, вызванные новыми условиями жизни, искусственные расширения числа и запасов монеты были таким новым дурным „греховным“ делом, против которого роптали в первую голову все собиратели с населения денег, а следовательно впереди других— духовные лица. Всякий аббат, кюре, духовник, долженствоваший получить за требу красивую, сверкающую серебрянную или золотую монету, одно воспоминание о которой волновало его пастырское или монашеское сердце, получив плохую, маловесную, небрежного чекана, монету, раздражался и негодовал на новые денежные порядки.

Монахи двух немецких монастырей в Саксонии, альбертинцы и эрнестинцы, — решились выпустить памфлеты против новых порядков. Почти единовременно с ними и французский епископ из города

Лизье ученый Николай Орезмиус счел за необходимое раз'яснить своей пастве всю неправильность и несправедливость вновь нарождающегося порядка — порчи и фальсификации монеты. Этот князь церкви сделал свои замечания, степенно и раз'яснительно, как и подобало солидному представителю церкви.

На латинском языке во второй половине XIV века „магистр" и епископ Орезмиус пишет рассуждение о том, как произошли, какова природа и права и каковы изменения, которые претерпели деньги. [1]) Не с простым порицанием, как то делали вышеназванные монахи, не с голословным осуждением, к которому прибегала толпа, но обстоятельно, толково и спокойно излагает свои мысли ученый епископ. Сочинение его тщательно переписывается, — книгопечатания еще не было, — читаются и распространяются среди всех интересующихся, появляется ряд копий, списков, которые ходят по рукам, из города в город, из страны в страну. Общий язык, латинский, помогает этому международному общению немногих разбросанных образованных людей.

Сочинение о деньгах Орезмиуса было не единственным. В последствии появились несколько сходных произведений. В них разбирались вопросы о

[1]) Название по латыни этого труда епископа Николая Орезмиуса следующее: „Tractatus de origine, natura, jure et mutationibus monetarum", сокращенное наименование: „Tractatus de monetis", Впервые это сочинение было напечатано в городе Лионе, в 1605 году.

деньгах и роли денег в хозяйстве. Так впервые появилась литература по экономическим вопросам. Таким образом — возникли первые экономические сочинения. Это были первые ласточки будущей обширной и важной отрасли человеческой мысли — мысли экономической.

Она была вызвана, как мы видели, самою жизнью ее новым денежным бытом и укладом. Первая идеология — теснейшим образом связана с условиями хозяйственного быта своего времени. Деньги, их обращение, смысл и „природа",—вот общие вопросы поставленные на очередь самими жизненными отношениями. Теория только оформляла то, что уже складывалось в самом хозяйственном укладе того времени. Денежные интересы и первые денежные отношения и были теоретически освящены и изложены в первых по времени сочинениях позднего средневековья. В интересах к деньгам проходил канун нового течения — „меркантильного", торгового, денежного, того м е р к а н т и л и з м а, который в более живых и бойких местностях, как наприм. во Франции или севере Италии, сложился раньше, чем в европейских странах с более медленным темпом хозяйственного развития.

Великий экономический перелом от старого натурального к новому денежному хозяйству совершался медленно и постепенно, но в новые условия европейские страны входили по мере назревания в них новых денежных отношений. Конец XIII и

XIV век—вот время этого перелома для более промышленного развития стран Западной Европы. Середина XVI века — для стран сравнительно более отсталых, восточных, с более медленным темпом хозяйственной жизни, с более вялым и бледным характером новых денежных отношений. К числу последних, наравне с другими странами восточной окраины Европы, с Польшей, Латвией, Румынией надо поставить и нашу Россию. Новые денежные отношения врезываются в хозяйственную жизнь России во второй половине XVI века.

Здесь складываются первые, в начале неясные и робкие, денежные отношения — предтечи того торгового капитала, который вскоре охватит всю жизнь и начнет выражать собою новый этап жизни — жизни торгового капитала. Таким образом, источники торгового капитала коренились в доходах и наживе тогдашнего времени. К мутным и разнообразным источникам, отмеченным Марксом, историческое изучение истории народного хозяйства прибавило еще несколько новых добавочных черт, например, городскую ренту.

II.

Меркантилизм.

Торговый капитал и его идеология.

I.

Как уже было указано, примерно с конца XIII столетия жизнь в Западной Европе сдвигается с мертвой точки, и начинают обнаруживаться новые хозяйственные условия, и развиваться новые формы экономической жизни. В начале случайные и местные — эти явления становятся с течением времени все типичнее, распространеннее и ярче. Изменения происходят и внутри населения и вне его (т. е. и в сфере внешних международных отношений) и, в общем, сводятся к постепенной замене прежнего натурального хозяйства новым — денежным. В основе перемены лежит изменение характера и системы производства. С падением старо-феодальной системы выступают новые силы — центральная власть и города. Чиновники и войско нового государства, торговцы и ремесленники городов начинают сменять на арене общественной жизни феодалов, с их вассалами и вилланами. Денежные отношения, денежный оброк, более правильные налоги заменяют собой старые, натурально-патриархальные обычаи, барщину, натуральные повинности, бессистемность обложения. Развивается кредит, внутренняя торговля, вексельные обороты.

Как все население, так и растущая центральная власть нуждается в деньгах, в драгоценном металле для расплат по найму и содержанию войска, для оплаты жалованья чиновников, дипломатов и пр. Деньги нужны и для поддержания престижа и связанных с ним блеска двора и показного просвещения, словом всюду необходимы наличные деньги.

Города так же нуждаются в деньгах для тех же целей. Нуждаются в них и группы населения, платящие денежные подати, покупающие новые орудия производства, вступающие в новые экономические отношения. Хозяева производственных предприятий нуждаются в деньгах для покупки сырья и для найма подмастерьев. Последним, за отсутствием у них движимого и недвижимого имущества, закрывается доступ в мастера. Их положение становится тяжелым, они уже наемники за деньги. Салериат (наемничество за плату, салер — заработная плата) захватывает их в свои тиски. Вскоре они уже навсегда станут „вечными подмастерьями", просто наемными рабочими за плату.

Одновременно с этим внутренним перерождением экономического быта, с новою социальною перегруппировкою населения, которое теперь все оценивает на деньги, идут изменения и внешнего характера. Открытие Америки и нового пути в Индию — изменяет направление старых торговых путей и необычайно расширяет мировой рынок и тем создает новые условия. Так береговая тор-

говля и береговой каботаж отходят на второй план, вытесняемые океанскими путями сообщения. Морской торг переходит из рук итальянских республик к Испании и Португалии, затем к Голландии и, наконец, к Франции. Появляются новые ценности. Наплыв благородных металлов из других частей света естественно производит полную революцию в ценах на предметы первой необходимости, изменяет денежные системы и стоимость предметов роскоши.

Впервые отношение золота и серебра, считавшееся веками неизменным — нарушается. Падение ценности серебра увеличивает цены на все продукты и предметы. Появляется недовольство, ропот, желание понять и выяснить причину возрастающей дороговизны. Отсюда первые шаги к тому изучению хозяйственных вопросов, те первые попытки раскрыть смысл и значение происходящих явлений, о которых мы уже говорили. Начинают писать, а затем и читать книги по экономическим вопросам. Все указанные изменения жизни отражаются в идеологии, создать которую теперь стремятся во что бы то ни стало. Правительства отдельных стран, увлеченные общим течением, стараются своими мероприятиями попасть в общий тон общему движению. Эти мероприятия направлены на увеличение источников дохода казны, на увеличение количества денег, хотя бы путем их фальсификации, на развитие промышленных

сил страны, на усиление внешней торговли, служащей, казалось, источником денег, на развитие и монополизирование отдельных, преимущественно новых, отраслей промышленности. В экономической политике государственной власти появляется, так называемое, торговое, или, что то же, меркантильное направление. Последнее, по мере роста экономической революции, по мере сопутствующих ей правительственных мероприятий, развивается в целую систему меркантилизма (système mercantile), как ее называют с конца XVIII века. Она возникла, таким образом, в позднейшую эпоху средних веков и для проведения требовала уже сильной государственной власти и денежных средств.

Меркантилизм требовал накопления капитала (торгового капитала) и значительной центральной власти, единой монархии, а не многоликого феодализма. Меркантилизм поэтому стал проводить интересы торгового капитала в эпоху монархии. Все это было под силу лишь торговой буржуазии. Меркантилизм есть идеология новых условий, а именно идеология третьего городского сословия, связанного с абсолютизмом. Меркантилизм, поэтому, является типичною политическою экономиею абсолютизма и связанной с ним зарождающейся буржуазией. Меркантилизм есть ничто иное, как созидание (нового) государства. Общей теории, а главное, философского обоснования, у нового направления еще нет. Меркантильная литература

представляет собой простую апологию существующего, панегирики законодателю, льстивую протоколизацию бурно надвигающейся действительности, восторг перед этой действительностью. Не ищите в меркантилизме об'единяющей философской мысли, не ищите гениального синтеза, проницательного анализа! Их нет, он весь в практике.

Экономические воззрения меркантилизма, его теоретическое воззрение, его литература — зеркало событий, бумажная пена водоворота жизни и законодательства. Идея, так называемой, меркантильной школы была верным теоретическим снимком с практической действительности того времени; нации и правительства прибегли к меркантильной политике вовсе не благодаря влечению к особой научной форме мышления, а под давлением тогдашних обстоятельств и вследствие наблюдения слишком очевидных для всякого фактов действительности. Обыкновенно к представителям этого направления причисляют всевозможных писателей, начиная с XIII века. Некоторые же видят в меркантилистах группу писателей, трактующих вопросы безопасности и благосостояния, почему и предлагают это направление наименовать „системою государственной полиции благосостояния".

Всех меркантилистов, как сказано выше, об'единяет не философский фундамент, а жизнь и апология новых течений; в ней они защищают одни только общие положения, в начале — идею торго-

Нам русским, например, для изучения меркантилизма нужно обращаться в далекие итальянские библиотеки или в книгохранилище Британского Музея. При этом предварительно необходимы розыски первоисточников. Другою трудностью изучения меркантилизма является то, что вся система никогда не была обработана в одно синтетическое целое, в одно логически стройное учение, изложенное полностью, в одном каком-нибудь исчерпывающем это направление, сочинении. У меркантилизма не было ни своего Аристотеля, ни своего Фомы Аквинского, ни своего Адама Смита, ни своего Маркса. Теория меркантилизма как бы носилась в воздухе. Идеи меркантилистов выражались более или менее ясно то у одного, то у другого писателя. Но, как система более прикладная, практическая, дух ея узнается лучше из анализа мероприятий, указов и законов той эпохи, когда теория и жизнь сливались еще воедино.

Идеи меркантилизма в настоящее время не совсем забыты. Между эпохою меркантилизма и современною во многом имеется громадное сходство. Недаром середину XIX века с ея политикою растущего государственного вмешательства называли „нео-меркантилизмом“. Как тогда, так и теперь европейские народы переживают серьезные изменения в своем хозяйственном укладе. Как тогда, так и теперь интересы и значение центральной власти занимают господствующее место. Мер-

Кантилисты были буржуа-государственники, преклонявшиеся перед силой капитала всех видов, но не знавшие еще капитализма. Меркантилисты являлись идеологами городского зажиточного слоя, стремившегося к накоплению капитала, под охраною сильной, центральной власти. Меркантилизм, тем самым, являлся экономическою доктриною абсолютизма. Современный буржуазный капиталистический строй весь держится на государственном содействии, начиная от мелких судебных решений по делам промышленности, кончая активным содействием гигантским трестам. Буржуазное государство тесно срослось с буржуазным хозяйством.

Меркантилизм особенно мало изучен в той позднейшей его части, которая представляет собой его разложение. Причины неудач меркантильной политики особенно интересны. Если бы в экономической литературе появилось исследование, которое поставило бы своею задачею указать новые явления, которые выдвинула жизнь против меркантилистов, то такая работа безусловно принесла бы пользу экономической политике настоящего времени.

Меркантилисты, как было уже указано, являлись идеологами новых хозяйственных условий Европы, условий буржуазных, которые они сами же неумеренно восхваляли. Старый феодальный строй и патриархальные привычки находили в них горячих порицателей. Их защита денежного хозяйства и государственного вмешательства первоначально была

вого, а потом расчетного баланса и т. д. Все это, однако, отнюдь не должно умалять важности и достоинств их сочинений.

Меркантилизм, под влиянием резкой критики последующих учений, под влиянием критически и оппозиционно настроенных течений, третировался как нечто низменное и вульгарное, как система сознательно и преднамеренно потакающая наживе и эксплуатации. В действительности это неверно и несправедливо. Теория меркантилизма не состояла только в одной заботе о накоплении денег и в одном стремлении к наживе; она вовсе не отождествляет денег с богатством, как утверждал о нем ложно Адам Смит. Меркантилизм стремился урегулировать все хозяйство страны, создав в нем единство и планомерность. Стихийные и вялые хозяйственные процессы получили при меркантилизме выявление и критику.

Меркантилизм за отдаленностью эпохи и, благодаря пренебрежительному к нему отношению, до сих пор вообще мало изучен. Даже существование такой хозяйственной системы отрицалось. Многие литературные памятники того времени, если не считать двух трех переизданий, [1]) составляют библиографическую недоступную редкость и за немногими исключениями не переведены на другие языки.

[1]) Так например серия памятников, изданных германскими профессорами Брентано и Лезером, таково 50-томное итальянское издание „Экономических Классиков" Кустоди.

по своему революционна, но аргументы свои они черпали, все же, из сомнительного „здравого смысла“, а в духовных своих повадках и вкусах являлись чистокровными консерваторами худшего типа. Основным нервом всей системы и всего духа меркантилизма — было одно стремление, одно всепокрывающее стремление к наживе. Это был ничем не прикрытый классовый инстикт буржуазии. Отсутствие всякого признака обстракции не давало почвы для конструкции теории, которой и не создал меркантилизм, но, в тоже время, меркантилисты хотя и не создали целостной теоретической системы, но все взгляды и рецепты их проникнуты единым настроением, единым духом — ультра буржуазным. И если в науке нельзя указать евангелия меркантилизма, подобное святыя святых буржуазии, — „Богатству народов“ Адама Смита, — зато всегда легко угадать меркантилиста любой страны и любой эпохи. Только современные меркантилисты в своей аргументации более робки и более нерешительны, чем меркантилисты старого времени.

Центральными пунктами в воззрениях меркантилистов были регламентации всех отношений власти, а отсюда правительственная опека всех слоев населения и всех хозяйственных его функций и стремление к возможно большему количеству благородного металла, запасы которого отождествлялись им с народным богатством. Переход к денежному укладу сверху до низу, усиление центральной власти,

образование великих государств — заставляли искать возможно больших денежных средств. Если рассмотреть формы, в которых выразилась эта забота о приливе материальных средств в страну, то легко можно различить три стадии в развитии меркантилизма: 1) так назыв. „варварскую“, 2) торговую и 3) стадию расчетного баланса. Одна стадия логически вытекала из другой, по мере экономического развития Европы.

Рассмотрим ближе каждую из стадий.

В первой стадии развитя меркантилизма именуемой „варварской“, на деньги смотрят очень примитивно: считают, что чем больше в стране благородного металла, тем страна богаче. Все стремится к захвату золота и серебра, являющихся единственным влечением жизни, главною радостью существования. Поэтому повсеместно усиливается стремление к увеличению количества монеты. Когда для чеканки не хватает металла, усиливается фальсификация и порча монеты. С целью накопления металла запрещается вывоз благородных металлов заграницу и поощряется их ввоз. В первый период прибегали еще и к самым жестоким средствам — грабили и убивали капиталистов, особенно евреев, чтобы добыть деньги поддерживали работорговлю, пиратов и т. д., словом, ни перед чем не останавливались, лишь бы захватить побольше благородного металла. Такая хищническая экономическая политика поддерживалась обязательством ввозить обратно часть

денег, вырученных от иностранцев, в звонкой монете. В Англии, кроме того, иностранные купцы обязывались тратить всю выручку на покупку английских товаров. Для этого существовал особый надзор правительственных чиновников в staple towns и функционировал особый государственный меняла (Royal exchanger). Типичным литературным выразителем этого периода является англичанин Миссельден. Из Англии, изложенные идеи распространяются в Испании и Португалии, затем уже переходят на север и восток европейского континента.

Во второй стадии меркантилизма, стадии „торговой", начинается усиленная погоня за товарами. Развивающиеся международные торговые отношения приводят народы к выводу, что путем внешней торговли также можно легко получать металлические деньги и благородные металлы во внутрь страны. Теперь стремятся к расширению торговли главным образом, к вывозу товаров за-границу ради получения при экспорте уплаты. Уже не довольствуются одним запрещением вывоза золота и серебра, но придумывают новые средства завладеть богатствами; начинают зорко следить за тем, как идет обмен различных товаров, как происходят торговые сделки. Это требует создания особого штата. Для всех операций внешней торговли назначаются особые места, и особые чиновники, которые должны следить за тем, чтобы из страны никто не вывозил металлов. Если, например, кто либо из иностранцев про-

дал товару на 100.000 рублей, он должен эти деньги оставить в стране и, если, всетаки, окажется излишек, он должен показать его чиновникам. Таким образом, все денежные сделки проходили через правительственный контроль. Как в первом периоде находились экономисты (например Миссельден), которые защищали положение, что все богатство заключается в металлических деньгах, так и во втором периоде нашлось еще большее число защитников торговых отношений — или торгового баланса.

Вопрос о торговом балансе, т. е. соотношении ввоза и вывоза, другими словами—импорта и экспорта, всегда очень существенный вопрос при международной торговле.

Еще с конца XV века европейские государства наблюдали, что внешняя торговля глубоко задевала интересы не только торговцев, но и всей страны. При ввозе товаров из-заграницы за них приходилось уплачивать хорошими металлическими деньгами, т. е. содержащими определенное количество благородного металла-серебра, реже золота. Эти деньги ценились на вес, потому что благородные металлы расматривались как товар. За вывозимый товар в соседнюю страну от соседа получалась равная стоимость, эквивалент, в металле. Ввоз товаров был равносилен вывозу благородного металла, вывоз—его получению. Для того, чтобы не было передвижения металла из страны в страну, производили подсчет—ввоза и вывоза товара, следили за равновесием того

и другого, справедливо полагая, что, в общем, ввоз и вывоз товара равнозначущи перемещению металла из страны в страну. Это равновесие получило наименование торгового баланса. Совершенно очевидно, что соотношение, при котором создавался излишек металла в пользу страны, получило наименование благоприятного торгового баланса, обратное соотношение—неблагоприятного. В итоге балансового подсчета перемещался только остаток, излишек или сальдо. Поэтому в торговом балансе и его характере усматривали источник и характеристику материального положения хозяйства данной страны. Благоприятный торговый баланс—был по мнению тогдашних государственных людей верным залогом успешного развития народного хозяйства. Так, вместо первоначальной теории, носившей наименование—биллонной, отождествлявшей богатство с металлическим запасом благородного металла, водворилась новая теория—теория торгового баланса. На этом анализ торговых взаимоотношений соседних стран не остановился.

С развитием экономических отношений, с осложнением европейской хозяйственной жизни,—отношения между соседними государствами переросли узкие рамки отношений ввоза и вывоза. Товары, переходя из страны в страну, требовали ряд других значительных накладных расходов: грузы должны были нести расходы по перегрузке и провозу (фрахт), по страхованию и т. д. При этом значительном

расходе по транспорту было выгодно предоставлять для морских перевозок свой флот. Руководясь мыслью о добавочном заработке на экспорте лорд-протектор Англии—Оливер Кромвель издал свой отныне знаменитый „Навигационный Акт", 1651 г., по которому ни одна тонна английского товара не могла иначе перевозиться, как на судах, построенных в Англии. Этот Акт сильно содействовал кораблестроению и упрочению английского торгового могущества на море.

Кроме таких прямых и непосредственных отношений, государства вступали и в ряд других денежных и кредитно-денежных обязательств. Например, одно государство занимало у другого деньги, на что следовала оплата процентов. Все такого рода срочные оплаты разного вида и наименования составляли в итоге солидную сумму платежей. Иногда случалось, в итоге, что страна с благоприятным торговым балансом, должна была вместо ожидавшейся получки сама платить. Общий денежный подсчет, общий платежный или, как его потом чаще называли—расчетный баланс—оказывался отрицательным. Так, например, позже, в царской России годами при благоприятном торговом балансе, расчетный был не выгоден. Излишек денег, полученных Россией по вывозу, уничтожался необходимостью платить % по займам, по фрахтам, по страховке и пр.

Так ход общих денежных отношений постепенно вытеснил прежнее значение торгового баланса, уступив место балансу расчетному. Теория последнего, как более глубокая и солидная, привела к замене одного баланса другим.

Теория расчетного баланса первоначально еще более осложнила весь экономический вопрос. В эту эпоху основной заботой являются, с одной стороны, мероприятия, направленные на то, чтобы стоимость вывоза превосходила стоимость ввоза, („благоприятный баланс"), с другой — на создание отечественной промышленности, к которой подходили тоже с товарной точки зрения. Чем высшего качества и чем дороже были произведения промышленности, тем больше зарабатывал и тем легче транспортировал товар торговец. При этом, по первой группе мер, необходимо было, чтобы получился возможно больший доход, т. е. чтобы получался баланс, выгодный для казны. Таким образом, вместо балансов денежного и товарного, направленного на наблюдение за товарными сделками, появляется баланс, в себя их вмещающий, как часть, именно—расчетный. Меркантилизм в таком виде современные ему экономисты признавали наиболее правильным и долгое время думали, что найден истинный путь к благосостоянию государств. С этою же целью в государстве преследовалась роскошь и все то, что требует прилива иностранных товаров в страну. Новую точку зрения защи-

щает целая группа экономистов, которые, в конце концов, являются наиболее типичными представителями теории меркантилизма. Таковы, например, англичане Томас Мэн,[1]) Джошуа, Чайльд, Валтер Ралей[2]), Дэвенант, Виллиам Темпль, написавшие соответствующие сочинения по вопросам торговли, денег и экономической жизни. Сочинения названных писателей были жизненны и убедительны, особенно для материальных интересов городской буржуазии.

Последняя была к этому времени господствующею социальною силою той эпохи. Поэтому большинство правительств европейских стран, не исключая России, увлекаются воззрениями меркантилизма, и почти всюду появляются представители этого направления. Меркантилизм и меркантилистическая политика стали всеобщими.

В эту же эпоху, последнюю для меркантилизма, наступает и разочарование меркантилизмом. Причин для такого отношения было много. Экономическая теория денег не удовлетворяла, преследование одних торгово-промышленных интересов становилось явно недостаточным, опека экономической жизни в целях поощрения и урегулирования приобретала форму мертвящего формализма.

---

[1]) *Томас Мен* (Thomas Mun): England's Treasurehy Forraign Trade of the Balance of our Forraign Trade 1664.

[2]) *Валтер Ралей* (W. Raleigh) observations touching trade and Commerce. 1603.

Чрез толщу общих условий пробивались ростки новых отношений и веяний.

Новые теоретики меркантилизма, более научно-образованные, судили уже обо всем иначе.

Во-первых, было обращено внимание на то, что деньги имеют значение не только в силу своего количества, но и в силу быстроты своего обращения. Затем, в связи с этим было отмечено, что в торговле все более преобладающее значение получает не немедленная сделка, а кредит, не наличность, а векселя, все это вытесняло наличный металл. Затем, сами меркантилисты начинают отказываться от защиты торгового баланса и переходят к усиленным заботам о внутренней торговле и промышленности. Важность последней перед первою становится вполне очевидною.

По вопросу о насаждении промышленности сильною государственною властью—меры правительств были очень разнообразны и все более усложнялись. Наиболее успешною была система последнего этапа кольбертизма во Франции — единственное, что ценным и полезным оставил после себя меркантилизм. Главным выразителем этой новой политики был французский министр Кольбер (его министерство 1661—1683), по имени которого и вся меркантильная система называется „кольбертизмом". Последнее название („colbertismo") дал этому направлению итальянский публицист Менготти (Mengotti, Il colbertismo, 1792). Правильно, однако, под коль-

бертизмом разуметь чисто французскую разновидность меркантилистической политики, почему мы рассмотрим его ниже в главе о меркантилизме во Франции. Мероприятия Кольбера, как известно, являются сравнительно удачным и полезным моментом в экономической истории Франции XVII века. Блестящее развитие последнего было лебединою песнею меркантилизма. Затем, вскоре, наступила эпоха его окончательного падения. Чтобы понять причины этого падения, нужно представить себе всю экономическую политику меркантилизма в целом; к ней и перейдем.

II.

Экономическая политика меркантилизма.

Усиливавшееся могущество центральной власти постепенно суживает экономическую инициативу подданных. И самые начинания, и план, и исполнение, и надзор за ними, мало по малу, переходят в руки государства. Государство,—этот Левиафан современности,—становится главным рычагом всей промышленной жизни народа, которым оно распоряжалось, согласно принципу короля Людовика XIV— „l'état c'est moi" („государство—это я"). Личность поэтому делается все более бесправной, безвольной и беззащитной. Она становится простым об'ектом государственных мероприятий в области промышленности и торговли. Так, например, прусский король Фридрих Вильгельм I схватывает, несмотря на протесты, слесарей и шлет их к Петру I. Король Вюртембергский Карл, введя соляную монополию и недовольный размерами поступающих к нему доходов, приказывает каждому из подданных покупать соль в бóльших, чем им нужно, размерах. Один из немецких деспотов точно также, ради под'ема писчебумажной промышленности, приказывает своим верноподданным покупать изданные им в пользу казны к а л е н д а р и, грозя в противном случае штрафом в 10 талеров. На основе таких воззрений возникла всеоб'емлющая, широкая и детализированная

опека центральной власти с полным внедрением во все стороны народной жизни. Ограждение, запрещение, содействие—становятся девизами новой политики—государственного вмешательства в частное и народное хозяйство. Последнее сказалось в двух направлениях, во-первых, в виде тенденции к стеснению частной инициативы и индивидуальной свободы, ради проведения определенной экономической политики; во-вторых, в виде защиты одной группы населения от другой и от внешних влияний, ради изоляции более сильных от более слабых, которых государство считало необходимым защищать [1]).

Но неплохие замыслы—поставить предел стихийности и нормировать жизнь сверху—приводили, в конце концов, к всесторонней опеке, строгому надзору и общему порабощению всего народонаселения. Эта система вводилась к тому же ради интересов торгового класса и сближавшегося с ним полицейского государства. В итоге получилось то типичное соединение политического угнетения с защитой исключительно классовых экономических интересов, чем всегда характеризовался абсолютизм.

В зависимости от необходимости осуществления той или другой тенденции проводились и государственные мероприятия. Одна группа мер, как было

[1]) Эти воззрения идейно поддерживает и развивает философ *Иоган Готлаб Фихте*, в своем сочинении „Замкнутое Торговое Государство", 1800 г., рус. пер. *Эссена*, Петр. 1922.

указано, направлялась или к передаче частной инициативы правительству, или к общей опеке над всем народонаселением, или, что чаще, к опеке над его отдельными классами.

Общая опека выразилась в запрещении вывоза денег, в установлении в начале торгового, а, потом, и общего расчетного или денежного баланса. Что касается опеки над отдельными классами населения, то ее можно подразделить на три группы: на опеку над производителями, посредниками и потребителями.

Опека над производителями, или, так называемый, „кольбертизм", состояла в особом покровительстве туземной промышленности, как путем насаждения ея, так и путем защиты от конкуренции иностранцев. Защита была двоякого рода: установление пошлины или же привоз мастеров, которые могли бы конкурировать с иностранцами.

В то же самое время запрещается ввозить в страну, с которой установились враждебные отношения, сырье и машины. Так, в Англии Генрих VI запрещает вывоз пряжи, Генрих VIII—кожи. Рука об руку с этим идет и колониальная политика и меры пресечения конкурентной для метрополий торговли колоний. За колониями начинают зорко наблюдать. Их экспорт и импорт точно учитывается. Их экономическая, особенно торговая, жизнь берется под опеку. Разрешается производить торговлю только на судах метрополии: в этом духе выпускается изве-

стный Навигационный акт Кромвеля, в 1651 году. Согласно акту Кромвеля, все привозимые в Великобританию товары должны приходить только на британских кораблях. В том же духе были изданы и испанские эдикты Филиппа III, который грозил смертною казнью за ввоз чужеземных товаров в американские колонии Испании. Ради той же опеки над производителями Елизавета в 1563 году устанавливает особую должность для поощрения рыболовства, а несколько позже ради содействия шерстяному делу, Елизавета Английская требует погребения только в шерстяном платье, грозя штрафом в 5 ф. стерлингов всем отступникам от ее приказа.

За опекой всегда следует контроль. Этот контроль не новость, он, как наблюдение над производством и его регламентация, переходит к государственной центральной власти от старых цеховых организаций. Так, например, в 1363 году издается приказ, чтобы все английские сукна для продажи шли не иначе, как через правительственного сукномера, конечно, с оплатой соответственной пошлины. В 1463 году издается особый указ о законной длине и ширине отдельных сортов той-же материи. При Тюдорах издается соответствующее постановление о выделке деревенской шерсти, выработке пива, серебряно-золотых изделий и пр. Вместе с тем устанавливается строгий надзор за мерами и весами, клеймом и пробой изделий. Все должно быть при

переходе из мастерской на руках взвешено, оценено и выяснено. Кстати, это тот момент, при котором легко взимается пошлина. Рынок особенно строго подчинен и надзору и обложению.

Исполнение всех постановлений гарантируется суровыми наказаниями. Было уже сказано, что Филипп III Испанский за ввоз товаров в испанско-американские владения грозил смертною казнью. То же делает Филипп IV по отношению ввоза золота. Так же суров Генрих VIII в Англии, также суровы в эту эпоху все правители.

На менее тяжела опека над посредниками, их заподозривают и облагают без жалости. Международные торговые договоры стремились дипломатическим путем устранить конкурентов. Акционерные и торговые компании, например Ост-Индская, получают различные привилегии в торговле колониальными товарами. Меры и вес на рынке становятся об'ектом наблюдения особо созданной для сего новой рыночной полиции. Филипп IV разрешает ввозить все иностранные товары в Испанию только через одну гавань, именно, гавань одного города Кадикса,—это так удобно и просто для наблюдения, это так идеально хорошо для фиска... что это нелепо и прямо таки ужасно для всего населения—об этом совсем никто еще не думает.

Еще детальнее была опека над потребителями. Тут мы видим и таксу на предметы первой необходимости, и контроль за качеством товаров

(рыночная полиция), и таксу заработной платы, как минимум ее, и борьбу с роскошью, и закон о бедных.

Таксы, эта регулировка сверху рыночных цен, устанавливались почти на все предметы первой необходимости. Исполнение сложной и трудной фиксации цен гарантировалось штрафом за уклонение и конфискацией как денег, так и товаров при продаже не по таксе. Так, Генрих VIII Английский, в рвении к определению твердых и неподвижных цен, устанавливает следующую таксу на вино и мясо: говядина и свинина—$1\frac{1}{2}$ пенса, баранина—3 фартинга за фунт, французское и немецкое вино—18 пенсов галон, испанское и португальское—1 шиллинг галон и т. д. На все главнейшие продукты питания и на все изделия тогдашних ремесленной и кустарной промышленности устанавливались твердые и неподвижные таксы. Помимо таксы издаются очень грозные запрещения торговцам притеснять производителей и потребителей. Не менее назойливо производится контроль над качеством товаров. В конце концов, городская рыночная полиция захватывает под свой надзор все торговые обороты.

В числе рыночных цен имеются и цены за труд—заработная плата рабочего. Эти цены тоже подпадают под нормировку. Ремесленник может обидеть обывателя. Последнему тоже нужна защита. Так возникает такса на человеческий труд, но не для защиты и охраны трудящегося, а для охраны, в конце концов, зажиточного городского буржуа.

Таксы заработной платы устанавливаются уже с половины XIV века. Так, статуты рабочих 1350 года знают плату, так называемую „плату до моровой язвы“ и плату позднейшую. В 1388 году устанавливаются штрафы за плату, превышающую определенный максимум. По знаменитому отныне закону Елизаветы 1562 г. заработная плата рабочим устанавливается на суде экспертами и об'является в каждом отдельном судебном округе до всеобщего сведения. Согласно статье 15-ой этого закона плата должна „доставлять рабочему человеку пропитание на целый год“. Эта система стоит в связи с принудительным трудом, так как никто не может отказаться от работы, предложенной ему по плате, установленной законом. Точно такие же таксы на заработную плату устанавливаются и в сфере земледелия. Таксы эти защищают только нанимателя, а не, как бы следовало, рабочего. Поэтому вся дальнейшая история рабочего движения сводится к тому, чтобы отменить ненавистные законы о заработной плате, хотя в некоторых местах, например, в XVII в. в Англии, сами рабочие добиваются установления определенной заработной платы. Одновременно издается антисоциальный закон против союзов рабочих, связанный с законом об оседлости (1662 г.). Законы, издаваемые для урегулирования заработной платы, охраняют только интересы издающей их буржуазии

Какие то смутные стремления к равенству также получают выражение в борьбе против роскоши. Они

впрочем, как всегда, приводят только к обману, лицемерию и к поборам. Своей цели они не достигают.

Законы против роскоши известны с половины XIV века. Так, по английскому закону 1363 г. пахари и пастухи не должны носить материю дороже 1 шиллинга за аршин. Обед и ужин простолюдина не должны состоять более, чем из 2-х блюд и 2-х сортов пищи, а в праздник 3-х. По закону 1463 г. прислуга не должна носить платье дороже 2-х шиллингов за ярд, чулки не дороже 18 пенсов за штуку. В 1482 году опубликовывается повторение этого закона. Многие из мероприятий этого типа сохраняются надолго в европейском законодательстве и переживают самый смысл их. Некоторые же из этих мер, своевременно исчезнувшие, появляются вновь только в 19 веке с развитием протекционной политики и возникновением тех тенденций, которые можно назвать „нео-меркантилизмом“. Немецкий экономист Конрад считает век XVI,—век особенного развития меркантилизма, и век XIX—близнецами. Но Конрад имеет перед своим умственным взором только условия германские и вообще европейские. Еще более типичны в этом отношении русские условия. Если Бруно Гильдебранд сказал, что меркантилизм есть политика абсолютизма, то мы, основываясь на примерах 19 столетия, можем утверждать, что абсолютизм и меркантилизм не только временно дополняют друг друга, но один без другого совершенно немыслимы

III.

Хозяйство Испании, как образчик осуществления идей меркантилизма.

Теоретические воззрения, выросшие из новых буржуазных отношений, выяснили многочисленные писатели XVI века в более передовых странах Европы, в Испании, Англии и Италии. Хотя Франция и Германия также не остались чужды новому движению, но нигде кроме Испании не было таких особенно благоприятных условий для его развития. Так как завоевание Нового Света дало на долю Испании большие запасы благородного металла, доставшиеся испанцам без труда, то Испания в силу своих исторических судеб сразу достигла того благополучия, которое в других странах требовало времени, труда и напряжения. Поэтому меркантилизм в Испании выразился раньше других стран в жизни и в ее экономической политике, т. е. в издании системы мероприятий, законов, правил поведения, а не в теории. В Германии то же направление вылилось в особой форме, в камералистике. Не осталась чужда идеям меркантилизма и стремлению к проведению меркантилистической политики и Россия в XVI и XVII столетиях. Воззрения меркантилистов оформлялись и складывались в разных странах, но общего исчерпывающего научного обзора меркантилизма, как системы до сих пор еще не имели. У меркантилизма не было

своего единого евангелия, одной главной теоретической книги, излагающей основные положения всей системы. Существует несколько об'яснений отсутствия общей теоретической системы у меркантилистов. Здесь, между прочим, может быть принято во внимание удачное замечание, сделанное по этому поводу профессором А. Онкеном:

„Понятие торгового баланса, — говорит он, — всегда принимается (меркантилистами) за нечто не требующее более глубокого основания. В этом лежит причина, почему меркантилизм, несмотря на свою необыкновенно богатую литературу, не может быть признан собственно теоретическою системою. Его представители разрабатывают исключительно практические вопросы торговой и экономической политики. Теории еще не существует. Меркантилизм является практической, а не теоретической или научною, системою политической экономии".

Отсутствие теоретической системы у меркантилистов в значительной степени об'ясняется тем, что центром внимания общественной мысли того времени была идея государственной власти, территориальной организации, национально-политического могущества. Интересы хозяйства были средством, а не целью. Мысль писателей была направлена на то, главным образом, как достигнуть государственного благополучия, национального богатства, а не на причинный анализ существующих форм. Такое отношение отразилось на учении меркантилистов

всех стран. Конечно, идеи и основоположения меркантилизма развивались медленно и постепенно, принимая в каждой из европейских стран совершенно особый характер. Рассмотрим, поэтому, как развивались меркантилистические идеи в каждой из стран в отдельности. Начнем с Испании, где особый ход экономического развития давал возможность раньше всего провести идеи меркантилизма.

Если всмотреться в ход экономической жизни Испании, в течении долгого периода, начиная с XIII, кончая XVII столетием, то первое, что бросается в глаза,—это все ускоряющаяся смена натурального хозяйства денежным, а отсюда всеобщее стремление к наличным металлическим деньгам. Погоня за металлом одушевляла все слои населения и особенно жгуча была у многочисленных европейских правительств. И, действительно, падающее земледелие феодалов и раззорение сельских виллановъ не могло предоставить выгодных источников. Мутные источники быстрого обогащения, которыми жили торговые эксплуататоры населения, были доступны немногим. Необходимо было обратиться к новым источникам—расширению торговли, увеличению промышленности, к новым колониальным завоеваниям. Мануфактура и колониальная политика сделались предметом особого покровительства. У правительства же все меры сводились к тому, чтобы довести цифру бюджета до возможно большей величины, что было естественно связано с созданием

особой национальной политики. Последняя была наиболее типична в тогдашней „первой стране мира"— Испании. К тому же здесь меркантилизм достиг своих крайних пределов. Одно время в силу благоприятных исторических условий Испания стояла впереди всех государств Европы. В ее руках были великие торговые пути в Индию и в Новый Свет. Ей же принадлежали и громадные запасы драгоценных металлов в виде мексиканских серебряных рудников, и обширный флот, и многочисленные заатлантические колонии, безпрекословно подчинявшиеся метрополии, словом, все, что являлось вожделенным согласно рецепту меркантилистов. Но так продолжалось недолго. Те же факторы, которые послужили основанием могущества, оказались причиною разложения экономического строя этой злосчастной страны. Великолепная некогда страна Сида Компеадора, блестящего рыцаря и героя, превратилась в страну, где уныло бродили одни Дон-Кихоты. Страна быстро раззорялась, производство падало, нетрудовые элементы множились, экономическое оскудение приводило к ослаблению политической роли страны. Признание нидерландской независимости было формальным завершением политического падения Испании. Вскоре и первенство в мировой торговле из рук Испании переходит в руки Голландии, а позднее — Англии. Если всмотреться в причины падения Испании, то мы прежде всего увидим правительственный абсолютизм, который в своих проявлениях ничем не

сдерживается,—это не „просвещенный абсолютизм“, а абсолютизм безмозглый, жестокий, свирепый.

В остальной Европе власть держится соединением центрального правительства с мелкими феодалами, на связи с городами, с буржуазией. В Испании же эта власть держится единственно на одном дворянстве, и это положение очень своеобразно. Испанское дворянство—гидальго для Испании является чем то с внешней стороны правительственным. Но по существу дворянство выражает собой презрение к труду, особенно промышленному. Представители труда во время феодализма несли все налоги, а рыцари были свободны. С падением феодализма в Европе, внутренняя энергия рыцарства направилась на новые формы жизни, на экономический под'ем. Но не то в Испании. Здесь рыцарство, в силу войны с Италией и Европой, благодаря маврам и открытию Америки, удержалось надолго. Испания в свое время поставляла на весь мир интеллигентные силы солдат и чиновников и этим себя ослабила.

Испанские гидальго принесли с собой только феодальный строй; с падением его гидальго оказались неспособными к труду. Немногочисленная буржуазия и разоренное простонародье только подражало гидальго. Повсюду в Европе короли и города соединились для борьбы с феодализмом, в Испании дело пошло иначе. Карл V получил деньги из Голландии, Филипп II из Перу и Мексики, города

им были не нужны. Затем всюду, в тогдашней Европе, шло усиленное развитие индивидуальной инициативы и хозяйственного строя. Между тем, и в этом отношении в Испании было иначе. Здесь укреплялось военно-чиновничье государство. Здесь уже создалась неслыханная в Европе организация подавления индивидуума и индивидуализма. Рука об руку с „обществом Иисуса" развивался и самый крайний абсолютизм. Рыцари буквально всех терроризировали. Феодальные майораты, прежде преследуемые, теперь начинают усиленно поощряться. Изыскивая способы к существованию, рыцари берутся, но неудачно, за овцеводство. Вся Андалузия принадлежала тогда пяти лицам, крестьянство было разорено, дома сожжены, заборы сломаны, сельское хозяйство было совершенно заброшено. Рыцарское овцеводство, в конце концов, поглотило и самих овцеводов.

Королевская власть, опиравшаяся только на дворянство, была без денег. Начинается отчаянная погоня за деньгами. При Филиппе пользуются рудниками Нового Света и даже покровительствуют корсарам, с целью получения возможно большего количества драгоценных металлов. Государственные долги возрастают. По смерти Карла V их осталось на 20 милл. дукатов. Филипп II дважды об'являвший себя банкротом, все же оставил долг в 20 мил. дукатов. Одновременно развивается покровительство государства и церкви... безделью. Массы уходят в

монастыри, число которых чрезвычайно увеличивается. Рядом с безрассудным гидальго появляется не менее характерная фигура бездельного монаха.

Такие ненормальные условия при почти полном отсутствии своего производства вызвали громадный под'ем цен. К этому присоединилось еще безрассудство экономической политики, вдохновляемой идеями меркантилизма. Испания покровительствовала ввозу чужих товаров, наивно запрещая вывоз металла. В итоге металлические деньги ушли, а местные промыслы, убитые дешевым иноземным товаром, прекратились. Вскоре оказалось, что Колумб открыл Америку не для Испании, а только для двора Леона и Кастильи. Кроме 323 тысяч монахов в Испании постепенно оказалось около 160 тысяч чужих торговцев и ремесленников. Высылая своих колонизаторов за границу, Испания внедряла у себя колонии чужеземцев. Все свободные деньги уходили в колонии и на платеж процентов по государственным займам. Цена медной монеты в течении XVI века удвоилась, а население Испании уменьшилось в два раза. К началу 1600 года народонаселение Испании с 10 миллионов 1500 года уменьшилось до 5 миллионов. Кроме того, замечается одно любопытное явление: деньги уплывают из страны, и чем больше ограничивают циркуляцию метталлов, тем быстрее деньги уходят и, в конце концов, страна, которая обладала громадными запасами золота, лишается его почти совсем. В обращении находятся только одни

медные деньги, а золотые представляют большую редкость. Испания в XVI веке находится прямо таки в трагическом положении.

Таков был результат последовательного проведения идей меркантилизма в экономической политике. В то время, когда абсолютизм в Испании усиливался и поддерживал дворянство и духовенство, члены остальных классов начали эмигрировать. Когда же почти вся торговля очутилась в руках иностранцев, то правительство только радовалось этому, думая, что в страну благодаря этому приливают иностранные капиталы.

В некоторых испанских городах около $^2/_3$ торгового и промышленного населения были иностранцы. Каждый испанец презирал труд и торговлю, а если находил их полезными, то не оставался в стране, а эмигрировал заграницу. Единственный способ, возможный для населения страны,—вывоз хлеба и шерсти, — воспрещался. Разрешалось ввозить только то, что нужно большим городам, двору и придворным. И при всем том свирепствовала ужасающая система налогов, особенно на производство; за переход же с места на место взимался налог. В результате—некогда богатая страна разорилась, торговля и промыслы исчезли. Все это заставило правителей и мыслителей Европы задуматься. Очевидно, что с меркантилизмом обстояло не так благополучно, и вот правительства понемногу начинают отказываться от политики меркантилизма. Сфера

государственного вмешательства начинает изменяться, обращается внимание на развитие промышленности, фабрик. Наступает полоса более умеренного меркантилизма.

Из отдельных представителей меркантилистического учения в Испании могут быть упомянуты два писателя: Иероним де Уцтариц и Бернард де Уллоа. Оба они выступают в первой половине XVII века.

Теория торгового, а затем сменившего его расчетного баланса создала почву для внимания к производству предметов роскоши, годных для увеличения вывоза и равнозначущих приливу значительных запасов денег. Так возникла та полоса экономической политики меркантилизма, которая получила наименование кольбертизма.

Это был последний и наиболее плодотворный этап развития меркантилизма.

IV.

Кольбертизм.

Развитие экономической политики меркантилизма требовало для своего проведения особенно сильной центральной политической власти и нигде, как известно, эта власть не достигла такого исключительного блеска и могущественного развития, как во Франции при короле Людовике XIV.

„Король-солнце", как назвали его современники, довел королевский абсолютизм до крайних пределов развития, его министр финансов, знаменитый Кольбер, довел экономическую политику меркантилизма до таких крайностей, что вскоре вызвал громадную реакцию против принципов всего меркантилизма. Кольберовская политика, не освященная каким-либо намечавшим программу теоретическим сочинением или какой-либо общей декларациею, распадалась на массу практических предписаний, эдиктов и ордонансов, охватывавших все стороны хозяйственной жизни Франции. Эта особая экономическая политика, носившая свой, преимущественно эмпирический, характер, получившая наименование кольбертизма, была для Франции не нова. Еще король Франциск I, на заре XVI века, начал проводить во Франции энергичную экономическую политику, направленную на поощрение торгово-промышленной жизни. Он хотел путем экономических побед подготовить

Франции ее политическое преобладание. Его особенно интересовало широкое промышленное и художественное воспитание французского народа. С этою целью в 1516 г., в год, когда появилась в Англии „Утопия“ Томаса Мора, в Париж был вызван один из величайших итальянских художников, гениальный Леонардо-де-Винчи. Этот исключительный мастер с'умел собрать вокруг себя нескольких выдающихся представителей художественного мира Италии, а равно и поддержать французских художников своего времени. Из Италии приехали знаменитейший ювелир и художник Бенвенуто Челлини, резчик по дереву художник Гуго де - Копри, живописцы Андреа-дель-Сарто и Джираль-де-ла-Роббио. К ним присоединились французский живописец по эмали Леонард Лемузен и художник по гобеленам (вышитые ковры) Соломон де-Гербен. В итоге, в Фонтенебло организовался своего рода художественный центр, небольшая, но исключительная по таланту и энергии, Академия, явившаяся средоточием ряда художественных мастерских. Многие французы получили здесь толчок для своей художественной деятельности и промышленных начинаний. Здесь они обучались, направляли свои таланты и художественные искания. Оживившаяся к этому врамени строительная и промышленная деятельность проникалась вкусом и художественным исполнением. В то же время внешняя торговая политика того же короля развивалась весьма удачно. Правительство Фран-

циска I-го с'умело заключить с турецким султаном Солиманом II исключительный по выгоде торговый договор, по которому вся европейская торговля Турции должна была совершаться при посредстве торгового флота французов. Франция об'являлась „нациею наиболее благоприятствуемою“, (la nation la plus favorisée); со времени этого договора (1535 г.) и другие торговые нации стали добиваться равноправия с французами, что тоже позволяло им стать „нациями наиболее благоприятствуемыми“.

В течение XVI столетия все остальные короли дома Валуа, из которого происходил Франциск, продолжали ту же политику, что и Франциск I. Так в 1577 году вся французская торговля, а в 1585 году вся мануфактура с целью наиболее успешного их покровительства были об'явлены своего рода государственными регалиями, или точнее, droit domainial. При герцоге де-Ришельё, могущественном министре Людовика XIII, продолжалась та же политика, осложненная заботой о заграничных рынках. Затем, при Людовике XIV, следовал Кольбер. Он с упорной традицией продолжал „дело великого кардинала Ришельё“, которого излагал в целом ряде декретов и предписаний. Жан-Баптист Кольбер, по происхождению буржуа, сын суконного фабриканта из Реймса, первоначально поступил на службу к Мазарини, где выдвинулся, что доставило ему скоро место министра финансов. На этом посту Кольбер проя-

вил всю широту своих государственных способностей, ему удалось наладить финансовую систему на новых основаниях, при чем уменьшились государственные расходы наполовину против прежнего и почти вдвое возросли доходы.

Тяжелые государственные долги, ведшие Францию к пропасти государственного банкротства, были частью погашены, частью конвертированы. Впервые в запущенном финансовом управлении Франции появилась отчетность и точность, но на этом реформы Кольбера не остановились. Кольбер с'умел принудить и дворянство и духовенство ограничить их притензии, свободу от налогов, их различные привилегии, опиравшиеся как на могущество церкви, так и на преимущество дворянства, владевшего особого вида доходами, получавшимися от владения правом на занятие судебных должностей. Под его влиянием развилось обширное законодательство, так были изданы различные сборники законов, касавшиеся уголовных, гражданских и торговых вопросов. Здесь заложено было основание будущего торгового права, уже и тогда сыгравшего серьезную революционную роль своим разрушением правовых остатков старого феодального строя. Политика Кольбера касалась многих сторон хозяйственной жизни страны, поддерживала, как тогда называли „королевскую буржуазию", торговлю и промышленность и не лишена была резких элементов опеки и насилия. Он же выдвинул значение совета народного

хозяйства (conseil de commerce), заседавшего первоначально под председательством самого короля. Мудрые государственные мероприятия Кольбера, — великого, скромного и безкорыстного государственного деятеля,—вызывали разнообразные порицания и, конечно, только задержали на мгновение тот крутой поворот французского хозяйства к гибели и полное банкротство, которые вскоре стали вполне очевидными. Вскоре надвинулась реакция против принципов меркантилизма, заботившегося только о городах, их промышленности и торговле. Бедневшая и раззорявшаяся сельская Франция, уже и раньше иногда возвышавшая свой голос, на этот раз окончательно выдвинула вперед свои аграрные интересы. Но раньше, чем к ним перейти, и раньше, чем изложить те новые теории, которые резюмировали воззрения класса, отныне начавшего энергично защищать свои интересы, то-есть ранее изложения идеологии этого класса, — теории физиократов,—мы должны предварительно проследить те новые условия в истории развития торговли и промышленности, которые к этому времени начали определенно складываться и требовали своей доли из общего продукта. Для этого мы должны проследить процесс развития народного быта от городского рынка до национального территориального хозяйства, что представляет собою одну из важных страниц в истории экономического развития.

V.

От средневекового городского рынка до националоальной торговли.

Городской рынок был связан с ремесленным производством. На этом рынке продавались изделия местных ремесленников и вне города не позволялось заводить ремесла. Промышленность в деревнях и селах была воспрещена законом и только спустя два столетия этот запрет был отменен. Так, во Франции свобода сельской промышленности была установлена только в конце XVIII века, а именно с издания эдикта 1762 года. Такое же расширение прав сельского населения произошло в Англии в семнадцатом веке, в Пруссии с 1718 года. При этом,—что любопытно, — внеевропейские колонии правительственная власть европейских государств расматривала, как расширенную сельскую область. Городским торговцам очень рано пришлось вести войну с местными городскими цехами, боявшимися конкуренции. Торговцы очень медленно отвоевывали себе право продавать на городском рынке всякие произведения, не только исключительно местные, но и сработанные в других частях, в начале, той же местности, а затем всякой местности той-же страны. Этому способствовало стремление средневековых городов заводить у себя не имевшиеся ранее промыслы, с каковою целью старались переселить к себе иноземных

ремесленников различных специальностей. Погоня за иностранными мастерами к началу XVII века стала всеобщей. Не только города, но и целые государства, устанавливали различные льготы для иностранных специалистов, стремясь завести у себя новые доходные отрасли промышленности. Как прежде средневековый цех получал монополию на право производства и сбыта товаров в пределах своего города, так и теперь новые предприятия иноземных ремесленников, привлекаемых различными льготами, получали право на такую же монополию. Отсюда целый ряд льгот для новых предприятий. Их освобождают от налогов, от тяжелой натуральной повинности той эпохи—от постоя, дают значительные денежные пособия, отводят земельные участки и здания, а иногда им платят премии за вывозимые ими товары. Для укрепления вновь насаждаемой отрасли производства, запрещается переманивать к себе новых руководителей и рабочих новых предприятий. Все это вместе взятое понемногу расшатало старый городской рынок, связанный с местной промышленностью, и позволило расширить торговый оборот за пределы городской территории. Начиная с XVI века меняется поэтому и характер производства на городской рынок и самый рынок, постепенно выраставший в своих пределах и размерах оборота. Вместо городской промышленности и торговли появляется производство и торговля национальные, территориальные, охватывающие все государство. Новая торгово-про-

мышленная тенденция вынуждает к уничтожению прежних стеснений. Отменяются прежние права на хозяйственную самостоятельность отдельных городов, на их монопольное право стеснять торговлю и задерживать привозимые товары и,—что самое главное,—уничтожаются местные, внутренние таможни и заставы. Нового типа свобода постепенно уничтожает преграды, отделявшие отдельные провинции и части государств друг от друга. Эта необходимость экономического об'единения отдельных частей страны между собою хорошо понял французский министр Кольбер, старавшийся создать условия для развития новой государственной территориально-национальной промышленности. Кольбер об'единил северную и среднюю части Франции в одно целое под одним наименованием и, отменив мелкие внутренние таможни, ввел единый общий тариф (1664 года), бывший для населения более льготным. Спустя полвека та же политика проникла и в Англию. В 1707 году все внутренние таможни, отделявшие Англию от Шотландии, были уничтожены, правительство стремилось об'единить обе ранее разрозненные части страны в одно хозяйственное целое при помощи новых путей сообщения. Так, началось здесь устройство грунтовых и шоссейных дорог, постройка мостов и прорытие каналов. В том же духе шел переход от самодовлеющего города к самодовляющему государственному, в конце концов, к национальному хозяйству. Вполне естественно, что, как прежде город охранял свои производ-

ства и торговлю от конкуренции путем ряда мелких мероприятий протекционного типа, так и теперь государство, упразднив местные таможни и сняв старого городского сборщика от городских ворот, переводило их на одну обширную и единую внешнюю государственную границу. Так возникает таможенная охрана, а в иных случаях защита национальной государственной территории и создается возможность за стеною нового государственного протекционизма содействовать развитию новых промышленных сил. Тем самым создается ясный определенный предел для конкуренции других государств, и открывается для государственной власти необходимость регулировать и направлять всякого рода промышленную деятельность. Поэтому во второй половине XVII века пришлось подчинить государству всю промышленную деятельность цехов и произвести пересмотр их статутов и привиллегий. Вместе с тем создавались благоприятные условия для создания нового типа промышленности—мануфактуры. Так наступил значительный переворот в области производства, от местного, цехового, ремесленного перешедшего к значительно расширенному мануфактурному производству, то-есть к первому начатку нового по духу, капиталистического производства.

Единовременно,—с того же XVI века—происходит крупный переворот в области торгового и рыночного обмена. Размер рынка необычайно расширяется. Торговля выходит из узких, старых пределов внутрен-

них морей и начинает приобретать океанский характер. Теперь уже не отдельные торговые города, не ганзейцы или итальянцы, а целые прибрежные народности стремятся захватить в свои руки морскую торговлю и связанное с нею торговое первенство.

Начинается сложная трехсотлетняя борьба за международный рынок и за торговую гегемонию, и в этой борьбе принимает участие целый ряд стран, первоначально Португалия, Испания и Голландия, а затем Франция и Англия. Эта борьба, часто кровопролитная и упорная, заканчивается к концу XVI века вытеснением из товарообмена португальцев и испанцев, открытиям и энергии которых европейский мир так многим был обязан. Лиссабон и Мадрид, бывшие центрами Европы в XVI веке и устанавливавшие отношения в этом столетии, отходят на второй план, уступая место Антверпену и Роттердаму, а позднее Лондону. В XVII веке гегемония в молодой международной торговле переходит в руки Голландии, а затем, после упорной борьбы, к Англии.

Голландия была сильнее Италии и Португалии своим богатым и многочисленным третьим сословием, многочисленностью своих факторий и сильною эскадрою. Голландия захватила в свои руки торговлю с востоком, не допуская иностранные корабли в индийские воды, на о-ва Цейлон, Яву, Молукку и к берегам Японии. Она стала монополистом, заставляя все страны покупать через нее. Нидерландская монополия была не личною, королевскою, а монополией

могущественной торговой компании,—об'единенной Ост'индской. Поэтому голландцев не зря называли тогда финикийцами нового времени. Им еще в средние века принадлежало важное место во всемирной торговле. Их главнейший торговый центр, город Брюгге, играл в северной Европе ту же роль, как Венеция в Италии. Здесь были сосредоточены богатые склады северо-германской Ганзы. Немецкое купечество выстроило в Брюгге свои гостинные дворы, где велась оживленная и обширная торговля. Она велась на основе тогдашнего, так называемого, „штемпельного права". Товары поступали в торговый оборот только предварительно осмотренные, допущенные к продаже и уже сложенные и проштемпелеванные на складе. Все товары продавались только на наличные, „в кредит" сделки не допускались. Эта система потерпела крах с момента развития морской торговли и открытия новых морских путей. Торговля начинает совершаться в кредиг на бирже или еще в пути. Но старое штемпельное право и установившиеся торговые традиции Брюгге всему этому противоречили. Новый торговый дух требовал эмансипации от торговой рутины старого Брюгге. Торговля перешла в новый пункт в Антверпен, здесь было свободнее и проще и никто не спорил против ставшей необходимой торговой и денежной биржи. Нидерланды в этот период времени стали монополистами восточной торговли. Все восточные товары и прянности, а именно: гвоздика, мускатный орех, перец, рис, кофе, сахар, опий, ко-

рица, с начала XVII века—чай, шли только через руки голландцев, давая им очень высокий доход на затраченный капитал. Часто прибыль измерялась многими сотнями процентов, например, ценность одного фунта корицы после перевоза ее с острова Цейлона в Голландию повышалась в 15 раз. Все остальное продавалось в том же духе.

Но Антверпен недолго возглавлял торговлю Голландии. В 1585 Антверпен был завоеван Испанией, захвативший юг Нидерландов. Торговле пришлось вновь перемещаться в Амстердам. Здесь, утвердившись, Голландия, при помощи Англии, начала упорную борьбу с Испанией. Через три года, в 1588 году, знаменитая Великая Армада Испании была уничтожена. Голландия энергично принялась за постройку новых кораблей и за захват испанских колоний. В самом конце XVII века голландцы создали сильную мореходную компанию — „Нидерландско-Ост'индскую". Это была большая морская сила, быстро монополизировавшая транспорт. Голландцы стали могущественными владыками морской торговли. Начала в это время развиваться и литература, ставшая выразительницею интересов торгового купечества. Появились сочинения—Гуго Гроций (1583—1645).

Гуго Гроций—родоначальник теории естественного права и науки международного права. Он занимал место генерального адвоката нидерландских провинций Голландии и Зеландии и защищал интересы голландской буржуазии. Ради нужд своей торговли Гроций начал

с софистического рассуждения о попранном принципе „Свободы моря“ в своем первом большом сочинении „Свободное море“ („Mare librum“), вышедшем в 1609 году.

Гроций приравнивал противоположный принцип закрытых морей к частной собственности, которую он признавал только как результат приобретения имущества. Море же, утверждал Гроций, не создано отдельными людьми, но дано Богом на благо всему человечеству. Каждый народ, следовательно, имеет право на пользование морем, которое должно быть для всех свободно, а стремление Испании превратить его в частную собственность, в свою национальную монополию представляет собою прямую узурпацию. Земля, например, в противоположность воде может стать и становится об'ектом частной собственности, но это происходит только потому, что производительность земли зависит от человеческой деятельности, чего нет на море. Тем не менее, на земной поверхности, вполне могущей быть частной собственностью, никогда не препятствуют свободе сношений изданием запрещений или высокими пошлинами: море должно быть совершенно свободным.

Так защищал знаменитый юрист интересы посреднической торговли и своих доверителей. Наука того времени была уже на службе влиятельной торговой буржуазии. Гуго Гроций был тому лучшим доказательством. Борьба Нидерландов за морское преобладание с Испанией закончилась поражением

Испании, но борьба с политическою властью, с Вильгельмом Оранским, штатгалтером страны, за независимость, политическую независимость буржуазии, не имела того же успеха и велась с переменным счастьем.

Тем не менее Нидерланды служили в свою эпоху общим примером для подражания.

Тогдашняя Европа не находила слов для выражения удивления, восхваляя эту страну с ничтожною территориею, но владевшую солидным денежным капиталом, отмечала ее способность противостоять силам больших и могущественных территориальных держав. И французы во главе с самим Кольбером и многие англичане настойчиво рекомендовали Нидерланды, как высокий пример, достойный подражания. Кольбер сравнивал размеры флота всех трех главных соперников в деле торгового флота. Он указывал на то, что в то время, когда голландцы владели флотом в 16 тыс. судов, англичане располагали числом в четыре раза слишком меньшим (около 3½ тысяч), а флот французов не достигал и одной двадцатой.

Впрочем, не все экономисты смотрели на Нидерланды глазами Кольбера. Адам Смита полагал, что принципиально неправильно строить все могущество нации на одной посреднической торговле. Он осуждал монопольный торговый характер привиллегированных торговых компаний, приобретавших особый государственный характер. Смит писал в IV

томе своего иследования, что общества такого исключительного характера во всех отношениях вредны и особенно государствам, в которых они основаны.

Лавры Антверпена и Амстердама не давали спокойно спать Англии. Она начала пробуждаться от хозяйственного сна только в царствование Елизаветы (1563—1603).

Английская буржуазия от бездействия круто перешла к активности. Во всех торговых пунктах континента внезапно появляются английские купцы, с целью непосредственного сбыта своих сукон. В особенности в Антверпене англичане играют громадную роль, имея во главе „королевского купца" Томаса Грешэма (Thomas Gresham), „доверенное лицо королевы". Старания Грешэма были направлены на систематический подрыв торговой монополии Ганзы в пользу английского купечества и на замену господствовавшей складочной системы („stapel system") биржевой, как то имело уже место в Антверпене. Пример Голландии оказался заразителен. В середине XVI века, а, именно, в 1568 г. последовало открытие биржи в Лондоне. Она была устроена главным образом на средства лондонского купечества. В конце 1671 г. при торжественном освящении биржи ей было присвоено наименование королевской—„Royal exchange", сохранившееся и до настоящего времени.

В конце концов, после двадцатилетней борьбы Англия окончательно оттеснила Ганзу. Защита от

германской торговли вскоре перешла в наступление. Ее повело об'единенное товарищество торговцев (Company of merchand adventurers).

Под влиянием того же Грешэма, компания перенесла коммерческую борьбу на территорию Ганзы. Английское отделение суконной торговли было открыто в центре самой старой Ганзы, в Гамбурге. Остальные ганзейские города, крайне возмущенные этой мерою, добились правительственного приказа, по которому английские купцы лишались права торговли в Германии. Королева Елизавета ответила на это закрытием ганзейского товарного склада в Лондоне (1598) так-называемого „стального двора" (steel yard), что было равносильно смертельному удару ганзейской торговле. Последующие политические события поддержали английскую борьбу с Ганзой. Начавшаяся тридцатилетняя война привела к ликвидации ганзейских притязаний. Англия осталась одна.

Эта эпоха была проникнута интересами торговли. Шерстяное дело,—коронное торговое дело Англии,—стало во главе дела.

С этого времени ряд представителей шерстоткацкого дела, скупки и переработки шерсти,—был возведен в достоинство перов Королевства. К этому же времени относится постановление, чтобы лорд-канцлер и председатель палаты пэров сидели бы на мешках, набитых шерстью. Буржуазии всеми мерами внедрялась мысль о значении шерстяной ману-

фактуры, этого главного тогдашнего источника наживы для буржуазии. До гибели испанской Армады (1588 г.), королева Елизавета очень мало интересовалась своим флотом, но после этого события она уделяла все свое внимание развитию морских сил.

Конец XVI века заставил сконцентрировать силы и английскую буржуазию. В 1600 году была основана известная „Английская Ост'индская Компания", хотя первоначально она не сумела приобрести значения „Голландской Ост'индской Компании", основанной в 1602 году и имевшей серьезные политические права. Но, когда, в 1661 г., Ост'индской Компании также было предоставлено право „мира и войны в нехристианских землях", она заняла место голландской. В год смерти королевы Елизаветы (1603) Вальтер Ралей занял в Северной Америке обширную территорию, названную в честь королевы-девственницы Виргинией. Англия достигала редкой высоты и мирового могущества. Финансовое положение страны улучшалось, флот возрастал, колонии росли и укреплялись. Английская буржуазия становилась мировою силою.

Никогда еще английский абсолютизм, исключая разве времени Вильгельма Завоевателя, не занимал такого могущественного положения, как в последние годы царствования Елизаветы. При последующей династии (Стюартов) должен был произойти переворот: хроническая финансовая нужда привела через 50 лет к тому, что парламент отказался вотировать

налоги и поднял знамя ожесточенной борьбы против абсолютизма.

Английская революция была революциею, произведенною ради интересов новой буржуазии. Роль борцов играли представители городского и сельского третьего сословия. Сын арендатора Оливер Кромвель, став лордом-протектором Англии, повел англичан на борьбу с Нидерландами. Он повел дело, подрывая соперников в самой их основе—в торговом флоте. Знаменитый указ Кромвеля,—Навигационный акт (1651 года) — был громадным и важным шагом вперед по пути развития английского могущества. С ним по значению не может сравниться какое-либо другое событие предшествующей и последующей экономической истории Англии.

Даже Адам Смит, который держался совершенно иной точки зрения и оспаривал значение законов в деле развития хозяйственной жизни, должен был признать, что этот акт мощно подвинул вперед политическое могущество Англии. Отдавая последнему преимущество перед богатством, Смит счел возможным назвать Навигационный Акт „может быть самым мудрым из всех английских постановлений о торговле“. Нидерландцы в общем заняли второе место, место ганзейских купцов. Кромвель победил. Содержание Навигационного Акта следующее:

1) Иностранные суда не имеют права заниматься рыболовством и транспортом в английских прибрежных водах.

2) Транспорт между английской метрополией и ее колониями может совершаться лишь на английских судах, т. е. таких судах, владельцы и экипаж которых состоят по крайней мере на три четверти из природных англичан.

3) Торговые сношения Англии с другими европейскими странами могут происходить лишь непосредственно, т. е. либо на кораблях данной страны, либо на английских судах. Никакая посредническая торговля с Англией вообще не допускается.

4) Иностранные купцы платят двойную пошлину за привезенный в Англию товар сравнительно с туземными купцами.

5) Все вывезенные из колоний продукты должны отправляться в английские гавани (метрополии).

Помогая метрополии, Навигационный Акт урезывал размеры обогащения буржуазии колоний. Чтобы вознаградить колонии за эти ограничения, Кромвель ввел в следующем году (1652 г.) монополию на табак. Его разведение в метрополии было запрещено, и управление монополией должно было покрывать свои расходы табачными изделиями колоний (в Виргинии).

Вместе с тем, Навигационный Акт упразднил частные привиллегии и подчинил торговлю одному общему национальному закону. Поэтому то Акт Кромвеля, несмотря на его явно протекционистскую тенденцию, все же рассматривали как закон, поощряющий свободную торговлю.

Изданием своего Акта лорд-протектор Кромвель думал достичь непосредственно двух целей. Во-первых, он хотел с помощью судоходной монополии побудить своих соотечественников приняться за кораблестроение и этим усилить могущество Англии на море; во-вторых, он расчитывал нанести сильный удар Нидерландам с их транспортными судами, а внезапным уменьшением спроса причинить им убытки. Но Нидерланды не хотели примириться. Началась война из-за Акта. Несмотря на первоначальный успех, эта война (1652—54) кончилась неудачно для Голландии. Не оправдалась также надежда, которую они возлагали на Вильгельма Оранского, их наследственного штатгалтера, избранного в 1688 году на английский престол. Вильгельм II не мог устранить закон, который считался английским народом палладиумом и символом торгового могущества.

Реставрация при Карле II, несмотря на его намерение уничтожить все, созданное революциею и Кромвелем, все же сделала исключение для Навигационного Акта. Особым законом в 1660 г. Акт был вновь подтвержден и даже несколько дополнен. К таким „дополнениям“ относится разделение колониальных продуктов на товары „перечисленные“ и „неперечисленные“. К перечисленным предметам (enumerated commodities) принадлежали продукты тропических стран, как например, хлопчатая бумага, индиго, имбирь, шелк и т. п., далее лес для кораблестроения, лен или конопля для парусины, т. е.

такие товары, которые либо совсем не вырабатывались в метрополии, либо вырабатывались в количестве недостаточном для ее собственного потребления. Для них осталась в силе принудительность ввоза в Великобританию и впоследствии ввоз их старались даже увеличить. К „неперечисленным“ товарам (unenumerated commodities) принадлежали такие колониальные продукты, которые могли бы конкурировать с сельским хозяйством метрополии, как например, хлеб, солонина, спирт. Принудительный ввоз их в метрополию был отменен. Они рассматривались, как иностранные товары; они могли быть вывозимы повсюду заграницу; при ввозе в Англию они подвергались стеснениям, как если бы они были вывезены из чужих стран. Этим начиналась эпоха нового вида протекционизма—аграрного покровительства.

Так развилось морское могущество Англии, обогатившее английскую торговую буржуазию и подготовившее последней почву для возможности перелить накоплявшиеся избытки капитала в новые области наживы—в промышленность. Предпосылки, хозяйственные и исторические, были тем самым на лицо, тем более, что капиталистическая политика в области деревни—разорявшая и пролетаризировавшая крестьянство,—уже подготовляла обширные кадры рабочих рук для молодой английской промышленности.

Еще в самом начале XVI века, в эпоху канцлера Томаса Мора, автора знаменитой Утопии (1516 г.)

„огораживание полей“ наносило решительный удар благосостоянию английского крестьянства. Нивы и пастбища крестьян и арендаторов понадобились лордам для разведения испанских мериносов. Там, где прежде колосились хлеба, пахал и косил земледелец, в короткий срок появились стада овец. Овцы с'ели крестьянское хозяйство и изгнали крестьянство со старых насиженных мест. Огораживание полей было равносильно раззорению деревни и изгнанию его населения в города и новые промышленные местечки. Вереницы тянувшихся по дорогам согнанных с мест и раззоренных крестьян представили собою первые кадры рабочих шерсто-ткацких мануфактур.

Так создавались предпосылки новых экономических условий. Капитал уже имелся на лицо, трудовые элементы подходили, оставалось только создать связь между этими основными элементами крупного производства, т. е. технику, и фундамент крупного промышленного производства был уже заложен. Так и сложились условия уже в следующем, XVIII веке, в эпоху нового перелома — в дни индустриальной революции.

Но еще не все хозяйство страны было проникнуто новыми отношениями. Необходимо было приобщить к ним деревню. XVIII век, в первой своей половине, так и поступил. Это расширение сферы торгового капитала накануне индустриальной революции и произошло в конце XVII и в начале XVIII столетий. К этой эпохе мы и обратимся.

VI.

Сельская буржуазия и ее идеология — физиократизм.

В конце XVII века передовые в экономическом смысле страны Европы, а впереди других Англия и Франция испытывали глубокое переутомление от всей системы меркантилизма. И характер его стеснительной опеки, и несправедливое предпочтение городских и торговых интересов, и ошибочная возвеличение исключительно металлической валюты в качестве денег, и полное отсутствие какой бы то ни было свободы экономических действий, все это создавало глубокий протест против старой хозяйственной системы. Симптомы реакции становились все определеннее, резче и тревожнее. Уже в Англии торговец и лорд Дедлей Нортс формулировал в конце XVII века первые основы идеи свободы торговли. Уже в 1680 году, провинциальный купец Лежандр заявил Кольберу, „оставьте нас в покое“, („laissez nous faire“), а выдающиеся писатели и патриоты Франции Пьер Буагильбер (1646—1714) и знаменитый маршал Франции — Вобан (1633 — 1707) пламенно доказывали необходимость усиленного внимания к совершенно забытой, но важной отрасли народного хозяйства, к земледелию. Весь строй Франции дореволюционного периода красноречиво доказывал крайнюю опасность забвения деревни и сельского хозяйства. Положение крестьян

дошло до крайней нищеты и раззорения. Сельское население представляло собой до крайности изнуренное налогами и совершенно истощенное всякими поборами обнищавшее население. Крестьянство и арендаторы утратили человеческий образ. Это были тени, питавшиеся кореньями, нищие, раздетые, обессиленные. Между тем своей красотой и природным богатством вечно зеленые пастбища влажной Англии, и плодородные поля и равнины Франции доказывали возможность прекрасного земледелия и доходного садоводства. Об этой недостигнутой в те дни и недостижимой возможности говорили глубоко и основательно, с поэтическим пафосом и сильным под'емом, и литераторы и философы. В середине этого исключительного века раздался мощный и потрясший основы цивилизации, голос несравненного Жан Жака Руссо. От пыльных скученных и душных городов, от ложной цивилизации и условной культуры, Руссо властно звал человечество к забытой природе, в поля и рощи, к простой и нехитрой жизни, к естественным занятиям. Призыв Руссо и по своей форме и по своей исключительной манере соответствовал всему смыслу этого великого восстания человеческой природы против ее искажения и условностей. Несмотря на всю свою абстрактность, простой и безхитростный язык Руссо был понятен каждому образованному европейцу. Несложные взгляды швейцарского философа, их простота и искренность производили на

современного читателя колосальное и неизгладимое впечатление. Каждый чувствующий и мыслящий европеец становился в эти дни поклонником Руссо.

Руссо не был ни экономистом, ни социалистом, но его идеи оказали глубокое влияние и на экономические воззрения его века и на ход развития социализма. Так радикально Руссо менял ход мыслей европейского общества. До Руссо и после Руссо—это две разных концепции мысли. Руссо завершил и сформулировал ряд идей, до него только назревавших, и положил основание для ряда мыслей нового порядка. В Руссо, как в фокусе, сконцентрировались новые понятия века, который вообще весь был увлечен учением об естественном праве, о человеке природы, о простой и близкой к природе жизни. Руссо был только частичным, только одним из наиболее ярких штрихов нового общего течения. Вновь разгоревшееся влечение к природе стало в эту эпоху всеобщим. В домах и городах стремились к зелени лугов, к полям и рощам. На окнах городских квартир появились зеленые растения, в палисадниках — цветы, среди пыльных улиц и серых площадей—зеленые скверы и китайские беседки, потолки и стены, посуда и мебель разрисовывались цветами и пейзажами. Художники эпохи для своих картин избирали сельские пейзажи и сюжеты: деревенские сцены, пасторальные идиллические жанры, сельские стада и фигуры. Ватт был любимцем парижанок, пастухи и пастушки — главным персонажем новелл, балета и

музыкальных произведений. В свинопасе видели странствующего принца, в цветочнице—переодетую принцессу. Обычный костюм светского общества напоминал сельский ландшафт. Напудренный маркиз выступал с жезлом пастуха, жеманная маркиза — с корзинкою цветов или арфою. Чуждые реальной сельской жизни и ее тягот—легкомысленные и беззаботные представители аристократии играли в деревню и сельский быт. Они не подозревали всего трагизма того социального противоречия, которое возникало при их искреннем по затее и нелепом по сути—маскараде. Так глубока была пропасть между игравшим в сельский свет, в силу моды, светским обществом и действительным положением деревни. „Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман", очевидно думали в XVIII веке предки современных французов.

Новое общественное настроение скристаллизовалось довольно быстро к 60-м годам великого столетия. Оно получило наименование, в духе той эпохи, из греческих составных частей,—ф ю з и с—природа и к р а т е й н—творить,—ф и з и о к р а т о в.

Сложившись во Франции среди высшего общества, преимущественно крупных землевладельцев, новые идеи захватили круг образованнейших людей третьего сословия, тут сошлись врачи и адвокаты, ученые и журналисты, словом, все, кто стремился с новых общих точек зрения рассмотреть общие экономические воззрения на природу и смысл народного хозяйства.

Глава нового направления был серьезный писатель, серьезный ученый, выдающийся врач, лейб-медик короля—Франсуа Кенэ. Он был хороший естествоиспытатель и недюжинный экономист. Его общие взгляды, как и воззрения его главнейших единомышленников, были достаточно и теоретически и философски обоснованы. Как врач, Кенэ подходил к современному ему обществу, как к человеческому организму. Он усматривал в нем аналогию с человеческим телом. Кенэ искал в этом большом общественном теле те же отношения и процессы, которые были ему знакомы из курсов медицины. Поэтому для Кенэ были важны определения нормальных физиологических и ненормальных патологических условий и общее равновесие, так сказать экономический баланс — прихода и расхода в жизни общественного организма. Все это он изобразил как в своих статьях, так и в знаменитой Экономической Таблице, положив тем самым начало нового теоретически обоснованного экономического мировоззрения.

Во всю свою ширину это направление развернулось с середины 50-х и в течение 60-х годов XVIII века, т. е. накануне великой французской революции. Между тем, для понимания эпохи важно охватить весь предварительный период, непосредственно предшествовавший смене меркантилизма физиократизмом, т. е. период постепенного наростания разочарования старым режимом и роста общего политически революционного настроения.

Революционность во всех сферах была общим настроением всего XVIII столетия. Во всех областях развивалось брожение и стремление к радикальной перемене. Глубоко истощившее Францию государственное банкротство 1721—1722 г.г. было оффициальным порогом к наступлению новой эпохи. Возникшее неудовольствие, в силу полицейских и цензурных условий, еще не имело силы активно прорваться наружу и проявиться в печатном слове. Брожение, по тогдашним условиям, было бы энергично и безжалостно подавлено. Поэтому появилась и широко распространилась разнообразная рукописная литература. Списки памфлетов, а иногда и целых книг размножались и переходили из рук в руки, собирая массу читателей и слушателей. Этим способом возбуждалось общественное мнение, высказывался протест, проводились новые взгляды. Этим же способом безвестный провинциальный священник из Шампани бросил цивилизованному миру свой смелый, атеистический и революционный вызов, который у него, Жана Мелье, назревал годами и вылился в его рукописном „Завещании“ (1729). Здесь были заложены первые мысли гневного революционного протеста, все то духовное восстание против существующего порядка, которое дошло до конца века уже в форме отчаянного вызова, организованного деятелями заговора Бабефа.

Но не только революционными настроениями исчерпывалась вся радикальная литература этой

эпохи. Здесь нашли себе место разнообразные направления, выражавшие мировоззрение различных групп тогдашней буржуазии. К более консервативным нужно отнести экономистов и писателей по общим вопросам—Мелона, Дюто, Монтескье и Форбонне. Из них общепризнанной известностью пользуется автор „Персидских писем“ и „Духа законов“ Монтескье (1689—1755), но Монтескье не столько глубок, как блестяще остроумен. Его парадоксы в первый момент ослепляют и поражают, но экономический багаж этого автора недостаточен, чтобы выделить его из обширной плеяды блестящих писателей великого века, или чтобы с его именем связать начало какой-либо новой школы, секты или значительного течения.

Более любопытны представители радикального экономизма, отличающиеся впрочем достаточно миролюбивым характером. На первом месте надо поставить составителя проекта вечного мира и ненавистника Людовика, аббата Сен-Пьера (1652—1743). Не менее известен его ученик маркиз Рене-Луи д'Аржансон и англо-француз Ричард Кантильон (1734 †). К ним, с некоторой оговоркой, можно причислить маркиза Мирабо (1715—1789), называемого обыкновенно Старшим Мирабо в отличие от его сына, знаменитого оратора революции. Каждый из них—характерная фигура, заслуживающая некоторого внимания. С точки зрения развития экономических идей, особого внимания заслуживает Ричард Кан-

тильон с его сочинением, посвященным „Опыту о торговле вообще“ (Essai sur le commerce en general) и представляющим собой переходную ступень к физиократизму. Несколько особняком в этой группе стоит небольшая кучка писателей, принимавшихся одно время за физиократов, сгруппировавшаяся вокруг Жан-Клода Мари-Винцента де-Гурнэ. Эта группка получила наименование либерально-административной школы Гурнэ. Гурнэ был убежденный англоман и прогрессивный администратор, любивший ссылаться на опыт и пример английских порядков. Гурнэ был плодовитый писатель и энергичный переводчик целого ряда, дотоле неизвестных Англии, ученых.

В сочинениях названных авторов постепенно подготовлялись и формулировались те новые точки зрения, которые назревали и складывались под влиянием новых условий жизни и проникавшего постепенно всюду революционного настроения.

К этому же времени относится и глубокий кризис мировоззрения, наступивший в общественном мнении вместе с проникновением в него как идей Вольтера, Дидро и энциклопедистов, так и идей материалистов Гельвеция, Гольбаха, Ламеттри и др. Время Великой Революции подготовлялось.

VII.

Физиократы.

В XVII столетии начинается оживление в сельском хозяйстве, области до этого времени необычайно консервативной и отсталой. Как в настоящее время в деревенской России, так тогда в главнейших европейских странах, в Англии, во Франции и Германии, царило знаменитое трехполье (пар, озимь, яровое), этот враг всякой рациональной и прогрессивной культуры. В издававшихся в ту эпоху сочинениях по сельскому хозяйству наблюдается тот же застой и та же вековечная мертвечина и убогость. В книгах из году в год повторялись поучительные цитаты из сочинений писателей классической древности или нравоучения старинного домостроевского типа, которые не шли дальше мелочных советов домоводства. Земледельческая жизнь и литература соответствовали друг другу по вялости и убогости. В XVIII веке дело оживления сельскохозяйственной культуры сильно подвинулось вперед. Возникают сельскохозяйственные организации, появляется специальная агрономическая литература, государственная власть выходит из своей пассивности и начинает способствовать различными поощрительными мерами развитию сельского хозяйства. Населению раздают новые или отборные семена, племенной скот, денежные премии и субсидии.

Впереди других стран первоначально идет Голландия. Здесь еще в XVI веке паровое поле не гуляет, его засевают репою и новостью в Европе—клевером. Это подготовляет почву к переходу от старой рутины,—трехполья,—к новой плодосменной культуре. Вместе с тем начинается более внимательная обработка полей, заботы об удобрении, пробуждается отношение к земле, как к огороду. Новые приемы вскоре заносятся в соседнюю Англию. Здесь новая рациональная система сельского хозяйства окончательно укрепляет плодосменный севооборот, появляются дренаж, минеральные удобрения (мергель), рядовой посев. Особенно прогрессирует хозяйство лорда Тауншенда в графстве Норфольке. Здесь вырабатывается новый знаменитый отныне „норфолькский" севооборот (турнепс, ячмень, клевер и пшеница). Норфолькская система сельского хозяйства становится знаменитою, она служит предметом подражания для просвещенных и богатых лордов-землевладельцев. Все заняты нововведениями, опытами, экспериментами. Увлечение агрономиею становится всеобщим. Вскоре и русские вельможи-помещики Екатерининского времени интересуются становящимся модным „английским" земледелием.

В середине XVIII века интерес к земледелию пробуждается и во Франции. Относительно этой новой моды определенно высказывается Вольтер. „Около 1750 года,—говорит он,—французский народ, пресыщенный стихами, трагедиями, комедиями, опе-

рами, романами и еще более размышлениями о морали и о богословских вопросах, стал, наконец, думать о хлебе. Даже виноградники были забыты, говорили больше о пшенице и ржи. Писали полезные вещи о земледелии, которые читались всеми, за исключением одних..... крестьян. Возвращаясь домой из Opéra Comique, устанавливали тот факт, что Франция имеет массу хлеба для вывоза". С этого времени Франция пишет переводы с английского и издает обширную сельскохозяйственную литературу, ранее вообще отсутствовавшую. Как некогда в Англии рекомендовалось следовать по стопам Голландии, так теперь во Франции все усиленно советуют идти по стопам англичан. Начинается значительное оживление в области земледелия. На слу́жбу агрономии призываются „лучшие умы". Основываются сельскохозяйственные общества, вводятся картофель, испанское овцеводство, опыты с применением новых сельскохозяйственных машин и орудий. Начинаются заботы о разведении виноградной лозы, тутовых деревьев, усовершенствованного плодоводства.

За Францией следуют Бельгия, Германия, Австрия. Их сельскохозяйственный прогресс наблюдает и описывает образованный английский обозреватель-путешественник Артур Юнг, оставивший драгоценные описания европейского сельского хозяйства накануне Великой Французской Революции.

Этот прогресс, чувствительный пока еще только для ожидавших новизны верхов, особенно феодаль-

ных аристократов, совпадает с течением, вызванным Руссо, и стремлением приближения к природе. Одно течение дополняет другое. Все это интересовало и развлекало сельскую буржуазию и было чуждо нисшим слоям деревенского люда. Последним было не до стойлового содержания скота, потому что у них не было ни скота, ни стойл для него. Им было не до клевера, картофеля или турнепса,—потому, что земельная теснота и общая бедность лишали их возможности делать что-либо помимо непосредственного удовлетворения самых насущных нужд. Вводить усовершенствования, применять новые машины или разводить породистый племенной скот не могли люди без всяких средств или признаков достатка. К тому же налоги заставляли крестьянскую массу усиленно заявлять о своей бедности. Вопли иногда были сильнее неприглядной действительности. Крестьянин любил преувеличивать свои тяготы, хотя они и об'ективно были велики.

К об'ективной тяжести, лежавшей на крестьянском населении, страдавшем под бременем полуфеодальных аграрных отношений, примешивался ряд неудобств еще сохранивших силу старых дворянских прав и привиллегий.

Контраст между иллюзиями бар, играющих в сельское хозяйство и приближение к земле, мечтающих о естественном и свободном бытии вблизи природы, и действительной жизнью в реальных условиях деревни был велик и поразителен. Мечты о

сельском хозяйстве сельской буржуазии и черная действительность крестьянства и сельского пролетариата составляли два мира, противоположных и взаимно непонимающих. Между ними не было никакой связи, кроме зависимости и подчинения. Мир владельцев уничтожал класс мелких самостоятельных хозяев, крестьян, фригольдеров и иоменов, содействуя уничтожению общинных полей и владений и усиленно насаждая взамен них частную собственность. Это был известный с XVI века процесс „огораживания" общественных земель для выделения из них индивидуальных участков.

Процесс „огораживания" начался в Англии еще в XVI веке. Великий гумманист канцлер Томас Мор жалуется на народные бедствия в своем бессмертном сочинении „Утопия", он видит в „огораживании" источник народных бедствий. В течение трех последующих столетий „огораживание" не прекращалось, пока вся общинная земля не была разделена между сильными мира и пока весь класс мелких свободных землепашцев не исчез с лица земли. Карл Маркс в первом томе „Капитала" относит исчезновение английского крестьянства к первой половине XVIII века, экономист-историк Тойнби—ко второй половине того же века, некоторые английские исследователи даже к XIX веку, к первой его половине. Надо полагать, что огораживание тянулось в течение XVI и XVII столетия, но что наиболее сильный удар по аграрному строю Англии был на-

несен в XVIII веке. До этого времени дело шло об отдельных случаях, а с XVIII века огораживание явилось „массовым общественным процессом, происходившим по определенному плану“ (Кулишер, И. М.). Первоначально огораживание выражалось в захвате отдельными лэнд-лордами более или менее значительного куска общинных земель или крестьянских наделов, ради перехода от полеводства к пастбищному хозяйству. „Овцы пожирали людей“. Позднее этот процесс свелся к уничтожению остатков старого аграрного коммунизма с его черезполосицею и к установлению полной частной собственности на землю. Постепенно в большем количестве складывались и выделялись округленные, независимые друг от друга владения, окруженные изгородями и канавами и другими ясными межевыми признаками изолированности и индивидуализма.

Между тем, именно на возможности пользоваться общинными полями и покоилось все хозяйство фригольдеров и иоменов, имевших право и возможность после снятия урожая пользоваться всей земельною площадью для пастьбы своего стада. „Открытые“ ранее поля становились с момента огораживания закрытыми, но вместе с тем менялся и характер в ней сельскохозяйственной культуры. Прежде севооборот, как и всегда при трехполье, был принудительным, обязательным. Теперь эта обязательность исчезала сама собою, опасности, проистекавшие из неподчинения общим срокам засева и уборки—отпа-

дали. Чтобы земля могла войти в общий, более рациональный севооборот, необходимо было поделить ее и превратить в частную собственность.

В связи с этим характер огораживаний изменяется, так как изменяется и отношение к этому делу государственной власти. Прежде, — говорит проф. Кулишер, — оно было иное. Фактически государство и прежде не препятствовало, „теперь оно не имело основания стеснять их тем более, что огораживание ведь теперь совершалось не отдельными лицами, а всеми жителями данной местности по взаимному соглашению. Именно характерную черту огораживаний XVIII века составляло то, что они совершались не противузаконно, как в XV—XVII столетиях, а на легальном основании. Маркс поэтому и говорит о „парламентарной форме грабежа“ в XVIII веке, о том, что „закон сам явился теперь средством захвата народных земель“—в этом выразился „прогресс“. По Марксу, посредством bills of enclosures of commons“, т. е. статутов об огораживании, ленд-лорды сами себе дарили народную землю в частную собственность. Происходило это таким образом, что землевладельцы, заинтересованные в уничтожении черезполосицы и „открытых“ полей и в делении общинных пустошей, созывали собрание, на котором владельцы $^4/_5$ всей земли, подлежащей превращению в индивидуальную собственность, должны были дать на это свое согласие; после этого подавалась соответствующая петиция в пар-

ламент. Рассмотрев петицию и произведя иногда анкету, парламент издавал билль, коим разрешалось огораживание. Всего таких биллей в XVIII веке издано было свыше 1700. За биллем следовало самое распределение земель, деление пустошей и округление владений, поручаемое парламентом 3—7 комиссарам с весьма широкими полномочиями". Последние выбирались из состава крупных землевладельцев. К тому же для проведения „реформы" через парламент требовались большие средства, издержки на каждую петицию доходили до 300 фунтов, не считая расходов по самому огораживанию,—все это делало ходатайство и проведение акта доступным только имущественно сильным. Маломочному иомену это дело было недоступным даже при защите старого порядка. В итоге реформа делала иоменов нищими, задолженными, вынужденными становиться арендаторами тех же лендлордов. Если некоторым и удавалось становиться крупными арендаторами, то большинство просто уходило с насиженных мест в города. Население последних возрастало, а слой самостоятельных мелких землевладельцев постепенно исчезал, пока совсем не растворился в остальной обезземеленной массе населения.

Тот же процесс совершался и в других европейских странах. В некоторых из них к разделу пустошей прибавился захват и осушение болот, а в Голландии даже осушение мелких прибрежных заливов. Расширялась площадь, пригодная для новой рациональной земледельческой культуры.

Во Франции взаимная зависимость различных владельцев земли сохранилась очень долго, воспроизводя в денежной форме прежние соотношения старой феодальной системы. Все сводилось к платежам. Размеры платежей по сути были абсолютно невелики, и французскому крестьянству, земельная площадь которого была уже значительно и основательно раздроблена, приходилось, в конце концов, платить не так много. Дело было не в размерах платежа, а в том произволе, который господствовал в стране. Не величина аренды, а способ ее взимания, вот в чем лежали затруднения населения. Крестьяне взаимно следили друг за другом, собирая сборы и как бы отвечая взаимно за исполнительность и аккуратность. В силу установившегося обычая создавалась своего рода круговая порука. К тому же сеньоры, запустившие часто, по каким либо причинам, взимание иногда за ряд лет, пред'являли потом сразу свои требования. В наказах 1789 года крестьяне выставляли требования не взимать сбора больше чем за последние пять или десять лет. К этому присоединялось большое количество неоформленных и неопределенных натуральных повиностей, так называемых, corvèes extraordinaires, совершенно случайного и произвольного характера. Они возникали иногда по совершенно взбалмошному капризу, например, проложить дорогу или канал, вычистить пруд, построить мост, исправить плотину или мельницу. Большой тяжестью ложилось право охоты синьоров на крестьянской

земле. Все, что препятствовало охоте, устранялось ради удовольствия сеньориальной охоты; крестьяне должны были спокойно смотреть, как птицы пожирали их посевы, волки и лисицы уничтожали мелкий скот, а барская челядь сносила изгороди, мешавшие разведению дичи и охоте. До вывода птенцов куропаткою запрещалось косить, крестьянские собаки и кошки убивались. В дни и часы охоты не считались с полями и виноградниками, травя лисицу, топтали засеянные поля, вообще пренебрегали и хозяйственными интересами крестьян, и собственностью их. Отсюда понятна та глубокая ненависть, которая накоплялась и только ждала подходящего случая для своего проявления. Хотя, быть может, в некоторых местностях абсолютные размеры крестьянской тяготы сравнительно с средневековыми несколько и уменьшились, но новые требования жизни и новые понятия делали общее безправие крестьян совершенно невыносимым. Французская аристократия не интересовалась и не расширяла своего земледельческого хозяйства. Правда, она понимала всю важность для земледелия высоких цен на сельско-хозяйственные продукты и важную роль крупных капиталистических компаний, монополизировавших в своих руках всю хлебную торговлю. Естественно возникало поэтому стремление бороться против низких хлебных цен, вредных сельскому хозяйству, и против государственного вмешательства, стеснявшего свободу торговли и содействовавшего монопо-

листам. Как реакция против сложившихся условий и как выявление насущных интересов всех видов землевладения, начиная с мелкого крестьянина, вся „ферма“ которого равнялась одному плодовому дереву, кончая могучим и великолепным феодалом, развелись две основных тенденции времени: требование покровительства и поощрения земледелию и требование экономической свободы.

Высокие цены на хлеб, — основное требование этой эпохи,—признавались источником высокой ренты землевладельцу, высокого процента на капитал, помещаемый в сельское хозяйство, уже настойчиво требовшее денег и возможности хорошо оплачивать и промышленников и их рабочих. Но мало было иметь возможность иметь хлеб для продажи, было необходимо, чтобы эта продажа совершалась в условиях полной свободы конкуренции (la pleine libertè de la concurrence), другими словами требовалась немедленная отмена всяких стеснений, всевозможных привиллегий и монополий. Только в таком случае получалось то естественное состояние, необходимость которого все ощущали и к которому все стремились. Отсюда основное и настоятельное требование невмешательства и права делать то, что сам человек находил необходимым. Все, что содействовало выявлению только что указанных основных положений,— было прекрасно, необходимо, полезно. Все, что этому не содействовало, признавалось бесплодным, ненужным, а то, что мешало—вредным. Так закладывались

основные линии нового теоретического учения, которое нужно было только обобщить, связать и оформить. Это и выпало на долю небольшой, но талантливой и блестящей, группы предреволюционных французских писателей с врачем Кенэ во главе, получившей наименование „экономистов или физиократов".

Это были современники, хорошо знавшие друг друга, встречавшиеся вместе на жур-фиксах одного из своих, наиболее выдающегося единомышленника маркиза Мирабо, так называемого Мирабо—старшего. Основные положения их определенно классового учения распространялись в печати в оболочке теоретических положений, проникнутых последним словом тогдашней рационалистической и отчасти материалистической философии. Они подходили к своей системе с точки зрения очень общих теоретических положений. Впервые создавалось об'единенное, на философской основе, абстрактное изложение хозяйственной системы. Физиократизм, тем самым, становился первой экономической теорией, первым теоретически обоснованным хозяйственным мировоззрением. Он стремился дать обобщающее и принципиальное рассмотрение всем сторонам хозяйственной деятельности и всему хозяйству в целом. В основе лежало стремление к естественному порядку и к освобождению экономической свободы от ее попрания. Основным девизом являлось la libertè sacrèe et absolue.Всякое вмешательство в хозяйственную деятельность

об'являлось излишним, так как жизнь сама создает естественный порядок, либо вредным, так как стремилось преднамеренно изменить этот естественный порядок. Физиократы твердили, что „мир движется сам собою"—il mondo va da se. И изменить этот порядок может только бог. Законодательное регулирование хозяйственной жизни представляет собою тиранию, а следовательно бессмыслицу. Единственно верное, что может сделать всякое культурное правительство, это воздержаться от всякого действия и воздействия. Хозяйственная свобода—основной божеский и человеческий закон, а всякое вмешательство равносильно убийству, отравлению воды колодцев, государственной измене. Ничто не должно быть уничтожено или прибавлено к естественному порядку. Всякое нарушение ненормально, всякое содействие его восстановлению — крайне желательно. Особенно важно сохранение того естественного баланса, — который заложен в естественном порядке. Восстановление этого естественного равновесия и представляет собой суть нормального порядка. Так как сам Кенэ врач, а физиократы в той или иной мере материалисты, то равновесие хозяйственного целого они представляют себе просто и реально. Хозяйство своего рода организм, баланс которого поддерживается соотношением между приходом и расходом, прибылью и убытком. Все реально поступающее в народнохозяйственные каналы повышает это равновесие и наполняет его живительным соком, все, что тра-

тится и расходуется, понижает и ослабляет общественный организм. Если взять все хозяйство в целом, то главную массу физического материала, наполняющую этот круговорот, этот постоянный экономический балланс представляет собою та валовая масса сырья, та сумма продуктов добывающей промышленности, которая ежегодно поступает в народно-хозяйственные каналы, чтобы быть затем в процессе жизни истраченной и израсходованной. Естественный порядок требует постоянного равновесия. Без него недостаток, аномалия, паталогия. Как в человеческом организме, так и в хозяйстве, идеальное, нормальное состояние требует почти точного, почти математического равновесия. Так создается тот „компас для правительства“ который изложен Кенэ в его знаменитой экономической таблице. Лишь с появлением этого компаса, — думают физиократы,—экономическая наука стала наукой точной, подобно математике. Созданием этой таблицы достигались две цели: установление требований естественного и нормального хозяйственного порядка, так сказать, физиология хозяйства и возможность диагноза отклонений, так сказать, масштаб для определения степени паталогических явлений.

Сообразно с этими задачами рассматривался и весь состав народонаселения. Сообразно своему участию в той или иной части общего процесса, отдельные группы, части или „классы“ населения, получали то или иное значение и положение. Физиократы

делят все общество на три больших класса. Одни содействуют добыванию и накоплению материальных благ, это участники всей добывающей промышленности, все, кто поставляет сырье, земледельцы, лесоводы, рудокопы. Затем идет группа непроизводительная, класс стерильный (бесплодный) или стипендиарный, т. е. состоящий на содержании. Они ничего не прибавляют к ценности продукта, они его только перерабатывают или перемещают, не увеличивая его реальной массы, это промышленники и торговцы. Третий класс—землевладельцы, класс собственников, класс средний или „диспонибельный", он сам не работает, но в силу его предварительных первоначальных затрат, земля превратилась в пашню, воздвигнуты необходимые сельско-хозяйственные постройки, произведено удобрение, осушение и орошение полей, проведены дороги и каналы, без чего не создавался бы тот чистый доход от земли, тот чистый доход (produit net), который представляет собою основной источник национального богатства. Отсюда земля и землевладение представляют собою истинные родники народного богатства. Отсюда всякая помеха их деятельности—вредна народу и государству.

Состав лиц, принявших участие в изложении воззрений физиократизма, был следующий: Франсуа Кенэ (1694—1774), Бодо (1730—1792), Мерсье де-ла Ривьер (1720—1794), Дюпон де Немур (1739—1817), Тюрго (1712—1759), Летронь (1728—1780), Сен

Перави (1732—1789), Абейль (1719—1807), Рубо (1730—1789), Патуло и маркиз де Тюрбельи. Воззрения физиократов усваивались аристократическими и правительственными верхами Европы. Состав сочувствующих лиц был таков, что получил наименование „аудитории суверенов“ (Екатерина II, Иосиф II, Карл Фридрих Маркграф Баденский, Густав III Шведский, Леопольд II Великий герцог Тосканский, Станислав Польский, Карл III Испанский и др.

Физиократы до сих пор недостаточно изучены. Они быстро сошли с исторической арены под влиянием успеха, который выпал на долю шотландцу профессору Адаму Смиту со времени появления его основного труда. „Исследование о причинах и природе богатств“ (1776).

I.

Рост промышленного производства и индустриальная революция.

1. Мануфактура.

Средневековое цеховое, по своей экономической сути—простое ручное, производство со времени Кольбера начинает переживать серьезные изменения. Как уже было сказано, с конца XVI века развивается новая форма промышленного производства—мануфактура (manus — рука, facere — делать), которая вытесняет цеховое ремесло и подготовляет почву для перехода к эпохе машинного производства.

Поэтому, с точки зрения общей истории промышленного развития, мануфактура служила только переходной ступенью от старого ручного производства к новой машинной выработке промышленных изделий. Эта переходная стадия очень своеобразна и поучительна. Мануфактура, — как указал Карл Маркс в первом томе своего „Капитала“,—господствовала приблизительно с середины XVI столетия, вплоть до последней трети XVIII-го, ею заканчивалось старое ремесло и начиналась новая фабричная промышленность.

Мануфактура—это особый и по своему целостный мир, имевший и свое довольно сложное происхождение и свою структуру, придавшую этому типу

производства новый, несвойственный ранее промышленности — капиталистический характер. В этом смысле мануфактура—родная сестра будущей фабрики: они обе представляют собою уже новую, ранее небывалую, а именно капиталистическую форму производства, но мануфактура—капиталистическую ручную, а фабрика—машинную. Вообще мануфактура сообщила особую окраску всему переходному периоду экономического развития и дала ему наименование: „мануфактурного периода", или периода, как можно было бы назвать—ручного капитализма.

Исследуя экономическую природу мануфактуры, Маркс (глава XII, т. I) находит, что мануфактура служила „классическим выражением" кооперации трудящихся, покоившейся на системе разделения труда. Хотя в экономической основе мануфактуры по-прежнему „продолжает оставаться основанием ремесло", но и мануфактурный рабочий попадает уже в новое положение, а составные элементы производства складываются в новых соотношениях. Начнем с рабочего. Здесь в обширной и все расширяющейся мастерской мастер и подмастерья уже не имеют перед собою всего плана труда, не исполняют все сами, переходя от одной части работы, к другой, а главную массу работы исполняет человек, получивший наименование „частичного рабочего". Он исполняет только одну небольшую часть всего труда, частицу. Он сосредотачивается на одном

каком нибудь процессе; он, так сказать, небольшая „спица в колеснице“. Он „частичный рабочий“,— отсюда профессиональный навык и высокие качества его выработки. Этот частичный рабочий важен и сам по себе и теми различными инструментами, или орудиями, при помощи которых он теперь стремится виртуозно работать.

Рабочий, — говорит Маркс, — который всю свою жизнь исполняет одну и ту же простую операцию, превращает все тело свое в автоматический односторонний орган этой операции, а потому тратит на исполнение ее меньше времени, чем ремесленник, который выполняет попеременно целый ряд операций. Постоянное повторение одной и той же ограниченной деятельности и сосредоточение внимания на этой ограниченной задаче научает достигать желаемого полезного эффекта с наименьшей затратой сил. А так как в одних и тех же мануфактурах всегда одновременно вместе живут и работают различные рабочие то приобретенные указанным образом технические приемы и навыки вскоре укрепляются, накопляются и передаются от одних к другим“. В результате, мануфактура действительно создавала виртуозных частичных работников в промышленности, у которых, из поколения в поколение, накоплялись специальные навыки, которые уже требовали для производительности труда создания особо совершенных инструментов. Этот „частичный рабочий“ и его исключи-

тельный инструмент порывали со старым ремесленным порядком и являлись преддверием новой системы. Очень удачна характеристика, данная Марксом детальному (частичному) рабочему и его инструменту, составлявшим „простые составные элементы мануфактуры". Посмотрим, что говорится об этом в „Капитале". „Различного рода инструменты, как-то: режущие, сверлящие, ударяющие, толкающие и т. п., употребляются в различных процессах труда; и кроме того в одном и том же процессе один и тот же инструмент имеет различное назначение.

И как только различные операции одного процесса труда отделяются одна от другой, и каждая частичная операция получает в руках частичного рабочего наиболее соответствующую ея назначению, а следовательно исключительную форму, — становятся необходимыми и соответственные изменения в инструментах, служивших прежде для нескольких различных целей за раз.

Направление, в котором должны происходить эти изменения форм инструментов, указуется о п ы т о м, т. е. наблюдениями над теми затруднениями, которые представляет старая, неизменная форма. Эта дифференциация рабочих инструментов, в силу которой инструменты одного рода получают особые прочные формы сообразно каждому частному назначению, и их специализация, в силу которой всякий такой частичный инструмент проявляет свое полное действие лишь в руках специализированных частич-

ных рабочих характеризуют мануфактуру. Мануфактурный период упрощает и разнообразит орудия труда путем приспособления их к специальным и исключительным функциям частичных работников. Тем самым создается одно из материальных условий появления машины, так как машина есть ничто иное, как комбинация простых инструментов".

Раньше чем перейти к описанию происхождения и развития машинного производства, окончательный переход к которому и составил смысл той замечательной „индустриальной революции" конца XVIII столетия, которая окончательно оформила крупное производство и связанный с ним промышленный капитализм, рассмотрим предварительно историю возникновения и развития мануфактуры,—этого исторического порога к современной системе. При этом, именно, теперь легче и лучше проследить генезис мануфактуры, так как с нее начинается фабрично-заводское развитие. Начнем с истории этого процесса в Англии, где еще с начала XVI столетия сложились благоприятные экономические предпосылки для успешного развития новой промышленной формы—мануфактуры. Здесь был на лицо целый ряд внешних обстоятельств, вынудивших перейти мануфактурное производство из ее прежнего европейского центра,—из Фландрии, в Англию. Развитие овцеводства и связанного с ним сбора и вывоза шерсти, создание внутри страны

шерстяной мануфактуры и красильного дела, переселение в Англию опытных ремесленников — гугенотов, и наконец, усиление добычи на месте отныне важнейшего промышленного топлива — у г л я, — все это способствовало развитию как английской шерстяной мануфактуры, так и английского горного дела. В Англии поэтому, ярче и типичнее всего сложились первые характерные черты нового мануфактурного периода.

II.

Происхождение и развитие мануфактуры.

Первоначально, к концу средних веков, в Англии происходила своего рода аграрная революция, постепенно изменившая общий характер сельского хозяйства. „Огораживание общинных полей", находившихся первоначально в пользовании крестьянства и мелких собственников, передало старые общинные земли в руки крупных земельных собственников, л е н д-л о р д о в. Там, где прежде волновались нивы многочисленного люда, теперь начали пастись стада овец сметливых земельных крезов. О в ц ы, как говорили тогда, п о ж р а л и п о л я. Не зерно, а шерсть становится отныне основным богатством страны. Торговая Англия начала с XV века вывозить на континент с ы р у ю ш е р с т ь. Вместе с тем, англичане скоро поняли выгоду отечественной переработки шерсти, делу помогала наличность освободившихся после „огораживания полей" свободных рабочих рук, рост внутреннего спроса и туземного рынка. За потреблением внутри страны шерстяных изделий с ростом внутреннего рынка оставался излишек для экспорта. Размер вывоза сырой шерсти стал падать. В 1660 году правительство Карла I просто воспретило вывоз сырой шерсти за-границу, сохраняя сырье как материал для собственной переработки. Отныне вывозить вообще возможно было не сырую шерсть, а только готовые шерстяные

изделия. А потому же, с конца первой трети XVI столетия шерстяное дело было всецело передано в руки одной сильной торговой компании, об'единившей своею организациею до четырех тысяч купцов — экспортеров английского сукна на европейский континент. Эта монополия позволила повысить качество изделий и разнообразить выделываемые сорта. К концу XVII столетия, не менее двух третей всего английского экспорта состояло из шерстяных изделий, главным образом—сукна. Значительная часть товара предварительно шла в Нидерланды для окраски, что англичане тогда еще не умели делать.

Писатель-меркантилист сэр Вальтер Ралей в своем сочинении „О торговле“ (Essay on Commerce, Лондон, 1607 г.) обратил внимание на это ненормальное положение и настоял (закон 1608 года) на воспрещении вывоза неокрашенных изделий. Англия завела свое собственное красильное дело. Изложенный ход событий сильно содействовал развитию мануфактуры, перед которой открывались широкие и прибыльные задачи. Усовершенствования, внесенные в суконную промышленность иноземными ткачами, вначале фламандскими, а затем французскими,— повысили качество английского сукна, выделка которого скоро составила одну из главных отраслей английской мануфактуры.

Английский историк Гиббинс в своей „Промышленной Истории Англии“ приводит следующие данные. Графство Кент и города Иорк и Ридинг

производили один только толстый и определенный сорт сукна в кусках до 34 ярдов (около 43 арш. $11^1/_2$ верш.) длиною и $6^1/_2$ четв. ярд. (около 2 арш. $1^1/_2$ верш.) шириною, весивших 66 фунтов. В Ворчестере, Герфорде и Ковентри производились более легкие материи; а в восточных графствах выделывались разнообразные сукна и шерстяные материи. Не входя в дальнейшие подробности, достаточно будет сказать, что производство разных сортов шерстяных тканей и сукон было распространено по всей стране, и разные сорта имели название по месту их производства. При этом, к концу XVII столетия в Англии приблизительно с 12 миллионов овец получалось на 2 мил. фун. стерлингов шерсти, из которой выделывалось разных сукон и других тканей на сумму до 7 мил. ф. ст. Почти через полстолетия (в 1741 г.) число овец в Англии определялось в 17 мил. штук, стоимость шерсти оценивалась в 3 мил. ф. ст., а ее продуктов 8 мил. ф. ст. Этот рост стал значительнее в конце века с переходом от мануфактурной, в конце концов, ручной выделки, к машинной. Вместе с тем истребление лесов дошло в конце XVI века до крайних пределов. Дрова шли не только на отопление, но и на нужды промышленности, на плавку чугуна и изготовление железных изделий. В 1581 году ради сохранения лесов было воспрещено устраивать вблизи столицы железоделательные заводы. Исчезновение лесов вынудило переходить к усиленной добыче иного топлива—угля.

В начале XVII столетия, в 1621 году, некий Додлей стал плавить чугун на угле. Новая техника, — плавить чугун стали в печах с мехами, — увеличила добычу и давала хорошие барыши. Применение угля расширилось, добыча его возросла и через сто лет в каменноугольной промышленности уже работало свыше 200 тысяч человек. Техника усовершенствовалась, появились изобретения и улучшения и производство железа заняло третье место в годовом промышленном обороте Англии.

Одновременно выросло и развилось высоко-качественное гончарное производство в Стаффордширском округе, где была подходящая почва для гончарных изделий. Уэдтвуд, знаменитый отныне мастер, начал на своем заводе производство тех своих изумительных по качеству изделий, которые скоро стяжали им мировую известность.

Но из всех перечисленных отраслей—шерстяное дело шло впереди других. Англия с конца XVI века начала вырабатывать сукна исключительного качества. Этому способствовали исключительно благоприятные местные климатические условия, впереди других—мягкость и редкая по силе—влажность воздуха. И шерсть на животных, и остриженная с них, и поступившая на переработку всегда находилась в крайне влажной атмосфере,—качество, которое в XX веке в Европе придавали шерсти искусственно путем распылителей. Промышленная технология шерсти дает определенные указания по это-

му поводу. В итоге, высококачественная английская шерстяная материя узнается и определяется на ощупь.

Английская шерстяная мануфактура скоро стала гордостью страны, а ее изделия главным предметом экспорта.

Таким образом, в Англии создались новые благоприятные условия для развития нового вида промышленности—мануфактуры. Вообще, вытесняя цеховое ремесло, мануфактура, кое-где уже имевшая место и ранее, возникает повсеместно на западе в 17 и 18 веках, но ревниво оберегаемая цеховая система не дает возможности ей широко распространиться. Поэтому мануфактура встречается в то время в Европе крайне редко. Единственные точные сведения имеются относительно Бельгии, где в 1764 году было произведено специальное статистическое обследование мануфактур *). По данным этого обследования в Бельгии в ту эпоху имелось всего на всего двенадцать мануфактур, обрабатывавших волокно, но преимущественно руками ткачей-кустарей, получавших пряжу от мануфактуриста. Из всех двенадцати предприятий только два были более значительны: одна—полотняная и одна шерстяная; первая, имевшая 277, вторая 175 рабочих. Три мануфактуры—фарфоровая, табачная и лесопильная давали каждая заработок более 100 рабо-

*) *И. М. Кулишер*: „Промышленность и рабочий класс в Западной Европе". Изд. 1922.

чим, а на остальных семи—работало только от 15 до 30 человек.

В других европейских странах распространение мануфактуры вряд ли было значительнее. Некоторое исключение представляла собою Россия, где к концу царствования Петра Великого уже насчитывалось около 240 такого рода капиталистических предприятий. Многие из них были довольно значительны и по своей технической форме—тождественны с мануфактурами. Так, например, на шелковой фабрике Евреиновых работало около 1500 человек, на Казанской суконной мануфактуре Микляева—742, на полотняной Тамеса—841, на московской казенной парусной фабрике—1162. Таких значительных скоплений рабочей силы в ту эпоху на Западе еще не могло быть, так как сила принуждения, заставлявшая вольного рабочего работать в предприятии, там не была столь решительна и грубо-примитивна. Петр просто „приписывал" крепостных к фабрикам и заводам; в результате этой „меры" наши первые мануфактуры были основаны на принудительном труде. Эти своеобразные мануфактуры, являвшиеся владельцами крепостных людей, получили наименование посессионных предприятий и находились в руках как дворян, так и нового класса купцов-фабрикантов. Беглые крепостные охотно скрывались на посессионных фабриках, что раздражало крепостников-помещиков. Ко второй половине XVIII века дворянство добилось запрещения покупки

крепостных для фабрик, в результате чего дворянская фабрика победила и понемногу получила преобладание.

Но не только в России, но и на Западе в XVII и XVIII веках мануфактуры устраивались на почве пользования принудительным трудом. Европейские тюрьмы, рабочие и сиротские дома доставляли значительный контингент работоспособного населения, которое власть заставляла трудиться в промышленных предприятиях. В Пруссии, например, в 1686 году был издан особый закон, вводивший „исправительные прядильные и мануфактурные заведения для безработных и их детей". Нищие, осужденные, бездомные и сироты арестовывались и принуждались к труду в мануфактурных предприятиях. Конкурренция этого дешевого подневольного труда шла вразрез с традициями и интересами ремесленных цехов, поэтому вплоть до отмены цехов, последние тормозили расширение мануфактурного производства.

Таким образом новая форма концентрации труда—мануфактуры,—централизованные мануфактуры, — возникли, как мы видели, двумя путями, на почве инкорпорации специалистов производства—иноземцев и на основе принудительного труда. Но этими путями происхождение мануфактуры не исчерпывалось, так как был еще один путь развития мануфактуры—происхождение ее от домашней работы кустаря, работавшего на скупщика. Об этом третьем пути мы скажем особо.

Мануфактура по Марксу возникает двояким путем:

Первый,—когда работники разнородных и самостоятельных ремесл, через руки которых проходит какой-либо продукт, прежде чем стать совершенно готовым, соединяются в одной мастерской, под командой одного и того же капиталиста. Так, напр., экипаж „был прежде коллективным продуктом работ значительного числа независимых ремесленников, как-то: каретника, седельника, портного, слесаря, портупейного мастера, токаря, обойщика, стекольщика, маляра, лакировщика, золотильщика и др. Экипажная мануфактура соединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они одновременно работают друг для друга. Но скоро в ней совершается существенное изменение. Портной, слесарь, токарь и др., которые заняты только приготовлением экипажей, мало-по-малу теряют привычку и способность заниматься своим старым ремеслом в полном его об'еме. С другой стороны, их труд, который теперь стал более односторонним, приобретает самую целесообразную форму для их суженной сферы деятельности. Итак, первоначально экипажная мануфактура являлась соединением самостоятельных ремесл, но мало-по-малу она становится разложением экипажного производства на его различные отдельные операции; из них каждая кристаллизуется в исключительную функцию одного рабочего, а совокупность всех производится союзом этих частичных работников".

Мануфактура может возникнуть и другим путем. Многие ремесленники, которые производят один и тот же или однородный продукт, — напр., бумагу, шрифт, иголки,—занимается одновременно одним и тем же капиталом, в одной и той же мастерской. Это есть кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников изготовляет весь предмет, и, следовательно, совершает по порядку все различные, необходимые для его изготовления операции, т. е. продолжает работать своим старым ремесленным способом. Между тем, внешние обстоятельства скоро заставляют иначе воспользоваться сосредоточением рабочих в одном помещении и одновременностью их работ. Напр., к известному сроку требуется доставить значительное количество готового товара. Работа тогда распределяется. Вместо того, чтобы одному и тому же ремесленнику давать проделывать последовательно все различные операции, их отрывают, изолируют, пространственно разделяют одну от другой, вверяют каждую особому ремесленнику, и все они совместно и одновременно исполняются кооперирующими ремесленниками. Это случайное распределение повторяется, обнаруживает свойственные ему выгоды и мало-по-малу укрепляется и превращается в систематическое разделение труда. Из одного индивидуального самостоятельного ремесленника, совершающего разные операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, из которых каждый исполняет постоянно одну и ту же частичную операцию".

Маркс, как мы сейчас, видели, устанавливает только пути возникновения одной централизованной мануфактуры, постепенно развившейся из ремесла. При этом сыграли роль две причины: иммиграция иноземных мастеров, вырабатывавших изделия лучшего качества, и соединение рабочих в новой массовой комбинации, переродившей старое ремесло, изделие одиночек.

Совершенно иным путем шло создание мануфактуры, переродившейся из домашней системы работы, которая в первоначальном своем виде об'единила в одном лице, в лице ткача-кустаря, несколько функций: он должен был заботиться не только о производстве изделий, но и об их сбыте. Таким образом, две важных хозяйственных функции—выделка и продажа, до их разделения, сосредоточивались в одном и том же кустаре, стесняя одна другую. Скупщик произведенных на дому изделий, озабоченный доставлением кустарю пряжи и сбытом готовых изделий, с момента своего появления сразу облегчал общую трудность положения. Работа на определенного скупщика освобождала кустаря от многих забот и на новый лад организовала производство. Вместе с тем создавался новый источник средств, столь нужный для постоянной и планомерной работы кустаря. Так дифференцировалась деятельность кустаря и создавалась новая мануфактурная система, при которой значительно равномернее распределялась вся промышленная работа и не было

необходимости скучивать людей в одном здании и отрывать их от земледелия, которое могло быть выгодным и обычным занятием деревенского кустаря. Отныне скупщик скупал шерсть у фермеров, доставлял пряжу для ее расчески и сортировки, отвозил и раздавал ткачам для пряжи и затем, получив обратно, продавал на местных рынках и ярмарках.

Мы уже видим, что в Англии, при переходе от ремесла к мануфактуре, — сыграли роль иностранцы. Английскую промышленность выручили, как мы уже знаем, голландцы, издавна изготовлявшие новые и высокие сорта тканей. Один голландский переселенец, по имени Джордж Геррист, получил, в Лондоне в 1669 году, патент на окраску и аппретуру. Впоследствии окраска тканей настолько возрасла, что для нее были устроены особые помещения, а все дело ввиду его выгоды, взяла в руки богатая Ост-Индская компания.

Шерстяная промышленность быстро распространилась по всей территории Англии. Особенно прочно она утвердилась в трех больших районах, двух восточных и одном юго-западном, где промышленность стала типично-деревенской — кустарной. Ткачи шерсти были—кустари, соединявшие, на подобие русских крестьян свой промысел с сельским хозяйством. В эту эпоху в английских деревнях „почти во всяком коттедже раздавался звук прялки и ткацкого станка". Эти коттеджи были простые однокомнатные лачуги с маленькими оконцами, где кухня, спальня и ма-

стерская были соединены в одной коморке. Работали семейно, все вместе; жена и дочери сидели за прялкой, сыновья расчесывали шерсть, отец ткал на станке. Их труд был продолжителен, плохо оплачиваем. Питались плохо, почти без мяса и жиров. Готовые некрашенные ткани сдавались скупщику, давшему сырье и отправлявшему выработаную ткань в аппретуру. Таким образом, ткач теперь во всем зависел от скупщика, становившегося постепенно фактическим хозяином производства. Все ценное в доме ткача: шерсть, пряжа, ткацкий станок,—стало принадлежать скупщику. Это была новая фигура в производстве, зародыш будущего капиталиста, возглавлявшего отныне всю деревенскую кустарную работу. Этот тип производства, разлагаясь на основные части,—скупщик понемногу захватывал все дело в свои руки, а роль мастера постепенно отходила на второй план,—превращался в новую форму промышленности—в мануфактуру. Таким образом, создался еще один способ возникновения мануфактуры—из домашней промышленности. Поэтому нам необходимо рассмотреть и этот, третий по счету, в нашем обзоре, путь возникновения мануфактуры.

Происхождение мануфактуры из кустарного производства.

Промышленная работа на скупщика явилась, как мы только что видели, особым способом возникновения мануфактуры, поэтому есть возможность говорить о происхождении мануфактуры из кустарного производства.

Кустарная работа носит часто, особенно у немецких экономистов, название домашней промышленности, так как немцы различают следующие виды промысла (gewerbe):

1) Семейную промышленность.
2) Ремесло.
3) Домашнюю промышленность.
4) Мануфактуру.
5) Фабричную промышленность.

При этом, семейною промышленностью называют „ремесленную деятельность, не расчитанную на сбыт“ (Эммингауз, Тун, Гельд). Это—„наиболее древняя форма хозяйственной деятельности“ (Гельд, Бюхер).

Домашняя промышленность или, как в России принято называть кустарный промысел, это производство, при котором вся работа производится на дому мастером с подручными или без них, своими инструментами или чужими, со своим материалом или чаще с чужим сырьем, к тому же не самим мастером приобретенным, а торгующим капи-

талистом-скупщиком. Этот последний постепенно становится основной осью всей формы производства,— в конце концов, хозяином и помещения, и орудий труда, и сырья и изделий,—вокруг него вращается и сосредоточивается все дело, хотя он своим физическим трудом лично не участвует в производстве. В то же время и мастер постепенно сводится на роль только технического руководителя, лишаясь понемногу права закупки сырья и сбыта готовых изделий.

Между ремеслом и домашней промышленностью все же имеется несколько переходных ступеней и промежуточных звеньев: жизнь не всюду и не всегда принимала строгие и чистые формы.

Домашняя промышленность требует, чтобы вся семья вовлекалась в производство. И, действительно, здесь вскоре все были заняты—от мала до велика.

Естественно, что стремление всех работавших были направлены на усовершенствование техники производства. Всякий малейший шаг в этом направлении сразу создавал заметное улучшение в производстве. Вся мысль работающих была упорно направлена в определенном направлении. Особенно энергично работали головы самих прядильщиков и ткачей, ясно сознававших колоссальную важность каждого шага по пути мельчайшего улучшения техники.

И вот, в 1770-м году простой ланкаширский прядильщик Джемс Харгривс перешел от старинной прялки с колесом, дававшей только одну нить к придуманому им станку, при помощи которого можно

было сразу одновременно получать из пряжи не одну, а целых восемь нитей. Это новая изобретенная Харгривсом—„первая еще очень не совершенная машина“ (Энгельс), прялка представляла собой простенький деревяный станок, в котором вместо одного веретена сразу вертелось восемь. Мужчина мог теперь не только работать на ткацком станке, но и на прядильном, целые семьи стали прясть, в итоге, в прядении и ткачестве возникло разделение труда. Вообще изобретение Харгривса давало такие колоссальные преимущества новому прядению при помощи его станка, названного им прялка—Дженни (spinnied Jenny), что Харгривс, испробовав свое изобретение у себя на дому, взял на нее привиллегию или „патент на изобретение“, который начал ему давать значительный доход. Но эта восьми-веретенная прялка требовала значительного напряжения физической силы для приведения ее в движение. На очереди встал вопрос о двигателе. В следующем же году другой прядильщик Аркрайт, устраивая свою прядильную мастерскую на берегу речки Дервента, приспособил силу воды для приведения в движение восьми веретенного прядильного станка. Водяное колесо Аркрайта освобождало прядильщика от большой затраты мускульной энергии для приведения в движение большой и неуклюжей прялки. Эот новый „водяной станок“ или „вотерная машина“ уже была значительным шагом вперед, но требовала технического усовершенствования. Вскоре, а именно в

1779 году обе машины „Дженни“ и „вотерная“ были заменены новым изобретением третьяго прядильщика — Самуэля Крамптона, построившего новую „Mule—машину“ или „мула“, как прозвал ее простой народ. Эта машина сразу увеличила прядильное производство до небывалых ранее размеров. Выделка пряжи из сырья стала массовою, быстрою и дешевою.

Вновь изобретеная машина позволила работать единовременно, под надзором одного только человека, на 12-ти тысячах прядильных веретен. Это новшество было настолько колоссально, что совершенно переродило все прядильное дело: пряжа, перерабатывавшаяся прежде медленно и дорого, только в ручную, теперь с введением машины, стала простым, всем доступным, массовым делом. Спустя тридцать лет успех машинного прядения нитей был настолько велик, что английские мануфактуры, теперь уже начавшие называться фабриками, заставляли вращаться уже более четырех с половиной миллионов веретен единовременно. Старое ручное пряденье было, как невыгодное, оставлено, а новая машинная работа, произведя полный переворот в технике, создавала возможность неслыханного расширения в этой отрасли промышленности. Теперь очередь была за сходною реформою в ткацком деле. Соответствующая машина была незадолго перед тем изобретена Кентским пастором Картрайтом. Патентованная им в 1785 году, она, разрушая домашнее производство, внедряла монополизацию, вносила коренной переворот в про-

цесс изоготовления тканей. Механический ткацкий станок (power-loom) Картрайта вошел не сразу в промышленный обиход Англии, но уже раз войдя, укрепился основательно и прочно.

Названные нами технические усовершенствования Харгривса, Аркрайта и Картрайта на первый взгляд были не так замечательны, но, между тем, вскоре выяснилось, что все они вместе действительно составляли целую эпоху „великих изобретений“: вместо ручного малоуспешного, медленного и дорогого труда появились механические станки и, наконец, машина, в качестве двигателя.

Паровая машина появилась не сразу. Уже известный Папинов котел намечал путь для использования силы пара для движения. Стремление пара к расширению, его движущую силу, придуманный вскоре поршень переводил из прямого движения в круговращательное. Сила отдельных толчков, переданная на колесо, при прикреплении конца поршня к одной из колесных спиц, сообщала колесу круговращательное движение. В 1769 году англичанин Уатт настолько усовершенствовал паровой аппарат, что имел право взять привиллегию на паровую машину. Новым изобретением устранялась механическая сила воды, замененная движущею силою расширяющегося пара. Изобретение Уатта, бывшее само по себе только маленькою частью в деле применения паровой силы к хозяйственной деятельности, становилось теперь действительно великим и грандиозным и тою могу-

щественою почвою, на которой, при всяком небольшом дальнейшем приспособлении, создавалось нечто новое и сильное. Так паровая машина Уатта, развивавшая большую мощь, чем было нужно для самопередвижения, начав утилизировать, раньше бесполезно терявшийся, перегретый пар,—а в этом и состоял смысл и значение паровой машины Стефенсона (в начале 20-х годов XIX столетия)—превращалась в колоссальную новую силу. Она вносила полный переворот в промышленное производство и была основой той великой индустриальной революции, которая клала резкую грань между старым хозяйственным укладом до „эпохи великих изобретений" и после нея.

Мы видели, что появление главной части технических новостей близко следовало друг за другом. Это было преимущественно одно десятилетие, седьмое, XVIII века, точнее, годы с 1769 (Уатт) по 1779 (Картрайт), но если взять всю сумму технических изменений вместе, начиная с прядильной и ткацкой промышленности, кончая горным делом и новой техникой выработки металлов (пудлингование и бессемерование стали) и применением паровой машины к транспорту (пароход Фультона и первые паровозы в рудниках), то перед нами, по сути, всего небольшой промежуток времени — одно тридцатилетие с 1770 по 1800 годы, когда и произошло колоссальное перерождение европейской промышленной техники.

Оценить и понять размер, силу и великое историческое значение этой индустриальной революции, — иначе трудно назвать этот кратковременный и коренной переворот в области производства, — можно было только много позднее. Результатом этого переворота были следующие важнейшие изменения в европейском народном хозяйстве:

1) ручной труд заменился трудом машинным,

2) старое ремесло сменилось фабрикою,

3) медленность и дороговизна выделки уступила место — быстроте и дешевизне,

4) мелкое, почти индивидуальное производство, стало массовым,

5) предметы и изделия мало доступные и редкие, почти ценившиеся как предметы роскоши, стали общедоступными, демократизированными,

6) рынок бесконечно расширился,

7) положение трудящихся в корень изменилось, былой ремесленный подмастерье превратился в современного пролетария,

8) возможность приложения денежных средств в промышленность расширилось до чрезвычайности, народился современный предприниматель, капиталист,

9) сфера применения женского и детского труда очень увеличилась.

Таким образом технический переворот, развитие и реформа и расширение техники привело к целому ряду столь радикальных перемен, что они не смогли

не отразиться на всем социально-экономическом строе жизни.

Европейское, а затем американское, можно сказать все культурное хозяйство мира, вышло из этой революции совершенно иным, чем оно вошло в нее. По своему гигантскому историческому значению индустриальная революция конца XVIII столетия превосходит все исторические события нового и новейшего времени. Крестовые походы, открытие Америки, изобретение пороха, — словом все важнейшие события, которыми так гордилась новая история, отходят на задний план перед этим грандиозным переворотом, который в должной мере оценивается только в исторической перспективе.

Социально-экономические результаты индустриальной революции для классового строения европейского общества были громадны. Если в самом начале XIX века даже проницательный гений Сен-Симона еще не различал социального антагонизма в классе индустриалов, выдвигавшемся вперед всею промышленною деятельностью вместе взятою, то теперь, после проникновения новых технических достижений в толщу европейской хозяйственной жизни, новое общество, пережив индустриальный переворот, резко распалось на два прямо враждебных класса — на класс капиталистов или буржуазию или класс наемных рабочих или пролетариат. Каждый класс по своему складывался и оформлялся.

Начнем с класса капиталистов. Самые условия новой работы требовали инициативы и средств: нужно было находить и приспособлять новые места для устройства работы для значительного числа рук. Изба ремесленного ткача была абсолютно тесна и непригодна тем более, что техника требовала применения водяной силы. Вот как изображают английские писатели этот исторический момент создания первых зародышей будущей фабрики.

„Первые фабрики, приводимые в действие водою, по необходимости, были расположены по берегам речек и ручьев, часто в отдаленных и пустынных местах, что было связано с большими неудобствами вследствие большого растояния от рынков и трудности находить рабочих. И теперь еще в окрестностях Лидса, Брадфорда, Галифакса и Манчестера можно иногда встретить, по берегам какого нибудь ручья, развалины таких старинных фабрик, которые исчезли после введения парового двигателя.

Тогда новая раса фабрикантов, уже не стесненная выбором местности, бросилась устраивать свои фабрики везде, где только представлялась какая-либа возможность.“ Старые риги и сарай, говорит современник, всякие заброшенные сельские постройки приводились в порядок; проламывались окна в старых стенах, и все это приспособлялось для новых мастерских; новые котеджи для ткачей строились повсюду. „Купцы сами не занимавшиеся постройкою фабрик и сами скупавшие только бумажную пряжу, начали собирать

ткачей большими группами около себя и выдавать им готовую пряжу, и теперь рабочие почувствовали разницу между старой и новою системою". [1]) Первоначально она была выгодна ткачам, заработная плата возрасла, часть забот спала с плеч ткача, ставшего теперь только производителем.

„Пришествие капитала стало, говорит Гиббинс, совершившимся фактом".

Так нарождался новый класс устроителей и владельцев новых предприятий с машинами внутри них получившими наименование „железных людей." Для работы этих неустанных и нетребовательных сил небыло никакой необходимости ни в труде старого, хорошо обученного мастера, ни в труде хорошего квалифицированного взрослого человека. Теперь требовались вместо работы мужчины только его надзор и кое-какая помощь, например, в одном ткацком делессучивание концов порвавшейся нитки. Все это вполне свободно могли производить более дешевые наемники, чем сам мастер, наприм. его жена и дети. Это немедленно учли фабриканты, и фабричные здания наполнились женским и детским трудом, в море эксплоатации дошедшим до крайних пределов. Рабочие „совершенно отбились от дома и семьи".

Каррикатуры того времени рисуют рабочий котежд следующим образом. У очага с ребенком на руках, готовящий обед рабочий - домохозяин, в дверях—то-

---

[1]) Гиббинс: Промышленная история Англии. Рус. пер. стр. 153.

ропящиеся на фабрику мать семейства, держащая за руку идущих с ней на ту же работу малолетних ребятишек.

Поэтому безхозяйственность, грязь и нищета параллельно входили в жилище некогда свободного и материально довольно самостоятелного ранее ткача. Там нарождался и другой новый класс, новых пауперов и нищих, тот класс пролетариев, которого сурово и неприветливо встретила жизнь на пороге нового и уже вполне промышленного XIX века.

Положение рабочих в конце XVIII и начале XIX столетия.

Трудно в нескольких словах изложить и характеризовать положение трудящихся в эпоху индустриальной революции и в ближайшее следовавшее за ней время. Изменения в положении труда назревали настолько медленно и постепенно, что нельзя определить, резко и уверенно тот момент, с которого именно наступает перелом и открываются новые страницы в истории положения трудящихся. Недаром в наиболее солидном исследовании, посвященном истории возникновения современного капиталистического производства, в знаменитом первом томе „Капитала" Карла Маркса, истории этого процесса посвящен ряд глав (главы 8-ая—13-ая), детально освещающих те разнообразные условия, при которых происходило внедрение машин и крупной промышленности в громадное и сложное хозяйственное тело Западной Европы. При этом мы видим несколько важных моментов этой истории:

I) удлинение рабочего дня и постепенное сокращение заработной платы;

II) вовлечение в призводство женского и детского труда, замена их трудом труда мужчин до размеров национального бедствия;

III) начало спротивления рабочих, одно время и капиталистов, введению машин, как источнику экономических затруднений;

IV) общее ухудшение условий труда, материального положения, жилища и нравственности рабочих, связанное с машинным производством;

V) зарождение фабричного законодательства для охраны рабочего дня, платы и условий труда пролетариата;

VI) конструирование идеи о пролетариате, как классе и назревание классового самосознания.

VII) начало классовой пролетарской идеологии (социализма).

Ряд только что указанных моментов можно было наблюдать еще в период мануфактурного производства, как первого этапа капиталистического производства. После индустриальной революции те же явления становятся постепенно уже ясными и характерными.

В этом смысле еще в первой половине XVIII века положение труда и трудящихся приобретает новый характер. Вторая же половина XVIII века, а с нею и первая четверть XIX дают ту же картину, но с более выпуклыми и резкими контурами тех же намеченных основных моментов. Для большего удобства и ясности происходившего процесса, проследим его далее в порядке семи указанных выше сторон его развития.

I Удлинение рабочего дня и постепенное сокращение заработной платы.

Поцесс удлинения рабочего дня представлял собою естественный результат стремления капиталистического производства к увеличению прибавочной ценности, самой сути нового вида промышленности. Это стремление росло с одной стороны, как естественная лавина, сметавшая на своем пути все преграды быта, пола, времени дня и установившегося обычая, с другой представлял собою как раз обратную тенденцию тому, что было характерным для предыдущей эпохи развития капитализма.

Установившийся „нормальный" рабочий день действительно явился результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. В конце концов, промышленный капитализм постепенно овладел „всею неделею рабочего", конечно, первоначально только рабочего промышленного. Рабочий день удлинился до 16, 17 и даже 18 часов. С момента же развития машинного производства власть капиталиста распространялась уже на все 24 часа рабочих суток, ибо при непрерывной работе машин потребовалось и введение постоянного и непрерывного людского труда, но, конечно, разделенного на несколько „смен". Естественно, что первоначально, сутки просто делились на две части: на ночную и на денную смену. Затем, деление на смены усложняется. Трехсмен-

ные сутки, т. е. непрерывная работа становится наиболее обычной формой капиталистического производства. „Капиталистическое применение машин, говорит Маркс, создает новые могущественные мотивы для беспредельного удлинения рабочего дня и преобразует самый способ труда и характер общественного рабочего организма". Паровая машина,— а это замечательнейшее в истории современной промышленности явление,—разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня. „Отсюда, делает вывод Карл Маркс, тот экономический парадокс, что могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени, становится самым действительным средством превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его ценности".

Результатом удлинения рабочего дня появилась интенсификация фабричного труда,—то что Маркс называет уплотнением рабочего времени. Это уплотнение было, конечно, непосредственно связано с хищнической политикой предпринимателей, с понижением заработной платы. Экономическая история располагает рядом самих беспорных и красноречивых свидетельств о том исключительном и невероятном понижении заработной платы, которое выпало на долю рабочих конца XVIII столетия. По вычислению известного историка и экономиста Роджерса весь годовой заработок английского ткача

в двацатых годах XVIII столетия с трудом покрывал расходы на приобретение одного необходимого ткачу и его семье—черного хлеба. На то же указывают фактические данные, взятые за тот же период времени для Франции и Германии. Так например, в Вюртемберге годовой расход на пропитание средней семьи требовал не менее полутораста гульденов в год, а между тем, хороший взрослый ткач не мог заработать в течение года более шестидесяти гульденов, причем его жена и дети, при напряженном труде не в состоянии были принести домой более половины этого заработка. Таким образом рабочая семья вюртембергского ткача была не в состоянии сводить в своем бюджете концы с концами. Естественно поэтому, что рабочим приходилось добывать средства для существования путем нищенства и обращением за помощью к благотворительности. О таком же положении сообщали в свое время из Франции. „Увеличить число мануфактур вокруг города Лиона, сообщал в конце XVIII века один современник, было бы равносильно розыску людей, которые подобно лионским ткачам соглашались бы не есть или не спать". Многочисленные сочинения конца XVIII века, особенно врачей и статистиков, из которых некоторые приобрели выдающееся имя (дорд Эмден, доктор Бюре и др.) рисуют нам картину отчаянного положения фабричных рабочих этого времени. Изнуренный непомерным и крайне продожительным трудом, едва зарабатывая только ту жалкую сумму, которою можно

лишь кое-как удовлетворить голое физиологическое существование, рабочий класс наиболее промышленых стран тогдашней Европы, спустился на самый предел своего угнетения и эксплоатации. Положение казалось безвыходным. Перед взором рабочего открывались только черные врата смерти. Это была, действительно, каторга, та „смягченная каторга", как называет фабрики, ненавидящий весь капиталистический строй, Фурье, в которую по милости капитализма и буржуазии попадал весь пролетариат в целом.

II. Вовлечение в производство женского и детского труда.

Оно началось еще в последние годы существования мануфактуры, когда постепено разрушалась смена суровых цеховых ограничений ремесленного труда. К концу XVIII века на фабриках уже в громадном количестве работали и женщины и дети. Возраст детей все более понижался, пока не дошел до вовлечения в производство малюток пятилетнего возраста, и для них находилась кое-какая работа: поднимать части упавшего с машин хлопка, открывать двери, ссучивать порвавшиеся нитки и т. п.

Вообще не только новое машинное производство, но и предшествующая ему мануфактура широко пользовались трудом малолетних и подростков. Адольф Гельд в своем сочинении: „Две книги о

социальной истории Англии" приводит целый ряд случаев, иллюстрирующих раннее применение детского труда во всех отраслях английской мануфактуры. Гельд приводит случаи работы детей 5-7 летнего возраста, то-есть со времени, как только они становились сколько нибудь пригоднымм для этого. [1])

Другой исследователь А. Тойнби (Промышленная революция в Англии) приводит рассказ изобретателя прядильной машины Джорджа Кромптона о своем детстве. „Едва я стал ходить, как меня заставили работать в бумаготкацком производстве. Пряжу моя мать клала в глубокую лохань, куда вливалась мыльная вода, затем она загибала мне платье и ставила меня в лохань, чтобы я отбивал ногами пряжу. Воду она каждый раз прибавляла, после чего я вновь приступал к работе. Это продолжалось до тех пор, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не в состоянии был стоять в ней. Тогда мать придвигала к ней стул, за спинку которого я держался". Сходные описания можно найти во множестве для многих отраслей промышленности, во многих промышленных местностях того времени. Особенно тяжко было положение детей в сиротских домах, этих единственных в свое время поставщиков принудительного детского труда.

---

[1]) Гельд. Русский перевод под заглавием: Развитие крупной промышленности в Англии. С.П.Б. 1899 г., стр. 205 и след.

При этом, лицемерная в социальном смысле эпоха полагала что принуждением детей к работе она делает добро, приучая малолетних с малых лет к труду и избавляя их от вредной праздности. Правители оставались довольны своим „изобретением“, искренне веря в свою „гуманность“. В этом смысле поучителен характерный факт, приводимый относительно Фридриха Темного [1]).

Когда некий предприниматель Гирш, организовавший в Потсдаме выделку шелку, ссылаясь на крайнюю трудность выписки из заграницы рабочих, ходатайствовал в 1731 году „о выдаче ему детей из местного сиротского дома“, Фридрих на прошение Гирша собственоручно написал „отлично“. Аналогичный случай имел место спустя 17 лет по отношении к другому предпринимателю Рису, желавшему получить приютских детей для кручения шелка. Еще с конца XV века принудительный детский труд применялся и в горном деле, что, за очевидностью вреда для здоровья, встретило суровый отпор в ряде воспрещавших детский труд регламентов, из которых—богемский 1494 и венгерский—1575 по времени самые ранние. Дети под землею работали, как взрослые. Они наполняли под землею отправляемые на поверхность бадьи, корзины, бочки, мешки. Один врач в 1762 году описывал труд 7—8 летних мальчиков по дроблению

[1]) К у л и ш е р, И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Ч. II. изд. 6-ое, переработанное. Петроград („Мысль“), 1923.

руды, причем детей кнутом гнали на работу. Другой врач указывал в 1770 году, что дробление ряда металло-содержащих руд и подземная работа—вели детский организм „прямо к смерти". Пыль при ручном дроблении вредных для здоровья руд, „покрывала комнату туманом" и была опасна по своему составу (мышьяк, сера и пр.). О том, что все это пагубно влияло на здоровье детского организма в раннем возрасте, тогда думали очень мало. Предприниматели, заботясь только о прибыли и конкуренции, не заботились о рабочих, положение которых становилось совершенно отчаянным. Роптать или восставать было невозможно. Все виды противодействия начальству самым беспощадным образом наказывались. Зачинщикам закон угрожал отсечением руки или обезглавливанием, в некоторых же случаях, при отягчающих вину обстоятельствах, даже колесованием, что в ряду физических наказаний считалось особенно мучительным. Колесование было связано с конфискацией всего имущества. Вообще наказание носило кровавый и свирепый средневековый характер. Даже за „недонесение" виновный заключался в крепость или в исправительный дом. Последний считался пугалом той эпохи. Уход с места, в особенности уход массовый, признавался опасным и злоумышленным деянием. За него тоже наказывали; имели своей целью подчинить и устрашить рабочего, добиться от него полной покорности, смирения и исполнительности. Таким образом, рабочий

целиком отдавался во власть предпринимателя, всецело от него зависел, а государственная власть, вместо защиты своих подданных, всячески стремилась подчинить рабочий класс его предпринимателям, усилить зависимость наемника от своего хозяина. В итоге грубые эксплоататорские тенденции молодых капиталистов встречали самую живую и энергичную поддержку со стороны государственной власти, проникавшейся ясно и резко выраженными буржуазными тенденциями.

III. Начало сопротивления рабочи ввдению машин.

Само собой понятно, что появление машин,—новости в промышленном производстве,—казалось рабочим основной причиною всех тех бедствий, которые сыпались теперь на их голову. Именно в машинах рабочие усматривали основную причину всех своих бедствий. Что-же удивительного, что они с яростью обрушились на безащитных виновников своего тяжелого положения: их ломали, разрушали, уничтожали. Самой обычной формой назревавшего возмущения и сопротивления являлся разгром машин и вспомогательных приспособлений. В знаменитой драме „Ткачи" Герхардта Гауптмана приведен только один пример, иллюстрирующий подобного рода „восстание", имевшее место в 30-х годах XII века в Саксонии, но оно является художественным изображе-

нием целой цепи подобного рода расправ с ничем неповинными и беззащитными орудиями производства. Между тем, с первого же момента установки машин в промышленных предприятиях против них вообще разражается необычайное недовольство и ожесточение. „Почти, вся Европа“, пишет Маркс, „пережила втечении 17 столетия рабочие возмущения против машины для ткания лент и галунов, так называемой Bandmühle, (ленточная мельница). В конце первой трети 17 столетия одна ленточная машина, устроенная каким-то голландцем близь Лондона и действовавшая хорошо, пала жертвою возмущения черни“. Такие же примеры находили и для XIX века и далее.

В самом начале 19 столетия главное возмущение рабочих против введения ткацкого станка и чесальных машин вылилось в особое движение луддитов, на которое правительство отвечало целым градом самых реакционных насилий. Но не одни только рабочие увидели в машине своего непосредственного врага. Их мнение первоначально разделяли многие предприниматели, а затем и некоторые экономисты. Даже Рикардо указывал, что орудие труда в лице машины тотчас становилось конкурентом самого рабочего. „Машинный труд,—говорит он,—находится в постоянном соперничестве“. Что-же удивительного, что целый ряд буржуазных экономистов, как Джемс Милль, Мак-Куллох, Торенс, Сеннор и даже Джон Стюарт Милль с легкостью утверждали, что машина освобождает рабочего от средств су-

ществования. Конечно, машинная система на известной ступени распространения может быть связана не только с относительным, но и абсолютным числом занятых рабочих. Но вытесненный применением машин капитал создавал своего рода компенсацию как в расширении производства, так и в создании новых отраслей промышленности. В итоге промышленное производство выигрывало в целом, что, конечно, не могло стать очевидным для рабочих, наблюдавших только отдельный случайный момент истории производства.

IV. Общее ухудшение условий труда.

Все вышеизложенное приводило к одному общему выводу, что материальное положение рабочего класса заметно ухудшалось. Это общее ухудшение условий труда сказывалось во всем: и в продолжительности рабочего дня, и в размере заработной платы, и в ухудшении жилищных условий, и в падении нравственности трудящихся. Часто наносило вред не самая фабричная работа, как таковая, а домашняя обстановка рабочего. Собственно того, что называют другие классы и сословия„ домом", домашним кровом" или „домашним очагом", у рабочих больших городов и промышленных поселений не существовало. Вместо дома имелась улица, трактир, кабачек, а сообразно этому горячая пища заменялась горячительными напитками, алкоголем. Систематиче-

ческое недоедание, связанное с хроническим голоданием, отсутствие столь необходимого регулярного отдыха и правильного образа жизни быстро отзывалось на человеческом, особенно на молодом организме: рабочие становились бледны, изнурены, мелкорослы, некрасивы. Адольф Гельд полагает, что жизнь тогдашних рабочих больших промышленных городов представляла одну сплошную „хроническую болезнь". Гаскелль в своем труде („Manufactureng Populatinon"), об'ехав Саксонию, так описывает немецких рабочих: „красота лица и форм пропала и заменилась угловатостью линий, тогда как тело потеряло упругость и крепость.—Такими делает женщин фабричная система, которая снова превратила женщину, как это было у варварских народов,—из подруги мужчины в рабочий инструмент и в существо предназначенное для удовлетворения грубой страсти мужчины и подавило в них даже чувство матери, так как две трети всех детей рабочих воспитывалось в Манчестере за счет общественной благотворительности."

Аналогичные описания и жалобы градом сыпались на тогдашнее общественное мнение. Первые общие сводки появились только к концу 30-х годов XIX столетия, когда появилась уже некоторая историческая перспектива, выяснявшая главные контуры процесса. Первою ласточкою в этой области была книга Евгения Бюрэ, вышедшая в Париже, в 1840 году. Вторым детальным образом в той же области была монография

Фридриха Энгельса, „Положение рабочего класса в Англии", написанная к середине 1845 года. Это классическое сочинение навсегда останется лучшею картиною быта, жизни и нравов английского пролетариата на первой стадии капиталистического развития Англии. Сочинение важно тем, что оно не только требует „абстрактного знания предмета", но и кабинетного изучения отчетов, книг и статей. Энгельс в своем „обращении" к трудящимся классам Великобритании, помещенном в его книге перед предисловием, отмечает, что он описывал рабочую Англию, „как очевидец". „Мне надо было,—об'ясняет он,—видет вас (рабочих) в ваших собственных домах, наблюдать вас в вашей повседневной жизни, потолковать с вами о вашем положении и ваших горестях и быт свидетелем вашей борьбы с социальною и политическою мощью ваших угнетателей". „Непосредственные наблюдения" и жизнь среди рабочих обогатили его наблюдение и опыт, отсюда исключительная ценность его книги, которую должен прочесть каждый культурный человек нашего времени.

Энгельс подробно разобрал как общее экономическое положение английских рабочих, начиная со времени, предшествовавшем промышленной революции, т. е. до 1770 г., кончая днями своего пребывания в Англии т. е. 1844-годом, так и положение трудящихся в отдельных больших городах:—Лондоне, Дублине, Эдинбурге, Ливерпуле, Манчерстере и ряде фабричных городов, как Глазго, Лидс, Биршгенгам

и другие. Некоторые фабричные центры, как Манчестер, описаны им весьма подробно, начиная с общего плана города, кончая детальным описанием отдельных квартир и подвальных помещений. Здесь Энгельс обратил внимание на скученность квартир, на одежду и питание рабочих, на фальсификацию продуктов и распространенные фальшивые меры и веесы. Он приходит к выводу, что крупные города населены в сороковых годах XIX столетия главным образом рабочими, необладающими никакою собственностью и живущими только на заработную плату, которая „почти сейчас же и проедается". Каждый, даже лучший рабочий, постоянно находится под угрозою безработицы т. е. под угрозою голодной смерти и „многие падают ея жертвою". Жилища рабочих все без исключения плохо построены и плохо распланированы, плохо содержатся и проветриваются, сыры и нездоровы. Живут в страшной тесноте, и, в большинстве случаев, в одной комнате спит по крайней мере—одна семья. Внутреннее убранство квартир бедно, вплоть до полного отсутствия самой необходимой мебели. Одежда рабочих в общем неудовлетворительна: у многих она состоит из одних только лохмотьев. Платье и белье служит и постельными принадлежностями. Пища вообще плохая, часто почти не съедобная. Во многих случаях питание вообще так количественно мало, что „иногда случается смерть от голода". Такова безотрадная картина средней массы, которая в общем доказывает, что „каждый

рабочий ближе к худшему положению, чем к лучшему".

Громадное значение в пауперизации рабочего населения Энгельс придает конкурренции, которая является „совершеннейшим выражением царящей в современном буржуазном обществе войны всех против всех". Рабочий становится настоящим „рабом буржуазии" и „должен ежедневно и ежечасно себя продавать". Он—рабовладелец своей семьи и своих домашних. В итоге создаются избыточное население, торговые кризисы и обширная запасная или „резервная" армия трудящихся.

Все перечисленные условия жизни оказывают неизгладимое влияние на физическое состояние рабочих и на заболевания (тиф, чахотка, страдания кишечника, алкоголизм и пр.), а также на нравственное и интеллектуальное состояние рабочих.

Наконец, Энгельс рассматривает быт фабричных рабочих в тесном смысле, их семейную жизнь, женскую и детскую участь в различных отраслях промышленности, а также в горных промыслах и земледелии. Некоторое внимание он уделяет также начаткам рабочего движения, союзной и стачечной борьбе, чартизму и социализму, а также характеристике положения, занимаемого буржуазиею по отношению к пролетариату. Получается целостная, но совершенно безотрадная картина, отягчаемая „безумием имущего класса, ослепленного временными выгодами и непонимающего самых ясных признаков

времени". „Поистине приходится,—делает Энгельс основной вывод,—оставить всякую надежду на местное разрешение социального вопроса в Англии". „Единственным возможным выходом,—заканчивает он—насильственная революция".

Со времени появления книги Энгельса прошло более трех четвертей века и наука сильно подвинулась в деле изучения фактической истории экономического развития и всей Западной Европы вообще и Англии в частности, но установленная Энгельсом характеристика положения труда в эпоху промышленного переворота и непосредственно следующее за ним время—остается неизменною. Это подтверждается и данными, многочисленными и строго проверенными, опубликованными спустя 22 года Карлом Марксом в первом томе его „Капитала".

V. Зарождение фабричного законодательства.

Вмешательство государственной власти в положение трудящихся началось в Западной Европе очень рано, но не всегда это вмешательство было направлено на защиту рабочих, а, наоборот, на усиление эксплуатации.

Маркс, разбирая законы 1349, 1496, 1562, показывает на их отрицательный для пролетариата характер. Новая волна экономической жизни, вызванная индустриальною революциею с ея распространением женского и детского труда и ухудшением общей,—теперь

уже явно вредной для здоровья обстановки работы, требовала ограничения произвола нового деятеля производства—фабриканта-капиталиста.

Конец XVIII века довел вопрос о положении труда в Англии до крайней степени напряжения. Поэтому вполне естественно, что здесь и возникло впервые современное фабричное законодательство. Отсюда, из этой передовой страны капитализма, законодательное вмешательство и ложные попытки законодательных ограничений времени труда рабочего распространились и на другие государства Европы по мере развития в них новых промышленных отношений.

Исходною точкою в экономическом развитии Англии было развитие машинного производства в конце XVIII столетия, которое усугубило темные стороны нового капиталистического производства, создавшего возможность и необходимость широкого применения детского труда. Фабриканты пользовались отсутствием всякого контроля, заставляя беззащитных детей выполнять изнурительные работы в ужасающей гигиенической обстановке. Обилие водной силы в северных графствах Англии способствовали развитию тех видов мануфактуры, в которых работали вновь изобретенною в о т е р н о ю—машиною. Местные рабочие не соглашались отпускать на работу своих детей, так как новые промышленные предприятия, как мы уже знаем, устраивались в эту эпоху на новых местах, обыкновенно вдали городов и мест постоянных поселений.

Вопрос о жилище и питании малолетних всплывал со всего остротою. Фабрикантам поэтому пришлось обратиться за рабочею силою,—а прядильно-ткацкое производство допускало широкое применение детского труда,—к администрации приходов графств за детьми, имевшимися в их приютах в значительных количествах. Администрация приходов охотно отпускала ребят своих приютов на север, в промышленные предприятия, избавляясь, тем самым, от необходимости их кормить, а равно радуясь, в духе того времени, возможности приучить детей „к честному труду". Агенты фабрикантов действовали энергично. Так возникла знаменитая „торговля детьми", о которой в свое время много писали первые исследователи рабочего быта в Англии—Альфред Кидд, Отто Вейер, Гётчисон, Гаррисон, Гэмфери Уорд, Веатриса Вебб, фон Пленер, Абрахом, Девис и другие.

Посредники фабрикантов северных графств массами забирали в южных попечительствах необходимый им для производства „живой товар", отвозили его в фабричные местности и там распределяли по предприятиям. „Если дети не были заказаны раньше, пишет первый историк английского фабричного законодательства Альфред Кидд [1]),—их помещали на некоторое время в темных подвалах, куда торговав-

[1]) Alfred I. Kydd. The history of the factory mouvement from the gear 1802 to the anectment of the ten hours'bill in 1847 Лондон, 2 тома, 1857, т. I, стр. 17 я.

ший ими „купец“ приводил нанимателей. Фабриканты осматривали детей при свете фонарей, свидетельствовали их члены и рост, после этого они заключали сделку и бедные невинные жертвы отвозились на фабрики“.

В промышленных предприятиях положение детей всецело зависело от усмотрения владельца заведения. Их кое-как кормили нездоровой, грубой и совершенно скудною пищею. Они работали непрерывно днем и ночью, сменяя друг друга, так что постели их „не остывали“. Каждая койка назначалася на двоих, на одну „смену“. Само собою понятно, что в помещениях, устроенных на скорую руку, воздух был зловонный и удушливый. Детскому организму приходилось подвергаться резким сменам температуры, и вполне естественно, что в результате среди фабричных детей развились разнообразные эпидемические болезни, в особенности-же брюшной тиф. Но детские эпидемии, как и все эпидемии, было трудно остановить, тем более, что они из ужасных помещений живого товара, перемещались в этажи, дома и кварталы и „порядочных людей“. Последние были вынуждены обратить внимание на участь детей. Общественное мнение Англии начало тревожится, особенно в фабричных районах. В 1796 году, в центре промышленности, в городе Манчестере, было учреждено санитарное-бюро, которое в своем первом же отчете указало, что причиною местных эпидемических заболеваний явились дурные условия

жизни фабричных рабочих. Впрочем, и без санитарного бюро вся тогдашняя промышленная Англия была хорошо осведомлена о безконтрольной эксплоатации детского труда. Англичанам и без последовавших вскоре указаний Роберта Оуэна было хорошо известно, что ненасытная жадность предпринимателей вынуждала кроме семи и шестилетнего возраста, а в некоторых отдельных случаях даже пятилетних, работать на фабриках.

Все это дало возможность в самом начале нового 19 столетия общественному парламентскому деятелю Сэру Роберту Пилю-Старшему провести в 1802 году особый акт—„Miral and healfh Act“,—восставший против ввода бесконтрольной эксплоатации детского труда и открывший собою эру фабричного законодательства в Европе. Этот акт,—„защита морали и здоровья“,—устанавливал 12—часовой день работы для детей, взятых из приходов, запрещал ночной труд и требовал обязательного школьного и религиозного образования. Помимо предписания акт устанавливал и способ контроля за их исполнением. Наблюдение за применением нового закона было возложено на мировых судей, которым должны были помогать каждому по два особых надзирателя для обхода фабричных заведений. Конечно, такого типа закон так и остался на бумаге, в качестве доброго пожелания, и никакого практического значения не имел. Не было организовано действительного контроля, да и самый об'ект контроля—

приходские дети начали постепенно сокращаться: применение пара вскоре позволило устраивать фабрики на территориях больших городов, где уже имелись дети местной бедноты. Надобность в приютских детях сократилась, тем более, что родители отдавали детей на соседнюю фабрику добровольно и тем самым отпадала необходимость вмешательства в положение детского труда—согласно акту 1802 г.

Но начатое дело не прекращалось. В самом начале 20-х годов за вопрос о вмешательстве, власти в положение детского и женского труда взялся, выдвигавшийся тогда на общественной арене, Роберт Оуэ, прославившийся своими нововведениями в Нью-Ланарке и агитировавший среди руководящих парламентских кругов, на весь мир. К этой агитации вскоре примкнул агитатор среди рабочих—Остлер в Іоркшире.

Их агитация вызвала в свет возникновение ряда парламентских комиссий для исследования положения рабочих и для выработки фабричных законов. Первые тридцать лет нового 19 века прошли в Англии в атмосфере агитации за выработку и обнародование новых законов и в борьбе из-за издания подобного законодательства вообще. После преодоления большого и упорного сопротивления в 1833 году удалось, наконец, опубликовать новый акт, действительно создававший основы серьезной защиты фабричных рабочих: вводилась первая серьезная организация—институт фабричных инспекторов.

Со времени учреждения фабричной инспекции впервые были положены твердые основы дальнейшему развитию законодательства в защиту рабочих, потому что при каждом новом требовании закона получалась возможность расчитывать на практическое осуществление этого требования. Фабричные законы перестали быть мертвою буквою, голословною декларацией а так как за ними стояла активная сила, превращались в нечто живое и деятельное. В лице своих фабричных инспекторов английский пролетариат нашел умелых, энергичных и добросовестных защитников своих интересов, хотя многие из них и происходили из класса буржуазии и связанного с нею своими классовыми интересами. Английская интелегенция в этом случае оказалась на высоте и всецело стала на сторону рабочих. Пример Англии оказал в данном отношении крупную услугу и другим странам. „Так фабричный инспектор, как орган общественной власти, призванный к защите слабых и угнетенных против произвола сильных“,—писал в 1901 году русский экономист В. Я. Железнов,—„столь не похожий на обычную фигуру чиновника-администратора, механического исполнителя предписаний свыше, появился впоследствии и на континенте, когда фабричное законодательство стало распространятся в других европейских государствах“. Все же наиболее независимыми и проникнутыми смыслом своей задачи активною защитою интересов рабочих остались английские фабричные инспектора. Их деятельности в

различные периоды английской жизни английские рабочие обязаны многими полезными изменениями в остановке и условиях их труда, согласно требованиям закона. Без неуклонной настойчивости и защиты фабричной инспекции многие из постановлений остались бы на бумаги, в силу хронических увертюк фабрикантов, никогда не желавших подчиниться требованиям закона. Они при первом же удобном случае и при первой возможности уклонялись, твердо проводя свою классовую линию.

С изданием закона 1833 года, по сути первого действительного рабочего закона в Англии, явилась возможность говорить о правовых нормах, регулирующих отношения труда и капитала в промышленности. Правда эти нормы были еще слабы и мало еще развиты, но они уже были и к тому же направлены по существу дела. Законом 1833 года воспрещалась работа малолетних до 9 летнего возраста. Труд детей от 9 до 13 лет мог продолжатся не долее 8 часов. Всякий ночной труд детей и подростков до 18 летняго возраста т. е. работа от $8^1/_2$ часов вечера до $5^1/_2$ часов утра,—был совершенно воспрещен.

Дневная работа подростков была ограничена двенадцатью часами (!). Хотя с современной точки зрения некоторые из этих „ограничений“, как например размер дневного труда, только вызывают улыбку, но с исторической точки зрения здесь уже содержится серьезный шаг вперед. Закон 1833 года уже поры-

вает с доктриною промышленной свободы, официальным и лицемерным покрытием всех злоупотреблений фабрикантов.

Неудивительно, что английские предпрниматели встретили крайне недружелюбно закон 1833 года и открыли большой поход против государственного вмешательства в экономические отношения вообще. Но Англия в тридцатых годах была уже не та и парламент уже начал разбираться в промышленных отношениях. Поход предпринимателей окончился полным фиаско (неудачей). Тогда предприниматели прибегли к ряду мелких и разнообразных уловок: определяли возраст детей не по документам, а беглому наружному осмотру, вступали в сделки с родителями, мошеничали в порядке смен т. д. Особенно часто злоупотребления происходили с вопросами о сменах, чему положил предел точный закон 1844 года. Вместе с тем порывалась связь между фабрикою и фарикантом, так как отменялось право владельцев предприятий избираться в местные мировые судьи. Институт последних тоже являлся не малым тормазом для проведения в жизнь новых законов.

Так длилось дело в течении 40-х и 50-х годов, при чем, постепенно ожесточенность и враждебность капиталистической стороны ослабевала. Немецкий историк английского рабочего законодательства фон Пленер, об'ясняет это смягчение следующим образом; „Решительное улучшение в положении технических рабочих в материальном и моральном отношении и

непрерывное увеличение производства, несмотря на сокращение часов труда, постепенно убедило фабрикантов и публику, что их первоначальная ожесточенная оппозиция законодательному уменьшению часов труда была неправильна и лишена оснований, и что дальнейшее распространение фабричного законодательства на другие отрасли промышенности не будет сопряжено с разорительными последствиями, как это предполагалось и предсказывалось обыкновенно в 1843 году."

1862 году была организована большая парламентская комиссия лорда Шафтезбри для выяснения вопроса о желательности распространения фабричного законодательства на не защищенные еще отрасли промышленности. Комиссия собрала ценный материал о работе женщин и детей и подготовила основы для билля 1867 года Вальполя, парализовавшего злоупотребления детским и женским трудом в небольших мастерских, где по словам Вальполя злоупотребления детским трудом „оказались вдесятеро сильнее, чем на фабриках." С этого времени начинается усиленный и расширеный темп развития английского рабочего законодательства. 70-ые годы были временем изобильного появления законодательных актов, впервые консолидированных в 1878 году. Основные положения этого акта сводятся к следующим положениям.

1) Каждый фабрикант обязывается содержать свое заведение в чистоте, т. е. должен устроить

приспособление для достаточной вентиляции воздуха, удаления нечистот и отбросов; через определенные промежутки времени должен заботиться о мытье, беленьи и крашении полов и стен фабричных зданий.

2) На каждой фабрике должны быть устроены необходимые для безопасности работы ограждения фабричных механизмов.

3) Запрещается совершенно работа детей до 10-ти летнего возраста. Дети от 10 до 14 лет должны работать не более 6 и в исключительных случая не более 7 часов, причем они могут быть заняты или только в утреннюю смену от 6 или 7 часов утра до 1 часу дня или только в послеобеденную смену от 1 часу дня до 6 или 7 часов вечера; только в домашних мастерских работа детей может продолжаться до 8 часов вечера. Подростки от 14 до 18 лет должны работать на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества, не более 12 часов с перерывом в два часа (10 часов действительной работы), на других фабриках длина перерыва определена в 1—2 часа. В праздники работа запрещается, а также и в полупраздники (какими считаются все субботние дни, с 1 и 2 часов дня).

При поступлении ребенка на фабрику требуется медицинское свидетельство от специального врача; если же фабричный инспектор найдет, что силы кого либо из занятых уже на фабрике детей слабы для возложенной на него работы, то он может назначит вторичное освидетельствование врачем (до

16-ти летнего возрста), затем требуется ежедневное посещение школы всеми фабричными детьми, не имеющими еще свидетельства об окончании курса начального училища. Фабричному инспектору должна быть предствляема подробная отчетность о посещении школ и успешности учащихся как администрацией фабрики, так и школьным управлением. Затем следовали многочисленные законы 90-х годов и их консолидация в 1901 году. Здесь уже мы на пороге современности, где уже оно не движется так робко и ощупью как раньше, не от казуса к казусу, а шире и решительнее. Тем временем более молодые страны обгоняют Англию, в начале Швеицария с конца 80-х годов 19 столетия, затем австралийские колонии, а после мировой войны Россия, с ея декларациею прав трудящихся" и своим „Кодексом труда Р. С. Ф. С. Р."

VI. Конструирование пролетариата, как класса в итоге индустриальной революции приводит к идее класса и классовой борьбы, почему нам необходимо рассмотреть общую историю, развития идей класса пролетариата.

Впервые хорошо усвоенное нами в настоящее время понятие о классе пролетариата, классовом организме и классовой борьбе появилось в XVIII веке, т. е. в эпоху развития европейского капитализма. Тогда уже экономическое развитие Европы начало

выявлять внутренние противоречия, заложенные в самой структуре нового промышленного общества. Индустриальная революция (1770-1800 г.г.)-- это крупнейшее событие новой истории,—разложила буржуазное европейское общество, вступившее на путь капиталистического развития на два отдельных класса буржуазию и пролетариат, обострив их антагонизм. Противоречие классовых интересов стало основной движущей силой и главной пружиной их борьбы за существование. В процессе борьбы класс-победитель стал стремиться к гегемонии. Между тем, понимание „класса" и осознание „классовой борьбы" шло следом за жизнью, „бытие" вполне предшествовало „сознанию", идеология складывалась post factum, т. е. за ходом самой жизни.

XVIII-й век подошел к новому явлению дифференциации общества на классы со своей старой теориею, унаследованной еще из античного мировоззрения, и подкрепленною средневековьем со старинным представлением о двух обществах, о двух государствах единовременно существовавших внутри социального коллектива: о мире богатых и мире бедных. С экономической точки зрения это была просто теория двух различных потребительных классов, из которых один малочисленный находился всегда „под рогом изобилия", а другой, многолюдный, характеризовался полным недостатком предметов потребления. Эта теория не чуждая античному миру (басня Менения Агриппы) развилась и ожила

в XVIII столетии одновременно в двух странах—во Франции и в Англии.

Проследим судьбу их отдельно, начав с Франции.

На заре интересующего нас XVIII века бедный французский приходский священник из Шампани, Жан Мелье, ясно осознал и с суровою страстностью изложил суть ветхого противоречия между исконными классовыми анатагонистами—бедными и богатыми. В своем, тревожащем спокойную совесть, знаменитом „Завещании" (1729 г.), силу которого он подтвердил собственною героическою смертью, Жан Мелье проводил резкую грань между утопающим в роскоши и наслаждениях дворянством и духовенством, тиранящим подчиненную ему крестьянскую массу, и крестьянством, его „несчастными и презренными рабами". Первые—бездельники и эксплоататоры, создавшие свои богатства путем насилия, ограбления и беззастенчивого угнетения, вторые—истинные создатели всех ценностей,—влачащие свою жизнь в нищете, труде и унижении. Источник всего этого тот принцип частной собственности, на котором построен весь хозяйственный и правовой строй старого режима. Между тем, все люди равны, и каждому дано равное право на существование. Каждому принадлежит естественное право наслаждаться земными благами, право, попираемое существующим строем и восстановимое лишь с устранением частной собственности. Из деления общества на имущих и неимущих рождаются споры, зависть,

тяжба и войны, страдания и пороки, а жизнь превращается в сплошную и непрекращающуюся борьбу за собственность.

Не все так страстно и горячо ощущают такое деление общества. Другие писатели этого века, как например, Вольтер, хотя ясно видят факт классового деления общества, но, считая этот факт—неизбежным и неотвратимым—примиряются с ним. Идеи Мелье изучили и передали европейскому обществу Вольтер и Гольбах.

„На нашей несчастной земле,—пишет Вольтер в 1765 году, как издатель экстракта из „Завещания", невозможно без того, чтобы живя в обществе, люди не были разделены на два класса: один класс богатых, которые командуют, другой—бедных, которые служат."

„Все нации, вторит Вольтеру аббат Рейналь, кажутся разделенными на две непримиримые части. Богатые и бедные, собственники и наемники, господа и рабы—вот два класса граждан, к несчастью, противоположных".

Эту противоположность тогда осознают не все. Авторитетные экономисты века — **физиократы**, склонные к изучению анатомии человеческого общества и сделавшие кое-что для выяснения соотношения экономических групп между собою, видят в существующем порядке только случайную и жалкую аномалию, которая бесследно исцеляется **социаль-**

ной гармонией, восстановляющейся при следовании зову естественных законов природы.

Физиократы стоят уже на трехчленном делении общества и их три класса усваивает себе и научный кумир конца века, знаменитый Адам Смит.

Физиократы делят все общественные группы с точки зрения своего своеобразного баланса прихода и расхода национального имущества, относя одних к „производительному“,—как к производителям массы сырья, других к „бесплодному“, только видоизменяющих в переработке добытое от природы и третьих—к „классу собственников“, как только уничтожающих в процессе потребления годовое накопление, или „досужему“ классу (classe disponible)—как предпочел выразиться Тюрго, следовавший в своем учении о классах за физиократами. Бесплодный класс Тюрго называл классом „зарабатывающим“, classe stipendie. Адам Смит делит общество на классы по признаку видов дохода—т. е. на капиталистов, землевладельцев, и рабочих, воплощающих три его основных категории дохода: 1) процента и предпринимательской прибыли, 2) земельной ренты и 3) заработной платы.

Надвигается эпоха Великой Французской Революции, отвлекающей все внимание буржуазии к политической борьбе. Между тем, в низах и массах кипит иная, только ныне ставшая ведомою, борьба: пролетариат Франции борется с давящею его буржуазией.

В крупных промышленных центрах Франции,— как Париж, Лион, Марсель, Нант или Бордо,—рабочая масса уже борется и организуется. В одном Париже от ста до полутораста тысяч рабочих волнуется и уже умеет энергично отстаивать свои права. Тарле удостоверяет, что статечное движение 1791 г. охватило восемь профессий и держало ряд недель Париж в напряжении [1]).

„Стачки XVIII-го столетия,— говорит другой исследователь, — носили во Франции точно такой-же характер, как и теперь: у них были те же, главным образом, экономические основы (низкая заработная плата), те же поводы, те же формы — с бойкотом, с сниманием с работы, с уличным движением, нередко с буйными проявлениями, с взаимопомощью на случай прекращения работ и т. д.; те же как и теперь, были у правительства и у предпринимателей приемы борьбы со стачками, наказание было лишь несколько суровее, доходя до виселицы для участников и вождей". [2])

Несмотря на все строгости рабочие союзы были многочисленны и энергичны. Закон 14-го июня 1791 года (Ле-Шапелье), заносивший нож над жизнью союзов, был чисто классовым произведением непримиримой французской буржуазии.

---

[1]) Тарле, Е. Рабочий класс во Франции, ч. I. Спб. 1909 г., стр. 151.

[2]) Солнцев, С. Общественные классы. Томск, 1917 г., стр. 35.

Выразителем этого глубокого классового антагонизма был среди других писателей, отодвинутых блеском и шумом политического урагана Великой революции, Ленге (Linguet), резко обрушившийся на физиократическую идею социальной гармонии и подчеркнувший противоречие между интересами рабочих и предпринимателей. Положение рабочих совершенно невыносимо. „Они стонут, восклицает Ленге, под отвратительным рубищем, которое является ливреею нищеты. Они никогда не обладают достаточной долею в том доходе, источником которого является их труд. Это слуги, которые заменили собою рабов. Между тем, без преувеличения можно сказать, что это самая многочисленная часть в стране".

Но не один Ленге рисует тяжелое положение тогдашнего пролетариата во Франции. Петиции, жалобы, воззвания в листках и брошюрах лились потоком в дни революции, выясняя всю противоположность между интересами „третьего" сословия и обездоленного рабочего класса. Здесь протестуют против смешения и забвения их интересов, против невнимания и невмешательства государственной власти. „Наказы четвертого сословия"—типичные памфлеты, сознавшего свое положение пролетариата, который именует себя „бедным диаволом".

Но классовая идеология той эпохи еще не прорвалась через толщу буржуазной революции и только некоторые вспышки, некоторые социальные зарницы, многочисленные стачки рабочих того времени, как

и попытка восстания в целях защиты попранного идеала равенства или „заговор равных“ Бабефа свидетельствовали, что сознание уже подготовляло почву для социализма, хотя уже революционного, но все еще утопического.

Великие утописты, особенно Сен-Симон, подводят под идею класса и классовой борьбы—широкий социалистический фундамент. Сен-Симон первый рассматривает всю историю человечества, как историю борьбы классов.

Но устанавливая идею классового деления общества, он сам с нею не солидарен. Борьба классов—не пружина движущая вперед, а причина „социального расстройства“. Прогресс должен смягчать и сглаживать эту борьбу, а достижение идеалов идет не путем борьбы, а под благодетельным воздействием морали и культурной пропаганды. Ученик Сен-Симона Проспер Анфантен яснее чувствует важность классовой борьбы, он уже ее защищает, как толчек к развитию общества.

Еще дальше идет талантливейший из учеников Фурье, у нас мало известный, Виктор Консидеран. Если отбросить его утопизм, Консидеран уже предтеча пролетарской идеологии 1848 года.

В своем знаменитом „Манифесте демократии XIX столетия“, Консидеран ставит вопрос о классах на экономический базис, выводя разделение общества из его хозяйственной организации. „Производственные мастерские—это поле вечной битвы между тру-

дом и капиталом, этим хозяином орудий труда". „Пролетариат — это новейшее крепостное право".

В другом своем сочинении „Социализм перед старым миром", Консидеран говорит:

„Городские и сельские пролетарии, взятые коллективно, находятся в полнейшей зависимости от класса, владеющего орудиями труда; этот великий экономический и политический факт выражается в следующей практической формуле: чтобы иметь кусок хлеба, каждый пролетарий должен найти себе господина".

Консидеран все же оптимистически и наивно глядит на будущее: недаром он утопист наиболее жизнерадостной школы. В грядущем социальном порядке классы не исчезнут, но сольются в братстве и гармонии, ибо новый будущий строй представит собою добровольную и свободную ассоциацию капитала, труда и таланта. Будет найден путь к примирению индивидуализма и капитализма, будет создан синтез между свободой и иерархическим строем, где „капитал, т. е. доведенный до совершенного состояния труд, сочетается с трудом, т. е. с капиталом, находящимся еще в зачаточном состоянии". В будущем „все интересы, все права, все элементы общества, все классы найдут, наконец, себе закон для братского слияния и гармонического равновесия".

Этот социальный оптимизм был уже анахронизмом, так как Консидеран не мог не знать тех мрачных, но правдивых картин, которые еще в 1840 году

Евгений Бюре (Buret) нарисовал в своей, прославленной и увенчанной премиею французской Академии, книге: „О нищете трудящихся классов в Англии и Франции“ [1]) Париж 1840 г., („De la Misére des classes laborieuses en Angletterre et en Françe“), где антагонизм между трудом и капиталом и неизбежность классовой борьбы поставлена полностью и определенно. Он же строго разграничивает понятие класса от понятия сословия и касты.

Бюре излагает как многочисленные изыскания и фактические сведения о жизни рабочих, приводившиеся в ряде официальных сводок, начиная с отчетов парламентской комисии Садлера (1832), кончая статьями Фелькана в „Журнале Лондонского Статистического Общества“ (1840), так и солидные наблюдения за ходом развития экономического и пролетарского движения.

Бюре раз'ясняет историческую роль и социальное значение классов и их вражды между собою, говорит о концентрации производства в промышленности и земледелии, о размере заработной платы, о влиянии форм производства и обмена на общество и т. д. Все социальное зло Бюре выводит из превращения свободного производителя в наемника, в пролетария, нового крепостного современности.

Как социалисты различных течений этой эпохи—Пьер Леру, Прудон, Пекэр, Видаль,

[1]) Книга Бюре легла в основу лучшого произведения молодости Фридриха Энгельса: „Положение рабочих в Англии“.

Луи Блан,—так и историки 20-х годов и времен реставрации—Гизо, Минье, Огюстьен Тьерри и др., прекрасно разобрались в вопросе о классе и классовой борьбе, взяв материалом для своего анализа эпоху и события Великой Французской революции. Этот период развития уже излагался Плехановым в его известном труде „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю".

Таким образом почва для восприятия идеи классовой борьбы Марксом и Энгельсом была вполне расчищена и подготовлена, но раньше, чем перейти к венцу их учения,—классовой теории рассмотрим ее подготовку и в другой классической стране капитализма,—а именно ход идей в Англии.

Путь индустриальной революции, создавшей современный социализм, прошел в Англии и раньше и глубже. Введение машин и быстрая пролетаризация английского населения, энергичная концентрация капиталов и образование крупных богатств уже в середине XVIII-го века разложили английский промышленный мир, вызвав в кругах беднейшего пролетариата сильное социально-политическое брожение.

Пауль Манто в своей „Истории промышленной революции в 18 столетии" (1906), излагал ход упорной стачечной борьбы 1750, 1761, 1763—1773 гг., представлявшей собою настоящие гражданские битвы меж-

ду трудом и капиталом. Удивительно то, что уже в самом начале 70-х годов XVIII-го столетия Англия располагала таким замечательным трехтомным исследованием, как сэра Мортона Эдена, „О положении рабочих классов в Англии" (1772) и таким солидным трудом, как работа о положении низших классов Артура Юнга (1788 г.).

Но еще раньше, а именно в 1750 году Эдмонд Борк,—впоследствии известный консервативный политический деятель Англии и заклятый враг революции,—отдал дань пылкому протесту юности в своем анонимном памфлете: „В защиту естественного общества", где заложил первый этап плодотворной социалистической критики буржуазного строя.

Спустя десять лет, а именно в 1761 году, Роберт Уоллес выступает определеннее и уже рекомендует Англии коммунистическое решение социального вопроса. В своем памфлете „Разные виды на будущее человечества" Уоллес ссылаясь на утопистов Т. Мора и Якова Гаррингтона, указывает на трудность практического проведения в жизнь коммунизма для уничтожения борьбы классов. По его мнению, для проведения коммунизма в жизнь нужен черезчур высокий духовный под'ем, исключительный энтузиазм, который появляется только в моменты великой революции.

В конце столетия выступает радикальный писатель и аграрный социалист Томас Спенс, пишу-

щий ряд памфлетов и издающий в 1789—95 гг. журнал для рабочих „Свиное мясо“, подхватив в этом наименовании грубое полемическое выражение тогда уже консервативного Эдмонда Бёрка.

Затем идет солидная группа английских социалистов, получивших наименование рикардианских социалистов—Галь, Джон Грей, Ходскин, Брей, а впереди других Вильям Томпсон.

Труд Томпсона „О принципах распределения богатств применительно к человеческому счастью“ (1822), — замечательная книга. Она устанавливает классовую борьбу между предпринимателем и рабочим, происходящую на почве распределения и выводит источник прибавочной ценности из присвоения труда рабочего. Томпсон насчитывает три класса, вставляя между высшим и нисшим—среднюю буржуазию. Воззрения Томпсона—уже преддверье к Марксу. Маркс и Энгельс ставят, наконец, вопрос о классах в полном об'еме. Заложив основы научного социализма, их учение придало вопросу о классах и их антогонизме актуальное жизненное значение. XIX век прибавил к списку рикардианских социалистов значительное количество различных теорий, из которых каждая имела свой подход к вопросу о классе и свое понятие о классе. Все эти теории можно классифицировать на три больших группы:

I) теории, построенные на процессе потребления, первые наиболее важные,, II) теории, в основе которых лежит процесс распреде-

ления, и, наконец, III) теории, основанные на анализе процесса производства. Последние две группы наиболее глубокие и серьезные. Более детальную классификацию предлагают Овербек и робко следующий за ним С. И. Солнцев. Девять групп, Овербека — Солнцева я свожу в шесть, а именно:

1. Естественно—органические учения о классе, как части социального организма или на основе естественно-органического отбора (Спенсер, Аммон, Дарвин, Гальтон, Шеффле, Кидд), или на основе различия рас, (Гумплович).

2. Теории общественных классов на основе разделения труда и образования профессий (Шмоллер, Боер).

3. Теории исторических наслоений (Вернер Зомбарт-Георг Ганзен).

4. Теории классов на основе социального ранга и уровня жизни. (Рене Вормс, Лоренц фон-Штейн, Пэш, д'Эт, Поль Декарт).

5. Распределительная теория—Лориа, Шарль Жид, Виктор Чернов, Делевский, Туган-Барановский, Каутский (отчасти).

6. Производственная теория—Гента, Маркса и Энгельса. (5 классов).

По Марксу класс—экономическая категория; основа для его образования—тоже экономическая. Классообразующая основа вообще заложена в производственных отношениях. Все исторические

конфликты во всех сферах—более или менее ясное выражение борьбы общественных классов, а существование, и следовательно, столкновения этих классов в свою очередь обусловливаются уровнем развития их экономического, характера и способом их производства и обусловленного последним обмена. (Великий закон по Энгельсу).—

Из производственных отношений вытекают:

1. Классовый антогонизм,
2. Классовая борьба и
3. Отношения господства и подчинения, (диктатура класса).

Хотя эти вопросы изложены Марксом и Энгельсом не в системе, а случайно, но ими систематически и глубоко проникнуты и теория исторического материализма и все учения Маркса.

Идеология промышленного капитализма—школа Адама Смита.

I.

I. Развитие новых экономических условий.

Переход от предварительной стадии развития капитализма—от капитализма торгового, к новому промышленному—через мануфактуру и фабрику—не мог произойти, не оказав глубокого изменения воззрений европейского мира. В силу развития физиократизма не только старая городская буржуазия, но и отсталая сельская приобщились к новым условиям быта. Оставалось только завершить и обобщить выводы, возвести их на степень универсальной и абстрактной теории—задача, которая и выпала на долю Шотландского ученого Глазговского профессора философии Адама Смита. Его сочинение „Изследование причин и происхождения богатства народов", 1776 г., явилось завершением идеалов передовой английской буржуазии, перед стремлениями которой раскрывался новый и широкий мир, мир индивидуализма и промышленной свободы, мир полного простора для новых людей—промышленников и капиталистов, которые рвались к инициативе и экономической свободе, к делячеству и наживе, которым было тесно в прежних тисках ре-

месленных стеснений и цеховых ограничений. Индустриальная революция их окрыляла и вдохновляла, явилось широкое поле для приложения безконечных сил и средств в промышленность. Машинное производство и система разделения труда раскрывала новые широкие и неожиданные горизонты. Буржуазия ожила, усилилась и развернулась. Учение Адама Смита явилось и евангелием, и защитою, и оправданием, и проповедью новых отношений. Ее идеологию систематически изложила новая школа — Смитова или классическая.

Классическая школа.

Гл. I. Общий обзор.

Школа Адама Смита, смитианство или классическая школа в политической экономии представляет собою блестящую и законченную идеологию английской промышленной буржуазии. Боясь радикального подхода к социальному вопросу, чуждаясь идеи равенства и революции, борьбы и уравнения, английская буржуазия находила, что основной принцип существующего социального строя—должен быть—естественная гармония. Последняя, проявляясь всегда и везде, если только предоставляется простор естественной игре сил, составляет основу социального порядка. Этой гармонии интересов противоречит вмешательство в хозяйственную жизнь отдельных лиц и,—что еще хуже,—государственной власти. Поэтому основной принцип эпохи меркантилизма,—активное вмешательство в жизнь и хозяйство народа,—рассматривался ныне уже как тормаз для развития нового народного хозяйства. Классическая же школа требовала, как раз обратное старому меркантилизму, „прогресса“ и „свободы“, свободы личности и самодеятельности, личной инициативы и бесконтрольного поведения,—что соответствовало интересам новой про-

мышленной буржуазии. „Новые люди“,—homines novi,—были предприниматели и капиталисты, обуреваемые жаждой деятельности и наживы. Кроме интересов своей личности и нужд личной свободы—они ничего не желали и ни к чему иному не стремились.

Удовлетворявшее этим тенденциям учение классической школы представляло в этом смысле вполне законченное целое. Социальная гармония, по мнению этой школы, вполне достигается помощью основного фактора хозяйственной деятельности отдельного индивидуума—эгоизма.

Человеку, по мнению Смита, свойственны и другие, кроме эгоизма, чувства, но все они проявляются в совсем других, но не в хозяйственных областях. Зато в хозяйстве господствует только один эгоизм;—он заложен в каждом хозяйствующем суб'екте и является основным двигателем во всем хозяйственном поведении. Только руководясь эгоизмом, хозяйствующий индивидуум достигает максимального благополучия при минимальной затрате сил. Вообще же,—и в этом специфическая особенность учения Смита,—эгоист трудится не только для себя лично: при индивидуальном стремлении к наибольшей выгоде—все человечество достигает наивысшего благополучия, так как де польза частного лица всегда совпадает с пользою общественною. Итак, полная индивидуальная свобода в области народного хозяйства—вот основной и исходный лозунг школы и ее

вполне определенный социальный идеал. Полная свобода промышленности, свобода торговли, свобода всякого хозяйственного действия, полный отказ от всякого вмешательства и ограничений,—вот принципы, которыми должно руководиться всякое народное хозяйство, стремясь к общественному благополучию. Отсюда,—изучая отдельное частное хозяйство, рассматривая экономическую жизнь отдельного индивидуума, можно понять и основоначала народного хозяйства, и руководящие им законы. Законы вечны и однообразны, незыблемы и универсальны. Отсюда общее познание принципов частно-хозяйственной системы возможно путем одной дедукции из общих положений естественного права и общих философских основ смитовой теории. Из основных начал и основных законов возможно легко вывести все остальные „законы" народного хозяйства, т. е. законы обмена, распределения и прочее.

Как мы уже видели, к концу 18-го столетия английская промышленность начала развивать те специфические формы капитализма, которые характеризуют ее во всей последующей истории. В конце века в самой технике производства произошел целый переворот—индустриальная революция. Ряд изобретений в корень изменил характер промышленности, она стала машинною, капиталистическою. В руках владельцев орудий производства появился крупный капитал, а в недрах производства

выросли ряды пролетариев. Изменение в системе производства произвело переворот в области обмена. Естественно, что и в транспорте намечались неизбежные усовершенствования. Появились новые способы сообщений. Так, в 1777 году, между Трентом и Мерсеем был вырыт канал в 96 миль, с двадцатых годов 19 столетия появились шоссейные, а с 1827 первые железные дороги. При их помощи новое машинное массовое производство сближалось с рынком.

В результате оказалось, что капиталистическое производство в Англии стало на твердую почву; по одному статистическому подсчету в 1811 году в Англии было в ходу около $4^1/_2$ миллионов механических веретен. Экспорт невероятно возрос. В 1793 году из Англии экспортировали на 17 мил. фунт. стерлингов, а спустя семь лет вывоз удвоился и дошел до 34 мил. фунтов стерлингов.

Все показывало, что капитализм в Англии шел быстрыми шагами и был первое время плодотворен, если иметь в виду прирост населения за период времени с 1751 по 1821 годы. Данные прироста очень любопытны. Первоначально население в каждые 10 лет увеличивалось только на 3%, затем появились изобретения и усовершенствования в области техники и, в итоге, за период с 1771 г. по 1781 г. мы замечаем прирост населения на 6%, с 1781 г. по 1791 г.—на 9%, с 1791 г. по 1801 г.—на 11%, с 1801 г. по 1811 г.—нечто неслыханное—на 14%,

а с 1811 г. по 1821 г.—даже на 21%, цифра, которая никогда позднее не повторялась, и такого прироста населения в Англии больше никогда не было. Развитие экспорта к тому же показывало, что вместе с капитализмом для Англии наступил небывалый расцвет внешней торговли. Все это содействовало росту промышленности; в итоге Англия и ее буржуазия неслыханно богатели.

К этому-то времени и относятся основные сочинения—вначале Адама Смита, а затем его ближайших учеников Роберта Мальтуса и Давида Рикардо и, наконец, ряда менее известных писателей того-же направления. Все они дружно встали на защиту новых условий процветания буржуазии, т. е. на защиту предпринимательского капитала. Рабочий вопрос и интересы рабочего класса все эти экономисты естественно ставили на втором плане, считая, что условия существования рабочих всецело в зависимости от развития самого капитала и особенно от его роста. Улучшение быта и условий труда рабочего класса, говорили они, невозможно: бедствия промышленных рабочих только результат их естественного размножения (Мальтус), бедствия сельскохозяйственных рабочих—итог земельных отношений, складывающихся как результат дохода, возникающего от естественных условий плодородия (Рикардо). Таким образом, не плохое государственное устройство (Годвин), не имущественное неравенство (Томас Спенс и О'гильви), а только об'ективные есте-

ственные условия (Мальтус, Рикардо) создают социальное зло и социальный вопрос. Так создавался решительный фронт против рабочего класса, фронт, выгодный для буржуазии и освящаемый флагом науки. Мятежный рабочий рассматривался, как нарушитель естественного порядка и враг об'ективной науки.

В ту же эпоху, когда происходил технический переворот, приходилось бороться и с условиями старого цехового строя. По закону королевы Елизаветы в Англии нельзя было устраивать фабрик и заводов там, где действовала цеховая система, так что капиталистические предприятия могли возникать только в новых городах или вне городов, т. е. в местностях, на которые не распространялось действие ограничительного цехового закона Елизаветы. Когда класс капиталистов возрос и осознал свою силу, предприниматели стали дружно домогаться уничтожения прежнего закона. Под напором капиталистов парламент начал сначала давать временные (на год-два) разрешения на устройство фабрик в тех местах, где действовал старый закон, но, так как фабрику или завод невыгодно было открывать только на один-два года, разрешения приходилось часто возобновлять. И вот капиталисты-предприниматели, в конце-концов, добились того, что закон Елизаветы был вовсе отменен.

Новое производство, основанное на крупном капитале, стало решающей силою английской промышленности. Для буржуазии Англии началась новая

эпоха, блестящая эпоха промышленного капитализма. С развитием машинной промышленности на континенте, те же явления сложились во Франции и в Бельгии, несколько позднее, уже в начале 19-го века, и в Германии и в России. Такое же развитие происходило и в Соединенных Штатах Северной Америки. В конце концов промышленный капитализм охватил все буржуазные страны земного шара.

Но вместе с быстрым проникновением капитализма в недра европейского и американского хозяйственного строя, вместе с ростом капитала, возникли тяжелые и разрушительные процессы, нарушившие благополучие и здоровье трудящихся масс народа: разорялось крестьянство, оставались без работы кустари и ремесленники. Фабрика с их новыми машинами вытесняла труд взрослых рабочих. Рабочим приходилось с неимоверными усилиями приспособляться к новым условиям. Безработица, нищета, дешевизна рабочей силы—все это являлось неизбежным спутником раннего капитализма в его победоносном шествии. Отсюда, наряду с идеей социальной гармонии, в Англии мы встречаем одновременно же и анти-капиталистические идеи, вызванные развитием неравенства и нищеты. События приводили к мысли, что плохое экономическое положение зависит от дурного политического устройства, и что улучшение экономических условий может произойти только от ряда общих реформ. Эта мысль была впервые

печатно формулирована Вильямом Годвином в его сочинении о „Политической справедливости“ (1783 г.). Годвин критиковал основы буржуазного порядка, как системы социальной несправедливости и плохого устройства.

Против такого рода идей выступили апологеты буржуазного строя — Адам Смит и его ученики, не всегда называя своих противников, но всегда молчаливо принимая их нападки во внимание. Так поступали вначале Адам Смит, затем развиватели и завершители его воззрений—пастор Роберт Мальтус и банкир Давид Рикардо, позднее Джон Стюарт Милль и Маклеод, французы Жан Баптист Сэй, Фредерик Бастия и англичанин Кэрнс.

Гл. II. Адам Смит.

(1723—1790)

Индустриальная революция, как мы видели, была вызвана радикальными изменениями во всей технике промышленного производства. На протяжении каких нибудь 30-40 лет старый феодальный, цеховой и крепостной строй окончательно превращается в крупно-капиталистический, машинный. Вместе с тем, падают последние преграды, мешавшие изолированному националистическому государству, с его системой феодального натурального производства, внутренних рынков и таможенной борьбы, превратиться в одно торгово - промышленное космополитическое

единство, с общими кредитно-денежными операциями и со сложными экономическими взаимодействиями и взаимоотношениями.

На протяжении очень короткого промежутка времени промышленность из ремесла превратилась в фабрику, ярмарочная торговля—в мировые рынки, кустарь и ремесленник—в пролетария. Кадры феодалов сменяются бюрократией, а былая организация военного государства сменяется полицейской централизацией. Буржуазия снесла руины феодализма, чтобы на освободившемся месте построить фабрики и банки.

В конце этого периода третье сословие стало устойчивым, его интересы—вполне соответствующими интересам крупного капиталистического производства. Произошли также радикальные изменения в области сельско-хозяйственной жизни, в аграрных отношениях. Так, вместо неподвижной земельной собственности, охраняемой сословиями и законом, и в этой области укрепляется полная свобода, превращение недвижимости в движимый денежный капитал. Вместо ранее иммобильной собственности развивается ее мобилизация, вместо единой, управляемой феодалом деревни—ее дифференциация и разложение. Вместе с тем, с падением идей меркантилизма, развивается его идейная противоположность — космополитизм, раскрепощение личности, свобода экономической деятельности, вообще свобода производства и обмена, т. е. свобода промышленности и торговли.

Меркантилисты и физиократы так же, как и предшествующие Канту метафизики, видели основные центры всех явлений во внешнем мире и пытались извлечь свои истины из познания внешней природы. Меркантилисты считали центром хозяйственной деятельности деньги и товарный обмен; физиократы полагали, что основным импульсом для создания хозяйства является сельский земледельческий труд и физическая природа.

Совершенно иначе посмотрел на дело Смит. Вместо внешней природы он поставил в основу всего—внутреннюю природу человека и его способности, т. е. совершил такую же самую революцию в области понимания экономических явлений, какую к этому времени совершил Иммануил Кант в области философии. Как у Канта умственная природа человека является отныне основной и исходной точкой для миропонимания, так и у Смита, в основе всего экономического мировоззрения, лежит психическая природа того же человека. Как исходной точкой своего философского учения Кант ставит познавательные способности людей, так и Смит полагает, что в хозяйстве все зависит от экономического импульса того же человека.

На это соотношение между экономическими учениями Смита с одной стороны и философскими учениями Канта с другой—давно было обращено внимание, и так как у Канта в основе его новой философии стоит „человеческое познание“, натура чело-

века, а у Смита фундаментом воззрений служит homo economicus, „Робинзон", „экономический человек", то воззрения их обоих, помимо тождественной исходной точки, об'единяет и одинаковая абстрактная структура их учений. Таким образом, и философское учение Канта, вместе с выросшей из его недр государственно-правовой школой, и народно-хозяйственная школа Смита представляют собою, в силу этой концепции, две родственные, почти тождественные доктрины промышленной буржуазии конца 18-го и начала 19-го столетий.

Кант считает, что разумная природа существует, как „цель сама в себе" и что высшим практическим принципом, категорическим императивом, являются определенные свойства человеческой воли. Однородно развивает свои общие взгляды и Адам Смит: по его мнению, в основе общественно-хозяйственных явлений лежит внутренний порядок, достижимость всех экономических благ свободной деятельностью и волею отдельного индивидуума. „Категорическим императивом" хозяйственной деятельности у человека является—эгоизм. Кант и Смит оба одинаково находят, что наилучшая и наивысшая свобода заключается в естественном порядке хозяйственной жизни. Таковы сходные, антропоцентрические точки зрения Иммануила Канта и Адама Смита. Вместе с тем не лишены сходства и те методы, при помощи которых они изучали соответствующие явления. Они исходили из общих, навеянных их клас-

совыми интересами, аксиом, из которых они и делали чисто логические общие выводы: буржуазия была всем и всегда права, безапеляционно и непогрешимо. В ее руках была — „чистая“ и „об'ективная“ наука и всей буржуазии казалось, что, только обобщая английские условия, она познает „общие и вечные“ законы всякого народного хозяйства.

Вот почему у буржуазии было принято смотреть на Адама Смита, как на основателя политической экономии, как на „отца“ ее, хотя по существу, он является только идеологическим представителем новой промышленной эпохи. Если оценивать Смита с точки зрения предшествовавшего ему времени и перенестись в те условия и в ту эпоху, когда писал Смит, то мы имеем перед собою в лице Смита безусловно первоклассную величину, идеализировавшую тогдашнюю Англию в теоретически законченных классовых построениях.

Если же, как это часто делают, рассматривать Смита с точки зрения того влияния, которое оказала его доктрина на развитие идей народного хозяйства всего последующего времени, то, конечно, это будут две совершенно различных оценки, которые не следует между собою смешивать.

С первой точки зрения учение Смита для своего времени безусловно революционным, со второй реакционным. Остановимся на первой его стороне.

Весь тот меркантилизм с его внедрением в личную и общественную жизнь индивидуума, все необхо-

димое буржуазии бесцеремонное государственное вмешательство, все те узко-эгоистические, национальные, фискальные и полицейско-государственные интересы, которые занимали тогдашних руководителей народного хозяйства и законодательства, находили себе суровую отповедь и энергичное противодействие со стороны Адама Смита. Идея естественного права и высшей внутренней гармонии человеческих отношений — а из них то и исходил Смит, — не позволяли отныне связывать обязанностями и принуждать отдельного индивидуума к „общему благу", как это было раньше. Наоборот, Адам Смит, требует полной свободы в области хозяйственной, хотя он считает полную свободу только целью и идеалом. Точно такую же полную свободу отдельный индивидуум предоставляет и сам себе. Как эгоист, он, конечно, стремится только к осуществлению своих эгоистических выгод. „Преследуя свою собственную выгоду", говорит Смит на странице 264, II тома, — „человек часто работает на пользу общую более действительным образом, чем если бы он прямо задался этой целью". „Каждый человек",—говорит он в другом месте (стр. 261 тома II, русск. перевода),—„старается всеми силами сделать самое выгодное употребление своего капитала". Правда, он имеет в виду при этом свои собственные интересы, а вовсе не общественную пользу, но „всетаки его выгода с естественною необходимостью побуждает его избрать именно тот путь, который оказывается самым выгодным

для общества". Таким образом, цели отдельных хозяйствующих индивидуумов и способы осуществления этих целей самым точным образом совпадают с целями общественными и им ни в коем случае не противоречат. Такое соотношение между общественной пользой и максимумом, развиваемым эгоизмом отдельных хозяйствующих индивидуумов, становится понятным, если мы вспомним основную идею Смита — естественную гармонию человеческих взаимоотношений.

Итак, Смит выбирает элементы эпикурейского, крайне выгодного развивающейся английской буржуазии, обоснования мировоззрения: эгоизм и индивидуализм. Смит смело и настойчиво выводит из единого принципа все свое экономическое учение, стоя на почве тождества интересов отдельного человека и той среды, в которой происходит его действие. Отсюда понятны все дальнейшие практические выводы, которые могут быть сделаны из его учения. Всякая форма стеснения деятельности индивидуума, будь то охрана труда от посягательства предпринимателей, будь то стеснение свободной торговли, будь то стеснение промышленной и земледельческой деятельности, встречают в нем горячего противника. Laissez faire—laissez aller—вот характерный девиз тогдашних смелых инициаторов и беззастенчивых эксплуататоров.

Нельзя сказать, чтобы Смит всегда и абсолютно отстаивал свою идею экономической свободы,—к очень многим явлениям он относится с тем здравым

пониманием реальных условий, которое вообще было свойственно его практической природе. Выставляя какой-нибудь принцип, Смит рассматривает его, как принцип конечный, и вовсе не требует немедленного и безусловного применения его к действительности, так что все те, кто впоследствии стал на точку зрения Смита, развивая его точку зрения абсолютно, явились большими „смитианцами", чем сам Адам Смит. В то же самое время, те замечания, которыми сопровождал Смит реализацию своих различных принципов, в смысле их практического применения, стали исходной точкой и для лиц, рассматривающих совершенно иначе учение Смита. Все практические замечания Смита о невозможности немедленной реализации, скажем, свободы торговли или иных принципов, послужили отправным пунктом для тех, кто стремился с иной точки зрения, чем первая группа смитианцев, понять и направить новые народнохозяйственные отношения. Таким образом, в итоге, Смит давал исходный пункт для двух совершенно противоположных выводов. В результате, будучи подробно обоснованными, они послужили исходным пунктом двух взаимно противоречащих экономических школ. Они то во взаимной борьбе, погребли и самое учение Смита.

Основы экономического учения А. Смита вылились в его главном сочинении „Богатство народов". „Богатство народов"—лишь часть его общего философского мировоззрения. Все учение Адама Смита

разделялось на четыре части: первая—так называемое „естественное богословие“. („Natural Theology“), вторая—этика, принципы которой он изложил в своей книге: „Теория нравственных чувств“, затем третья, юриспруденция, для нас утерянная, и, наконец, четвертая: „Исследование о природе и о причинах богатства народов“. Такое деление его „теории“ на несколько частей указывает, что Смит излагает свои взгляды на экономические вопросы не только как таковые, но в связи с общими своими положениями. В философской области Смит допускал и альтруистические и эгоистические мотивы человеческой деятельности, но эти мотивы он считал действующими совершенно изолированно в соответствующих областях. В то время, как человек обнаруживает максимум альтруистических чувств в областях правовой, этической и богословской,—в области экономической он де является исключительно эгоистом.

Таким образом, нападки на Смита, пытающиеся опровергнуть эгоизм человеческой природы, доказывая, что человек не только эгоист,—представляют собою ни что иное, как неправильное понимание того деления о разграничении человеческих чувств, которое содержится в системе Смита, изложенной в „Теории нравственных чувств“. Теперь обратимся к его основному труду по политической экономии. „Исследование о природе и о причинах богатства народов“ распадается на введение и 5 книг,

включающих в себе несколько отделов экономической науки.

Так называемая „теория политической экономии" занимает у Смита введение и две первых книги. Экономической политике Смит посвящает 3-ью и 4-ю книги и учению о финансах—последнюю, 5-ую книгу. Таким образом, все новое и драгоценное, данное им экономической науке, занимает меньше половины всего его труда „О богатстве народов". Рассмотрим его ближе.

Во введении Смит рассматривает труд, как годовой труд народа, который дает первоначальный запас всякого рода благ, и затем рассматривает отношение произведений труда к числу потребителей, т. е. определяет размеры снабжения народов предметами первой необходимости.

В книге первой Смит говорит о разделении труда, анализирует причины, вследствие которых увеличивается производительность труда, и порядок, в котором естественным образом продукты распределяются между классами людей, образующими общества; далее дает учение о деньгах и образовании товарных цен; говорит о прибыли, заработной плате и земельной ренте.

В книге второй он рассматривает капитал, все его свойства, способы его умножения, различное количество труда, приводимое капиталом в движение и, сообразно с способами его применения, производительный и непроизводительный труд.

Таким образом, с современной научной точки зрения, Адам Смит излагает все три главных процесса хозяйственной жизни: производство, обмен и распределение, почти не касаясь отдела „потребления"; последнему он уделяет только самое ничтожное внимание. Но эти три процесса у А. Смита еще не получили себе определенного места, в виде трех разделов экономической системы. Строгой классификации их у А. Смита мы еще не находим. Некоторые вопросы, чисто теоретические, освещены у него и в его „экономической политике", изложенной в книге 3-ей и 4-ой. В первой из них Смит указывает на разное отношение различных народов к разным видам промышленности и возникновение отсюда разной политики, а в 4-й книге—рассматривает различные варианты экономических теорий, указывает на следствие их применения в области хозяйства. Таким образом, книга Смита еще не дифференцирована на отдельные экономические отделы; в ней еще не установился тот тип экономических сочинений, который развился впоследствии при более детальном расчленении вопросов.

В своем изложении как условий труда, так и свойств капитала Смит придерживается английских условий, которые он считает естественными, в значительной мере постоянными и неизменными. Все те отношения между трудом и капиталом, между фабрикантами и рабочими,между землевладельцами и фермерами, которые существовали в то время в Англии,

Смит закрепляет в своей книге, в качестве постоянных, чуть-ли не вечных, категорий народного хозяйства. Что эти основания создались постепенно и, следовательно, являются изменчивыми, историческими категориями, что эти отношения в других странах складываются иначе,—на это Смит не обращает почти никакого внимания. Он усматривает в английских отношениях нечто постоянное, нечто закономерное, общее для всех времен и народов. Это его обобщение местных и временных условий в общие и постоянные является одним из наиболее характерных и типичных признаков всего учения Адама Смита.

И, действительно, поскольку в английском народном хозяйстве того времени сложилось и отразилось все, что как типично буржуазное формировалось в то время уже повсеместно в Европе,—и учение Смита стало характерным выразителем буржуазных отношений вообще,—но уже вскоре все, что в его учении имело лишь местное значение, обнаружилось, как особенно яркое противоречие его основным положениям.

Во всяком случае, в истории развития европейской экономической мысли, учение Смита представляет собою идеологию одной из наиболее характерных эпох ее развития.

На русский язык Адам Смит переводился дважды: 1) Исследование свойства и причин богатства народов. 4 тома. СПБ., 1802—1806. (Перевод Николая Политковского). 2) Опыт о богатстве народов. С при-

мечаниями Бентама, Гарнье, Буханана, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сея, Сисмонди и Тюрго: Перевел П. А. Бибиков. СПБ., 1866.—2) Его-же. Теория нравственных чувств, или опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами сначала о поступках прочих людей, а затем наших собственных. С письмами М. Кондорсе к Кабанису. Перевод П. Бибикова СПБ., 1868. 3) А. Смит, Сочинения, в „Библиотеке экономистов", вып. 1.

Адаму Смиту на русском языке посвящены следующие работы:

1) Сарториус: Начальные основания народного богатства и государственного хозяйства, следуя системе Ад. Смита. Пер. П. Кондырев, Казань, 1812. 2) Нейман, И: Исследование правил политической экономии по системе Ад. Смита. СПБ., 1817. 3) Цехановский, Гр.: Значение Ад. Смита в истории политико-экономических систем. Киев, 1859. 4) Бибиков. В.: Значение А. Смита в истории политико-экономических систем. „Отечественные записки". 1860. I. 5) Яковенко, В.: Адам Смит, его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк. СПБ., 1893. 6) Бе.джгот: Адам Смит, как личность. В журнале „Знание" за 1876 г., кн. 8. 7) Штейн, В.: Адам Смит. К двухсотлетию со дня рождения. П. (Наука и школа). 1923.

Гл. III. Роберт Мальтус.
(1766—1834).

Знаменитый ученик Смита был скромным англиканским пастором, жизнь которого в тихой деревенской обстановке ничем не отличалась от обычной жизни представителей сельского духовенства в Англии. Из фактов его внешней, скудной событиями, жизни можно отметить только два: посещение им знаменитого социального предприятия Роберта Оуэна в Нью-Ланарке и участие сначала в Лондонском Королевском Обществе, а затем, вместе с Джемсом Миллем и Рикардо, в основанном экономистом Туком „Экономическом Клубе". Начиная с 1810 года, Мальтус много лет вел интересную переписку с Рикардо, с которым сохранил навсегда дружественные отношения.

Первое литературное произведение Мальтуса появилось в 1798 году и имело большой успех. Это был „Опыт о законе народонаселения" (Essay on the principle of population), сыгравший важную роль в истории развития экономической науки и создавший автору всемирную известность.

Затем Мальтус издает небольшой анонимный трактат „О причинах дороговизны товаров". В 1805 году он перерабатывает, дополняет и выпускает в свет 2-ое издание своего „Опыта", который при его жизни выдерживает еще 4 издания. В 1814 году Мальтус пишет „Замечания на хлебные законы", особое мнение по вопросу об ограничении ввоза хлеба, и весьма

важное, хотя сравнительно мало известное, сочинение „О природе и развитии ренты“. Наконец, в 1820 году появилась в свет его „Политическая экономия“, за которой следовало несколько более мелких теоретических работ.

По сущности своего учения, Мальтус—квинт-эссенция определенной классовой точки зрения; он страстный, узко-партийный апологет буржуазного строя и мировоззрения.

Мальтус горячий приверженец идей классической школы и может быть отнесен к числу наиболее правоверных учеников Адама Смита. Мировоззрение Мальтуса типично б у р ж у а з н о е. Он умеренный либерал в политике и горячий защитник интересов крупных землевладельцев. В последних он усматривает „потребителей“ тех „избыточных“ продуктов, которые остаются в итоге деятельности промышленных классов общества. Стремление к накоплению и расширению производства вызывает перепроизводство, а затем и кризисы. Поэтому, чтобы установить равновесие, наравне с классами, производящими по преимуществу, необходимы классы, по преимуществу потребляющие, а таковыми, по мнению Мальтуса, и являются крупные землевладельцы. Защищая вообще свободную торговлю, Мальтус, однако, считает необходимым, чтобы для хлеба практиковалась иная политика; в интересах крупных землевладельцев должна быть не свободная торговля, но установлены хлебные пошлины.

Уже из этого мы можем видеть, что Мальтус враг абстрактных решений, он стоит за осторожность и индуктивное обоснование выводов. Его теория земельной ренты появилась в 1815 году и в общем совпадает с воззрениями на земельную ренту Рикардо.

„Опыт“ Мальтуса касается самого основного вопроса—рабочего. А. Смит не представлял себе всей важности и специфичности этой проблемы, которая, впрочем, встала во всю свою трагическую высоту уже после его смерти. Об этой-то проблеме и трактовал Мальтус. Поднятый им вопрос приобрел громкую известность, вызвал страстное и продолжительное обсуждение. Сама же данная Мальтусом формулировка вопроса оказала глубокое влияние не только на теоретическую мысль, но и на законодательство и общественные отношения. „Опыт“ Мальтуса—одна из самых горячих защит буржуазного строя, восхваление роковой неизбежности и естественной необходимости социального неравенства, человеческой нищеты и экономических бедствий. Задача „Опыта“—выяснить причины нищеты в общественной жизни и поставить последнюю в связь со всем учением о народном хозяйстве. Социальный вопрос и нищета людей, по Мальтусу, неизбежный продукт изменяющихся социальных условий,—необходимый и закономерный процесс естественного развития общественной жизни. Вся природа управляется естественными законами, под властью которых находится и хозяйство людей. Биологические законы, особенно

закон размножения,—одинаковы и для человека, и для всей органической жизни. Нищета—закономерна, а самый закон о народонаселении для Мальтуса только специальный случай общего закона органического размножения. Он гласит, что живые существа размножаются в зависимости от средств пропитания. Таким образом, народное хозяйство, по Мальтусу, является областью воздействия естественных законов, а изучение социальных явлений должно происходить по общему методу, принятому в естествознании.

Мальтус доказывал, что от политических реформ не могут произойти экономические изменения, а те бедствия, которые наблюдаются в народной жизни, произошли только от размножения населения. При такой постановке вопроса, политическая агитация социалистов становилась ненужной, а так как это было на руку консервативному режиму, то взгляды Мальтуса легко привились среди правящих сфер. Все требования рабочего класса в политической области уже тем самым отвергались, как отвергнутые и „с научной точки зрения".

Эта теория была весьма на руку капиталистам и земельным собственникам.

Рикардо-Мальтусовское толкование смитианства придавало последнему мрачный характер. Жизнерадостное учение великого шотландца, этот розовый венец молодой буржуазии, принимало пессимистический оттенок, слышались трагические ноты безна-

дежности и бзвыходности страдания. Но из учения Смита, эклектического и мало систематизированного, можно было извлечь иные ноты, иное, более родственное самому Смиту, учение. Стоило только соединить во-едино весь его апофеоз индивидуума с безбрежностью космополитизма, с безразличием к местным национальным условиям.

Это и сделала позднее другая группа смитианства—„индивидуалисты и оптимисты",—Ж. Б. Сей, Бастиа, Принс Смит и другие, известные под общим названием фритредеров.

Учение Мальтуса о законе народонаселения оставило глубокий след на развитии экономической мысли.

Основными законами, по которым размножается население, являются следующие положения, ясно и определенно формулированные Мальтусом: 1) народонаселение строго ограничено средствами существования; 2) народонаселение всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существования, если только оно не будет остановлено какой-нибудь могущественной противодействующей причиной; 3) все препятствия, которые могут стать на пути увеличения населения, ограничивая силу размножения, сводятся в конце концов к нравственному воздержанию, пороку и несчастьям; 4) в то время как средства существования выростают в арифметической прогрессии, размножение населения совершается в геометрической прогрессии.

Отсюда видно, что пища и размножение населения находятся в строгой зависимости и что рабочий класс, предоставленный свободному, беспрепятственному размножению, естественным образом наталкивается на природную ограниченность средств существования и повергается в безысходную нищету.

Следовательно, между средствами существования и количеством народонаселения должно существовать строгое соответствие, и всякое его нарушение влечет за собою социальные бедствия. Только обеспеченные люди или же лица, в которых по условию времени есть необходимость, имеют право на существование. Все остальные должны погибнуть. „Человек,—говорит Мальтус,—который вступил в мир, не имея заранее заготовленного места, если его семья не имеет средств воспитать его или если общество не нуждается в его труде,—такой человек не имеет ни малейшего права заявлять притязания на кусок хлеба. Он лишний на земле. На жизненном великом пиру нет для него места на земле". Эта черезчур откровенная фраза, правда, имеется только в двух первых изданиях. Первое издание было значительно резче последующих. В нем порок или разного рода бедствия являются единственными регуляторами равновесия между количеством народонаселения и средствами потребления, тогда как в последующих изданиях появляется уже принцип морального воздержания. К излишнему населению, к человеку „без места на земле" Мальтус суров и беспощаден. „При-

рода,—грозит он,—повелевает ему удалиться из-за стола и она не замедлит сама исполнить свое повеление". Такого рода мрачная и жестокая теория являлась все же шагом вперед в развитии учения о народонаселении и в то же время резкой реакцией против господствовавших тогда воззрений.

В основе учения Мальтуса имеются положения разного научного достоинства и качества. Три группы этих положений: 1) естественно-научное наблюдение, 2) его закрепление в математическую формулу (прогрессии) и 3) социально-политические выводы по рабочему вопросу—являются самыми главными. Закрепление в формулу—наукою отрицается; признают эту формулу лишь немногие из оставшихся верными Мальтусу; существование прогрессий, даже как тенденций, отрицается за отсутствием статистического основания в „законе" Мальтуса.

К социальной политике в борьбе с нищетой Мальтус относится весьма скептически. „Закон народонаселения" об'ясняет, по мнению Мальтуса, причину бедности. „Большею частью,—говорит Мальтус,—закону о народонаселении следует приписать как нищету и бедствия нисших классов народа во всякой стране, так и бесплодность усилий, употреблявшихся до сих пор высшими классами для облегчения этих бедствий". „Бедный", по его представлению, „должен приучиться полагаться на собственные силы".

В книге IV „Опыта“ Мальтус говорит: „Почти все, что до сих пор предпринималось для облегчения участи бедных, стремилось, при содействии изысканной заботливости, только покрыть непроницаемым покровом этот вопрос и скрыть от несчастных настоящую причину их нищеты“. „Между тем, — говорит Мальтус далее, — хотя заработной платы едва хватает для прокормления двух детей, работник женится — и на руках его оказывается пятеро или шестеро“.

Лица, незнакомые с учением Мальтуса или непонимающие Мальтуса, связывают все его учение с пресловутыми прогрессиями, с мнимым утверждением Мальтуса, что человечество растет в геометрической, а средства существования в арифметической прогрессии. Эти злосчастные прогрессии, о которых так много писалось в экономической литературе, представляют собою в сочинении Мальтуса только случайно взятый пример, небольшую и, надо сознаться, неудачную иллюстрацию для выражения мысли. Рассуждения „о прогрессиях“ не стоят в связи с существом учения Мальтуса, и, кроме того, кто выдвигает вперед его пресловутые прогрессии, тот оставляет в тени все то, что именно составляет самую сущность Мальтусова учения.

Любопытно отметить тот факт, что подобного рода непонимание возмущало самого Мальтуса. Во втором издании своего „Опыта“ Мальтус категорически говорит следующее: „Говорят, что я написал

большой том in 4° для доказательства той мысли, что народонаселение размножается в геометрической прогрессии, а продовольствие в арифметической. Это не верно. Одно из этих двух положений казалось для меня очевидным, когда была обнаружена степень возрастания населения в Америке; второе же,— в момент, когда оно было формулировано. Главная же цель моего сочинения иная: она состояла в изучении следствий и влияния на человеческое общество естественных законов, которые я рассматривал, как доказанные на первых страницах".

Инкриминируемое место таково: „Можно с уверенностью утверждать,—говорит Мальтус,—что, если население не встречает в своем росте препятствий, то оно удваивается каждые 25 лет или растет в геометрической прогрессии". Здесь говорится только о возможности утверждения при наличности известных условий, — т. е., сам Мальтус придает этой прогрессии смысл гипотетического положения, как общей тенденции. Действительная жизнь полна, по Мальтусу, разного рода препятствий, не дающих возможности осуществиться намеченной прогрессии. Мальтус перечисляет целый ряд неблагоприятных для увеличения народонаселения факторов, целую систему всякого рода препятствий, не допускающих в реальном мире осуществления его теоретической прогрессии. Все препятствия он разделяет на две группы: 1) предупредительные и 2) разрушительные. О первых Мальтус говорит:

„Предупредительные препятствия, если они добровольны, составляют свойство человеческой природы, вытекающее из способности, которою человек отличается от животного, а именно, из способности предвидеть отдаленные последствия и взвешивать их“ [1]). „Такие соображения делаются для предупреждения и, действительно, предупреждают во всяком цивилизованном обществе множество супружеств. Они останавливают большое число ранних по времени браков и противодействуют в этом отношении естественным побуждениям“ [2]).

Разрушительные препятствия для размножения населения бывают весьма разнообразны. К ним относятся все причины, клонящиеся каким-бы то ни было образом сократить естественную продолжительность человеческой жизни посредством порока или несчастия. Поэтому к этому разряду можно отнести все вредные для здоровья занятия, всякий труд грубый, чрезмерный и подвергающий человека опасности непогоды, крайнюю бедность, скверное содержание детей, нездоровые условия жизни в больших городах, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, войну, чуму, голод.

---

[1]) Мальтус. Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением, нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. Пер. П. А. Бибиков. Спб., 1868 г., т. 1, стр. 104.

[2]) Мальтус. Опыт и пр., стр. 105.

Таким образом, препятствия играют очень важную роль, и это дает возможность Мальтусу сказать, что „население строго ограничено средствами к существованию“, т. е. оно фактически никак не может расти быстрее последних, хотя и имеет такую тенденцию.

Согласного с нами мнения в понимании Мальтуса и значения его учения держится и марксист Н. В. Водовозов (1899). „Не вникнув в эту совершенно понятную мысль,—говорит он,—критики, в роде Поля Леруа-Болье, думают уничтожить Мальтуса простой ссылкою на одинаковую заселенность земли в настоящее время и в древности, что, впрочем, еще подлежит очень большому сомнению, а между тем проведенное Мальтусом разграничение между действительным и возможным приростом населения само по себе в высшей степени плодотворно, и современная наука охотно пользуется им в различных целях, между прочим, и для опровержения геометрической прогрессии Мальтуса“.

Все недоразумения, происходящие из теории Мальтуса, имеют своим источником следующее, весьма остроумно формулированное Бонаром, наблюдение: „Смит написал книгу, которую все хвалят, хотя никто не читает. Мальтус же создал книгу, которую тоже никто не читает, но все бранят“.

Если прочесть сочинение Мальтуса и извлечь из него весь экстракт, который для удобства изложения можно разделить на три части, то мы получим: 1) Три

основных положения учения о народонаселении. 2) Учение о бедности (социальный вопрос) и практическое разрешение существующих социальных недоразумений. 3) Различные добавочные вопросы: критика коммунистического учения Годвина и других, вопрос о препятствиях, прогрессии и т. д.

Центром тяжести являются два первые пункта— учение о народонаселении и учение о бедности. Их Мальтус соединяет в одно целое, но было бы крайне ошибочно думать, что каждое из этих учений не может быть принято или отвергнуто в отдельности. Некоторые экономисты, совершенно отвергая Мальтусово учение о бедности, принимают его теорию народонаселения. Но если и с нею не соглашаться, то во всяком случае возможно признать, что постановка этой проблемы — большая заслуга Мальтуса.

Мальтус и его теория имеют своих предшественников. Назовем из них Д. Ботеро (1598), позднее итальянского экономиста Д. Ортеса (1715—1790).

Из учения Мальтуса возник целый ряд теорий, так или иначе его дополняющих или развивающих. Некоторые из них совершенно исказили основные мысли Мальтуса и дали такое направление его учению, которое в сущности является ни чем иным, как отрицанием самой теории Мальтуса. Измененный, а часто и извращенный, Мальтус ложится в основу взглядов большинства последующих представителей мальтузианства и еще более—новомальтузианского течения.

К сторонникам теории Мальтуса следует отнести: в Англии обоих Миллей, — Джемса и Джона Стюарта, во Франции—Жана Баптиста Сея и Сисмонди, затем итальянца Пеллегрино Росси и бельгийца Кетле; в Германии их еще больше— Карл Генрих Рау, Роберт фон-Моль, Генрих Люден, Адольф Вагнер, Рюмелин, Густав Кон.

Многие очень давно поняли мальтузианство с совершенно узкой специфически-половой точки зрения; нашлись такие, которые немедленно по выходе в свет книги Мальтуса указывали на недостаточность предлагаемых им средств, уменьшающих прирост населения. В итоге создалось целое направление, отстаивавшее необходимость применения физических средств, могущих уменьшить плодовитость, и тем ограничить численность семьи.

Один из сторонников этого направления—английский общественный деятель начала XIX века Френсис Плесс убедил даже Роберта Оуэна в справедливости своей точки зрения; и Оуэн пропагандировал ее в Нью-Ланарке. Направление это обычно называется нео-мальтузианством.

В 70-х годах это, так называемое, нео-мальтузианское течение приняло большие размеры. 17 июля 1877 года в Лондоне была основана „Лига мальтузианцев“, которая с 1 февраля 1879 года издает ежемесячный журнал „Мальтузианец“.

Теория Мальтуса имела критиков не меньше, чем последователей. Обычно принято делить критиков Мальтуса на три большие группы: 1) социалисты, 2) оптимисты, исходящие из теории гармонии хозяйственных сил, и 3) приверженцы естествознания. Возбуждавший в России вопрос о пересмотре теории Мальтуса, рано умерший марксист Н. В. Водовозов делил всю критику Мальтусова учения на: а) критику, отвергающую как наличность, так и возможность перенаселения; в) критику, дающую особое об'яснение фактам перенаселения; с) критику, допускающую наличность перенаселения, но считающую возможным так или иначе устранить его в будущем. Я полагаю, что было бы правильнее делить всю критику Мальтуса по приемам опровержения этого учения на: 1) опровергающих с точки зрения общих положений всю систему; сюда относятся, главным образом, все социалисты, 2) опровергающих противопоставлением его учению статистического анализа и 3) опровергающих анализом самой теории и выясняющих сущность ее внутренних противоречий.

Само произведение Мальтуса было написано в первом английском издании специально против социалиста Годвина, полагавшего, что истинная причина всех людских страданий заключается в недостатках человеческих учреждений и в полной негодности правительств. Понятно, что экономисты, в этом согласные с Годвином, высказываются против Мальтуса. Фурье и Прудон негодуют против учения Мальтуса, тщетно

ищут его опровержения и примиряются на указании, что социалистическая организация создает искомое равновесие между размножением и пропитанием. Евгений Дюринг считает теорию Мальтуса просто реакционною. У каждого экономического строя,—по мнению Дюринга,—имеется своя емкость населения, а потому нужно раздвинуть, если они недостаточны, рамки строя, препятствующего увеличению населения. Генри Джордж, яро нападая на Мальтуса, утверждает как раз обратное. „Опасность, что род человеческий размножится, что для него не хватит места,—говорит Джордж,—так отдаленна, что она имеет для нас не более практического значения, чем новое возвращение ледникового периода или имеющее в конце концов произойти потухание солнца". Ф. Энгельс считает теорию Мальтуса глубочайшим принижением человечества, так же, как и К. Маркс. Последний—решительный противник мальтузианства. Возражения Маркса сводятся к трем пунктам: 1) абстрактный закон размножения, применимый к флоре и фауне, не приложим к человечеству; 2) обеднение и вымирание часто не находятся в указанной Мальтусом связи, и 3) каждая историческая эпоха и каждый способ производства связаны со своими „законами населения". У нас в России так же сильно и решительно высказывался против Мальтуса Н. Г. Чернышевский в своих знаменитых „примечаниях к Миллю".

Учение Мальтуса и его политика в этой области—недоказанная научно доктрина. Эта теория близка

сердцу всех защитников существующего строя, всех ненавистников социализма. Поэтому принятие теории Мальтуса есть опасность большая, чем та опасность, о которой говорят „пророчествующие мальтузианцы“, и, во всяком случае, эта опасность ближе и реальнее.

Для экономиста проповедь мальтузианства—лицемерие, лицемерие пошлое и неблагородное: оно создает почву для индифферентизма в вопросе об улучшении и изменении окружающих нас социальных условий; оно заставляет человека быть слепцом, в социальном вопросе и холодно и равнодушно относиться к социальным бедствиям. В результате создается своего рода конфликт между теориею, „проповедуемой в храме науки“, и искренним отношениемк окружающему, конфликт, составляющий язву многих современных жрецов науки. Об них поэтом сказано:

И даже лучшие жрецы —
Во храме вещие пророки —
Вне храма — жалкие слепцы.

Литература о Мальтусе необычайно обширна. Сочинения Роберта Мальтуса переиздавались не раз и в Англии и на континенте.

В итоге „Опыт о законе народонаселения“ Мальтуса был переведен на все главнейшие языки. Русский перевод П. А. Бибикова со статьей переводчика „Жизнь и труды Мальтуса“ впервые

появился в 1868 году, в издании книжного магазина Семенова. В собрании „Библиотека экономистов", издававшемся в Москве К. Т. Солдатенковым, под ред. Щепкина, третий выпуск, составленный Ипполитом Вернером, был посвящен Мальтусу, но „Опыт" Мальтуса здесь переведен в сильно сокращенном виде. Трактат Мальтуса, вместе с работою Рикардо, о ренте (1815 год), перев. и издал для практических занятий со студ. проф. А. Н. Миклашевский. Юрьев, 1908. Здесь переведены: 1) Исследование о природе и развитии ренты, 2) Замечания о воззрениях на земельную ренту Мальтуса, о влиянии хлебных пошлин, 3) Основания для мнения о целесообразности ограничить „ввоз хлеба".

О теории народонаселения Мальтуса написано необычайно много. Лучшие сочинения Oppenheimer'a (1901) и Leser'a (1881).

У нас учение Мальтуса разбирались в следующих работах: 1) в известных примечаниях Н. Г. Чернышевского к „Основаниям политической экономии" Дж. Ст. Милля, 2) в „Социологических очерках" С. Южакова (СПБ., 1891 г.). Отличный очерк жизни и научной деятельности Мальтуса дает в серии Павленковских биографий покойный марксист Н. Водовозов, которому принадлежит прекрасная статья: „Учение Мальтуса о народонаселении", помещенная в посмертном сборнике его статей „Экономические этюды", изд. М. И. Водовозовой,

М., 1897 г., затем „Экономические взгляды Мальтуса“, в „Журн. Моск. Юрид. Об-ва“ за 1895 г., июнь. Кроме того, хороши статьи 1) Г. Валентинова (Плеханова) „Возрождение мальтузианства в современной Европе“, „Отечествен. Записки“, 82 г. 9, 10 кн. 2) Горбатова, П. П.: Мальтус и его учение, „Всемирный труд“ 70 г., 2; 3) Милютина В. А. „Мальтус и его противники“. „Современник“, 64 г., 4 и 5; 4) Ив. Ив. Янжул, „Очерки и исследования“. М., 1884 г. См. также „Теория народонаселения и мальтузианство“ (Новые идеи в экономике, № 2), под. ред. проф. Туган-Барановского, СПБ., 1914 г.

Гл. IV. Давид Рикардо. (1772—1823).

Давид Рикардо родился в 1772 году, т. е. за 4 года до появления книги Ад. Смита. Сын голландского еврея, эмигрировавшего в Англию, Рикардо не получил систематического образования. Крестившись и тем оскорбив своего отца, правоверного еврея, Рикардо рано ушел из дому. Он начинает заниматься торговыми и коммерческими делами, но главным образом играет на бирже. 25 лет от роду Рикардо был уже одним из крупнейших лондонских биржевых дельцов, миллионером.

В один прекрасный день Рикардо прекращает биржевую игру и всякую коммерческую деятельность, селится в своем имении и посвящает весь свой досуг научным занятиям, преимущественно естественным наукам. Прочитав однажды „Исследование о причинах богатства и бедности народов“ Адама Смита, Рикардо настолько заинтересовывается экономическими вопросами, что с тех пор всецело и навсегда посвящает себя политической экономии. То обстоятельство, что Рикардо был на бирже, положило очень определенный отпечаток на его дальнейшую деятельность и об'ясняет очень многое в его теории. Находясь на бирже и наблюдая, как легко ценности переходят из рук в руки, как почти абстрактно распределяется капитал из одной отрасли промышленности в другую, Рикардо мог научиться столь же просто и абстрактно изображать экономические отношения людей.

Анализ практической жизни ему чужд. Рикардо путем могучего рационалистического мышления, путем отвлечений и логики, теоретически воссоздает весь, по его мнению, основной хозяйственный процесс окружающего его социального строя. Рикардо дает при этом поразительно красивые и изящные построения.

Рикардо занялся политической экономией под впечатлением книги Ад. Смита, оказавшего сильное влияние и на самое развитие Рикардо; потребовалось много времени, пока Рикардо смог освободиться от непосредственного воздействия великого шотландца. Рикардо выступает впервые на литературном поприще по денежному вопросу. Дело в том, что в 10-х годах 19 столетия Англия была усиленно занята валютным вопросом; в те дни здесь были серьезные денежные затруднения, и весь Лондон интересовался вопросами денежного обращения. Экономистам приходилось отстаивать золотые слитки, и вот в их защиту и выступил Рикардо. Тонкое понимание вопроса, ясность и точность изложения сразу сделали Рикардо заметной величиной в этой области. Естественно, что вскоре молодой писатель вынуждается вступить в полемику с другими писателями по тому же вопросу.

Продолжая полемизировать по вопросам денежного обращения, Рикардо в то же время пишет „Начала политической экономии“, не думая сначала отдавать свое произведение на суд публики. Но

под влиянием доводов своего друга Джемса Милля, отца знаменитого экономиста, Рикардо решается выпустить в свет свой труд; правда, его побудили к этому лишь спустя 15 лет после написания. „Начала“ Рикардо, написанные с необыкновенной простотой, ясностью и законченностью, имели огромнейший успех. Рикардо стал величайшим авторитетом у современников. В России также интересовались и изучали Рикардо.

Наш экономист 60-х годов Жуковский настолько увлекся Рикардо, что пытался даже перевести язык Рикардо на математические формулы: так логически стройна вся теория Рикардо. Покойный московский проф. А. И. Чупров клал в основу всего университетского экономического образования студентов текстуальное изучение Рикардо. К тому же тексты Рикардо у нас хорошо известны. Так имеется прекрасный перевод Н. И. Зибера в издании Пантелеева. Кроме того, имеется сокращенный перевод под редакцией М. Щепкина и И. Вернера в Солдатенковской — „Библиотеке экономистов“. Последний лучший перевод принадлежит Н. Рязанову (изд. „Звено“)

О Рикардо у нас в высшей степени обстоятельно писал Н. И. Зибер в своем большом труде:„ Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях.“ Из более второстепенных исследований отметим книгу Патлаевского, изданную в 1881 году в Одессе; важным пособием для понимания Рикардо

является труд Диля „Комментарий к „Началам" Рикардо", рус. пер., СПБ. 1912 г.

Сделав многое для науки, Рикардо в общем написал мало. Все его сочинения, составляющие всего один только том, переиздавались неоднократно. Лучшим первым изданием считается издание 1848 г. О самом Рикардо и его воззрениях существует обширная литература. Большинство сочинений о нем имеют, однако, скорее в виду приведение в систему воззрений Рикардо, чем их критику.

Обратимся теперь к самому Рикардо, к его способу изложения и к его учению. Обычный прием, которым Рикардо излагает вопросы, не сложен: он берет несколько основных аксиоматических положений и из них путем строгой логики, дедукции, выводит цельную и стройную систему. Отсюда, если вы принимаете одно из его основных положений, то логически принуждены принять и все его воззрения по данному вопросу: критика самих логических построений Рикардо почти невозможна. Лишь изредка удается подметить некоторую шаткость, колебание в изложении, но и это встречается крайне редко. Критика поэтому и не направляется на логическую сторону учения Рикардо, а обращается к самим основным положениям. К одному из таких основных положений Рикардо принадлежит его учение о ценности. Вслед за Смитом Рикардо различает потребительную и меновую цен-

ность. Меновая ценность свободно воспроизводимых говаров определяется затраченным на производство этих товаров трудом; это обобщение наиболее простое и понятное для каждого мыслящего человека. Но Рикардо не говорит, что ценность определяется исключительно трудом, он допускает, что некоторые категории ценностей определяются по иному принципу, по их редкости.

Современная критика установила, что Рикардо несколько смешивает труд с издержками производства; это вопрос, из за которого дальнейшие исследователи разошлись, и который послужил краеугольным камнем для разногласий. По Рикардо труд определяет ценность не всех товаров, а только их части— именно свободно воспроизводимых товаров, труд является регулятором средних, а не рыночных цен, вместе с тем, труд есть важнейший, а не единственный регулятор этих средних цен. В вопросе о ценности Рикардо не был оригинален; связь между ценностью товаров и трудом еще до Рикардо устанавливали сэр Вилльям Петти, Франклин, Юм, Стюарт, Кантильон, Смит, но Рикардо делает новый шаг тем, что сводит к трудовому принципу все явления производства, логически об'единяя их в одно целое, и, кроме того, дает попытку выелить в особую проблему учение о распределении вне связи его с теорией ценности, считая это даже своей основной задачей. „Определить законы, регулирующие распределение,—говорит Рикардо

в предисловии к „Началам“,—составляет главную задачу политической экономии“. С современной точки зрения в трудовой теории ценности у Рикардо отсутствует этический момент социализма; труд у него является лишь методологическим допущением. Прибыль и заработная плата—это те доли, на которые, по Рикардо, распадается весь общественный доход. Эти доли взаимно противоположны, антагонистичны. Но Рикардо не делал практических выводов из обоснованных им противоположностей интересов труда и капитала.

Самый труд Рикардо рассматривает как простой товар и не отличает его от других видов товаров. Что труд тесно связан с личностью человека,—это Рикардо игнорирует. Труд оплачивается заработной платой, а капитал прибылью. И то и другое входит в цену товара, но при этом, чем больше прибыль на капитал, тем меньше заработная плата. Отношение их обратно-пропорциональное. Высказывая это отныне знаменитое положение, тем самым Рикардо доказал все противоречие, весь неустранимый антагонизм между трудом и капиталом. Классовая борьба, борьба рабочих и капиталистов получила строго научное обоснование, вопрос поставлен резко и определенно, но Рикардо не делает из него необходимых социально-политических выводов. Они были сделаны его учениками, получившими наименование рикардианских социалистов (Вильям Томпсон, Брей, Комб, Грей, Годскин и др.).

Учение о заработной плате Рикардо формулирует следующим образом: заработная плата определяется ценностью (количеством) средств, необходимых для существования рабочих; но что такое представляет собою лицо, получающее заработную плату, Рикардо не рассматривает. Для него рабочий—лицо, не обладающее капиталом. Тот, кто получает заработную плату, тот продает свой труд, как торговец, продающий свой товар. Заработная плата—это просто цена рабочей силы. Всякая цена колеблется под влиянием спроса и предложения; но имеется один общий уровень тяготения: „естественная цена труда". „Естественная цена труда,—говорит Рикардо,—та, которая вообще необходима для доставления рабочим средств к существованию и к продолжению рабочего рода". Рыночная цена труда не расходится надолго с естественной. Если жизненные припасы дороги, то и заработная плата должна быть такая, чтоб человек мог прокормиться. Если-же заработная плата повышается, то материальное положение рабочих улучшится, проснутся половые инстинкты, население увеличится, и заработная плата должна будет опять понизиться. Если, наоборот, заработная плата понизится, то наступит большая смертность, и заработная плата должна опять повыситься.

Таким образом у Рикардо имеется не одна, а две различных теории заработной платы,—теория фонда, которая говорит, что весь капитал страны надо де-

лить на население, и этим определится заработная плата, и „железный закон“ заработной платы, формулированный и названный так впоследствии Лассалем, закон, по которому цена труда не должна быть ниже издержек производства рабочей силы.

Наиболее интересным у Рикардо является постановка вопроса о земельной ренте, данная им в 1815 году. Земельная рента, по Рикардо, представляет собою доход землевладельца. Трудовая ценность, создаваемая рабочим, распределяется между капиталистом, получающим прибыль, и рабочим, получающим заработную плату. Землевладельцу достается уже часть из прибыли капиталиста (по Марксу—прибавочной ценности). Следовательно, так же, как и прибыль, рента представляет собою нетрудовой доход; однако сходная в этом отношении с прибылью, рента разнится от нее тем, что не зависит от заработной платы. Рента подчиняется своим особым законам. Ее основание—неизбежное неравенство производительных сил природы на разных участках, ибо цена хлеба определяется стоимостью затрат обработки на наихудшем участке, который не дает ренты. Рента может существовать при земле и равного плодородия, но при условии затрат на нее различного по размерам капитала, в результате чего будет на лицо неравная производительность последующих затрат. Благодаря большему спросу на хлеб и повышению цены, становится выгодным увеличить затрату капитала. Более ран-

ние затраты дают избыток. Высокая рента не причина, а следствие высоких цен на хлеб. Если бы землевладельцы отказались от ренты, цены бы на хлеб не понизились. Ибо, говорит Рикардо, „хлеб дорог не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлеб дорог".

Землевладельцы, таким образом, являются монополистами; они участвуют в экономическом процессе по праву силы. „Они жнут, где не сеяли", по выражению А. Смита. Но как и в вопросе о соотношении прибыли и заработной платы, на этом Рикардо и останавливается. Логический вывод из его положения, что землевладельцы в конце концов враги общества, сделали уже за него другие впоследствии.

Современная наука может многое возразить как против ограничительного Рикардовского понимания земельной ренты, так и против самого метода доказательства ее происхождения. Рикардо выяснил происхождение земельной ренты, как экономического явления, при помощи метода дифференциации из естественных условий, что, конечно, является методологической ошибкою.

Вместе с тем он не подметил явления абсолютной ренты, столь существенной и важной стороны вопроса, указанной позднее Карлом Марксом. Отсюда все дальнейшее развитие теории земельной ренты должно представлять собою постепенное освобождение от неправильностей и ошибок Рикардо.

Вообще же вся теория Рикардо была далека от практической жизни: он не знал ни истории Англии, ни действительности своего времени. Историческая перспектива и картина развития капитализма была ему совершенно чужда. Социальный строй для Рикардо—нечто навсегда застывшее. Он проанализировал капиталистическое производство и решил, что оно одинаково для всех времен и народов; из Рикардовской абстракции и создалась его теория. Все его положения о ренте, прибыли капиталистов и заработной плате есть теоретизация и обобщение экономических условий времени, когда жил Рикардо. Для того времени капитализм в Англии был уже достаточно типичен. Картину условий своего времени Рикардо об'яснил и выставил в качестве общей структуры всей Европы.

Еще много раньше, чем печатались сочинения Рикардо, начали появляться и такие сочинения, в которых относились с состраданием к рабочему классу и в которых отмечали, что экономическая жизнь всюду не так благополучна, как утверждают авторитетные экономисты. Публицисты и государственные деятели начали уже давать новые указания, служащие предостережением смитианскому оптимизму. Общественное мнение начало прислушиваться к нуждам низших классов; их положением заинтересовался и Рикардо. Он специально изучил влияние машин на рабочих и указал, что на рабочий класс машины производят вредное влияние. Вопрос этот изложен в очень

миниатюрной главе его сочинения, но все же она идет в разрез с его основными положениями и стоит отдельным эпизодом.

Идеи Рикардо послужили основанием для сочинений целого ряда экономистов—английских, французских и немецких и распространялись по всем странам. По „Началам“ Рикардо учились, им подражали и их развивали. Идеи Рикардо легли в основу не только дальнейших продолжателей „буржуазной“ политической экономии, но и социализма. Таким образом, через Рикардо идеи смитианства внедрились и в буржуазную экономическую науку и обосновали классовое мировоззрение мировой буржуазии, и, как мы уже видели, идеи того же Рикардо, развитые и законченные, послужили исходною точкою для развития социализма, вначале рикардианского, а затем научного, т. е. создали обоснование для идеологии мирового пролетариата. История последнего также в высокой степени поучительна и интересна.

Мы не будем рассматривать здесь историю развития новейшего социализма и отсылаем интересующихся к нашей „Истории социализма“.

Гл. V. Остальные последователи классической школы.

Помимо Мальтуса и Рикардо, идеи А. Смита развивали два Милля: Джемс (1777—1830) и Джон Стюарт Милль (1806—1873), Джон Эллиот Кэрнс (1824—1875), Томас Клиф Лесли (1827—1882), Вальтер Беджгот (1826—1877), американец Генри Кэри (1793—1879) и др. При этом школа А. Смита развивалась в двух направлениях—в пессимистическом, куда принадлежат Рикардо, Мальтус и их единомышленники, и в оптимистическом, во главе которого были фритредеры Сэй и Бастиа. При этом взгляды Рикардо и Мальтуса повлияли на теорию науки и на ход ее дальнейшего развития, а воззрения Сэя и Бастиа—на законодательство и правительство. Смитианцы разных оттенков, таким образом, как бы разделили между собой область влияния. В итоге классическая школа разрослась и укоренилась в Европе. Позднее потребовалось много усилий для того, чтобы освободиться от „смитианства". Это „освобождение" шло различными путями: впереди других необходимо упомянуть то разложение, которое возникло внутри классической школы, т. е. среди самих смитианцев.

Смитианское движение начинается в Соединенных Штатах экономистом Кэри. Кэри, кстати сказать, по своим взглядам настолько близко подходит к Бастиа, что некоторые считали его даже плагиатором.

Американец Генри Кэри (1793—1879) родился в Соед. Штатах Сев. Америки в Филадельфии. Он был сыном ирландского книгопродавца, засадившего его с 12 лет за прилавок. Разбогатев, Кэри посвятил себя науке, где быстро выдвинулся. Кэри скончался в 1879 г. в своем родном городе, где он провел почти всю свою жизнь.

Число его сочинений очень велико. Главнейшее из них: Principles of Social science, „Руководство к социальной науке" 3 тома, 1858—59 г.; есть рус. пер. кн. Л. Н. Шаховского. 1869 г. Воззрения Кэри в течение его жизни не претерпевали эволюции. Его неумеренно превознес Дюринг. Кэри не первый американец, выдвинувшийся в политической экономии. До него там в этой области были известны: Бенджамэн Франклин, принадлежавший к числу последователей, но сравнительно независимых, Адама Смита, а также Александр Гамильтон, написавший „Отчет, представленный в палату депутатов Соединенных Штатов" (1791). Здесь Гамильтоном излагаются те мероприятия, при помощи которых, по его мнению, можно было бы поднять туземную промышленность. Он критикует Смитову свободу торговли, которую считает осуществимою только тогда, когда она будет одновременно принята во всех странах. Думая, что благосостояние страны быстрее поднимется от фабрик, чем от процветания земледелия, Гамильтон высказывается в пользу протекционной системы для Америки. К такому же протекционизму

пришел впоследствии и Кэри, первоначально стоявший на почве свободной торговли. В этом Кэри совершенно отклоняется от воззрений Бастиа, бывшего более последовательным.

Необходимо отметить воззрения Кэри на народное богатство, рабочий вопрос, деньги, земельную ренту, теорию Мальтуса и протекционизм.

Кэри полагает, что народное богатство измеряется не меновой ценностью, а полезностями жизни, предлагающимися населению. Между меновой и потребительной ценностями противоречие, не сознанное классической школой. С прогрессом культуры, по его мнению, создается все больше потребностей, подымающих благосостояние, но все с меньшей меновой ценностью (больше, но дешевле). Новые машины удешевляются, благосостояние увеличивается, положение масс улучшается.

Кэри дает свое определение ценности. Ценность, по мнению Кэри, мера господства человека над природою. Ценность определяется противодействием, которое нужно преодолеть, чтобы овладеть предметом. Чем больше человеческая сила,—тем меньше ценность вещей. Ценность определяется не стоимостью производства (Рикардо), а созданием. При открытии нового способа изготовления стали—вся прежняя сталь расценивается уже по новой цене.

Положение рабочего класса, по взглядам Кэри, постепенно улучшается. Прежде раб, затем крепостной, ныне вольно-наемный рабочий пользуется громадным

влиянием. В то время, как доля капиталиста падает доля рабочего возрастает. Для рабочих этим путем достигается не только свобода и самостоятельность, но и влияние на народное хозяйство и государство. Так, по крайней мере, дело идет в Америке.

Деньги, по мнению Кэри,—инструменты для циркуляции. Но рост их непосредственно отражается на ходе народного хозяйства.—„Предметы потребления,—говорит Кэри,—всегда стремятся покинуть те места, в которых они имеют наименьшую полезность и наибольшую ценность, и отыскивают те, в которых ценность наименьшая". Сырой материал денег стремится поэтому от тех мест, где пища и шерсть дешевы, а ткани и железо дороги, к местам, где первые дороги, а последние дешевы. Благородные металлы всегда стремятся к тем странам, в которых цены на сырые произведения и фабричные изделия наиболее сближаются; способность располагать услугами этих металлов есть очевидный признак преуспевающей цивилизации. С возрастанием количества денег—сырье становится дороже, мануфактура дешевле (Кэри, гл. XXIV).

Кэри восстает против теории земельной ренты Рикардо. Он утверждает, что наблюдения в Соед. Штатах показывают совершенно противоположное, чем утверждал Рикардо. Кэри об'ясняет ренту не из разницы цен. Рента, по Рикардо, появляется, когда приходится обратиться к возделыванию земель худшего качества, после того как все лучшие земли за-

няты; хлеб, собранный на лучших землях, произведен с наименьшей затратой труда и потому дает излишек, который и образует ренту. Кэри не соглашается с этим. Наблюдения в Америке показывают, что происходит как раз наоборот. Пионеры вначале селились здесь на худших местах и затем уже переходили в другие места, лучшие, но которые уже требуют применения машин. Когда такие места были захвачены,— лишь тогда обратились к самым лучшим, к самым плодородным местам, преимущественно лесистым, где требовались не только применение машины, но и затрата капитала. Так было в Америке, и жизнь населения там шла иначе, чем указывает Рикардо. Вначале люди жили плохо, говорит Кэри, затем лучше и только в третий период живут превосходно, т. к. получают наиболее высокую заработную плату. Основываясь на наблюдениях жизни в Америке, Кэри доказывает ошибочность взглядов Рикардо.

Кэри возражал также и Мальтусу и энергично восставал против положения, что, чем меньше людей, тем лучше им живется. Когда люди были дикарями, они жили плохо; но чем больше проявлялось сожительство и общежитие, тем людям становилось жить лучше.

Взять, например, средние века, средневековый город, когда жизнь не была хорошей потому, что людей было мало, обмен был незначителен, так как трудно было передавать вещи из одной страны в другую. По мере же развития населения общение людей

увеличилось, культура развивалась, и жизнь человека становилась все лучше и лучше. Таким образом Кэри смотрит на божий мир более оптимистически, чем мрачно настроенные Рикардо и Мальтус. Последние вынесли свой пессимизм из наблюдений над Англией. Кэри же наблюдает Америку и приходит к противоположным выводам. Очевидно, Мальтус и Рикардо не указали на общие законы природы, а лишь представили теоретизацию английских условий того времени, как, в сущности, сделал и Кэри для Америки.

Таким образом, из опыта на определенном пространстве, в определенное время, делается соответственный вывод, который в действительности приложим только к частному случаю, а его прилагают к общему ходу экономической истории. Такая ошибка повторяется часто.

Любопытно отношение Кэри к свободной торговле. Если бы Кэри был вполне последователен, то он должен был бы требовать полного невмешательства в экономическую жизнь. В начале, в своих „Основах социальной науки", Кэри, действительно, является полным сторонником свободы торговли. Но впоследствии он круто изменяет в этом вопросе свои взгляды. В то время громадное влияние имели взгляды Юстуса фон-Либиха, который высказал определенные взгляды на причины истощения земли и говорил, что, если не возобновлять извлеченного из почвы, то почва будет постепенно истощаться,

так что минеральное содержание почвы для всякой страны составляет тот же капитал. Вывоз хлеба заграницу может вызвать, таким образом, истощение почвы. На этом и основывается протекционизм Кэри. Защищая такую точку зрения, Кэри стал требовать запрещения вывоза хлеба и доказывал, что этого можно достигнуть различными таможенными заставами. Точку зрения Кэри можно представить себе таким образом. Между двумя странами существует обмен продуктов земледелия на предметы мануфактурной промышленности. От такого кругообращения нельзя ждать обоюдного благосостояния, так как в той стране, где господствует земледелие, от вывоза хлеба истощается почва. Поэтому такой процесс обмена должен происходить только внутри земледельческого государства. Поэтому Кэри и восставал против вывоза хлеба заграницу.

Помимо очень остроумного изложения своего учения, Кэри любопытен еще тем, что обладал громадными естественно-научным и философским образованием. Читая его произведение, легко усмотреть, что Кэри не заурядный экономист; по его воззрениям — наука переводчица природы, а экономическая наука дает человеку власть над природой. Поэтому понятно влияние Кэри на американцев; протекционизм Америки создался под влиянием Кэри и был перенят Европой. Особенно сочувственный отзвук нашел Кэри в Германии, где классическая школа утвердилась несколько позднее, чем в других странах.

Гл. VI. Начало оппозиции классицизму.

Неудовлетворительность общей постановки хозяйственной проблемы, теоретизировавшей и обобщавшей интересы английской промышленной буржазии, вскоре осознали многочисленные ее противники:

1) Романтически-реакционный лагерь, в первую очередь Адам Мюллер и Карл фон-Галлер.

2) Мелкобуржуазные слои, во главе с швейцарским экономистом Симонд де-Сисмонди.

3) Оригинальный немецкий экономист Иоганн Генрих фон-Тюнен.

4) Немецкие протекционисты во главе с Фридрихом Листом, положившие основание исторической школе в политической экономии.

5) Представители идей научного социализма и анархизма, Карл Маркс, Энгельс, Прудон и другие, критиковавшие учение Смита с точки зрения исторического развития условий быта пролетариата, социального идеала равенства и проч.

В 19-м столетии, после временного успеха в области экономической теории Франции и Англии, руководящий тон берет Германия, выдвигающаяся вперед в число стран промышенного капитализма.

Немецкие экономисты работали и раньше. В 17 и 18-м столетиях они сформировались в особую полицейски-бюрократическую школу камералистики.

Профессор Вильгельм Рошер, написавший большую и подробную историю политической экономии в Германии, прослеживает воззрения немецких экономистов со времен Мартина Лютера, но при всем своем патриотизме, он все же не может усмотреть ничего замечательного ни в немецких подражаниях французским и английским авторитетам, ни в их однородных перепевах иноземных образцов. Позднее и профессор Конрад сознался, что все немецкие научные авторитеты того времени были совсем лишены оригинальности (Conrad — „Es fehlte durchaus an Originalität").

Начало 19 столетия застает в Германии бледное и шаблонное усвоение смитианства, но интересы местной новой премышленной буржуазии противоречат английским торгово-промышленным идеалам, с их выгодным только для интересов более сильной нации космополитизмом.

Поэтому, Германия, освобождаясь на рынке от давящего влияния Англии, стремится и в теории эмансипироваться от идеологии смитианства. Молодая немецкая буржуазия, в борьбе за свое освобождение от всего английского, развивает как раз совершенно противоположные, начала английской теории: вместо идеалов космополитизма, вместо идей о всеобщем, вечном и неизменном, новая германская наука восхваляет только временное и местное. Универсализм сменяется национализмом, смитианство вытесняется национальным и патриоти-

ческим движением „исторической школы“. Оппозиция классицизму находит себе выражение в новой теории.

Застрельщиками „оппозиции“ смитианству явились два немецких писателя романтического направления: Адам Мюллер (1779—1829) и Карл Людвиг фон-Галлер (1768—1854). Адам Мюллер признает научные заслуги Адама Смита, сравнивая их с заслугами Монтескье в области юриспруденции, но он восстает против всей системы политической экономии Смита в целом. Точно также Мюллер находит руководящие принципы смитианства неверными, они представляют собою — сплошной „безнравственный материализм“. Против завоеваний промышленного капитала Мюллер выдвигает желаемые завоевания духовного капитала. Что касается вопроса о путях дальнейшего экономического развития, то Мюллер, бывший по своим воззрениям клерикалом и крепостником, рекомендует молодой Германии—вернуться назад, к хозяйству средних веков, хотя бы и несколько улучшенному. В феодальном землевладении средневековья Мюллер усматривает „палладиум национального существования“. Молодой Европе не хватает, по мнению Мюллера, представления о велениях Бога, и следования им, энергии в противодействии проникновению идей социализма и сильного флота для вооруженной борьбы против захватов рынка со стороны опытной Англии. Узкий шовинист и ненавистник политической сво-

боды, Мюллер принял в конце концов католичество, и, негодуя на Германию, переселился в Австрию. Его „оппозиция“ Адаму Смиту, как и плоские и пошлые замечания другого крайне консервативного романтика Карла Людвига фон-Галлера, ничего сколько-нибудь значительного экономической науке не дали.

Совершенно иного типа возражения пред'явил смитианству оригинальный и талантливый немецкий писатель—Иоганн Генрих фон-Тюнен (1783—1850), автор своеобразного сочинения „Изолированное государство“ (1826). Тюнен был серьезный наблюдатель сельских условий, среди которых он провел всю свою жизнь, и недюжинный мыслитель по теоретическим вопросам. В своих наблюдениях он следовал „точному“ методу, представлявшему собою перенесение в область обществоведения—естественно-научных приемов. Вместо логических рассуждений Тюнен прибегал к точным измерениям и наблюдению, что являлось новостью в ту эпоху. Тюнену принадлежат попытка математическим способом исчислить среднюю заработную плату рабочего, которую он считал равною квадратному корню из произведения потребностей рабочего (a) на продукт его труда (p), т. е. ($x = \sqrt{ap}$), и схема концентрического распределения хозяйственных зон вокруг центра страны-рынка, содействующая уяснению путей развития народного хозяйства. Исходя из своих наблюдений в области неисследованного Адамом

Смитом сельского хозяйства, Тюнен находил в учении классической школы ряд существенных теоретических ошибок; поэтому возражения Тюнена явились первыми существенными возражениями против классицизма.

Совершенно с иной точки зрения начала развиваться оппозиция против смитианства—во Франции. Здесь она связана с именем Симонда де Сисмонди (1773—1842). Жизнь швейцарца Сисмонди очень не сложна. Он родился в 1773 году в Женеве, где провел почти безвыездно всю свою жизнь. Деревенская жизнь в окрестностях Женевы и тихая кабинетная работа — вот образ жизни Сисмонди. Это был зажиточный человек, посвятивший всю свою жизнь науке.

Как ученый, Сисмонди отличался оригинальными взглядами, выделявшими его из главной массы современников, вне группировки и течений которых он всегда стоял. В силу своей обширной и редкой эрудиции, Сисмонди был приглашаем и в Россию, в Виленский университет, и в Париж, в Сорбонну, но он из скромности всегда отказывался. В 1800 году он был секретарем торговой камеры в департаменте „Леман", как тогда называлась присоединенная к Франции Женева. В 1815 году Сисмонди посетил Лондон, как раз в разгар промышленного кризиса.

Сисмонди написал много сочинений. Ими, без преувеличения, можно наполнить целый шкаф; одна

его „История Франции“ представляет собою труд в 31 том; „История Италии“ тоже не менее об'емиста. Наиболее типичным из экономических воззрений Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и населению, о кризисах и рынках. Сисмонди полагает, что по мере развития капитализма производство обгоняет потребление. Пролетаризированная, в силу того же процесса, страна не дает необходимого избытка потребителей, а вне ея грозит конкуренция других, выступающих с тем же запросом, капиталистических стран. Возникает грозный вопрос о внутреннем рынке, который таким образом, в силу появления капитализма, сокращается. Сисмонди говорит: „итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие революции“. Этому способствует и разорение мелкого производства. В итоге, от капиталистического производства—„потеря для всех, уменьшение национального дохода, которое в следующем году поведет к уменьшению общего потребления“. (Сисмонди, т. I, стр. 344.

Последующая экономическая теория доказала что Сисмонди был неправ: развитие капитализма вообще и фермерства, в частности, не сокращает а создает внутренний рынок. „Сисмонди, — сурово говорит Маркс, — бившийся над специальным разре-

шением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую формулировку этого отношения в differentia specifica своих „Nouveaux Principes“, не сказал ни одного научного слова, не внес ни одного атома в разрешение проблемы“ [1]).

Капитализм,—говорит Сисмонди,—приучил рабочего жить от субботы до субботы, не заботясь о будущем. „В рабочем притупили, таким образом, нравственное чувство симпатии“ (266). „Супружеское благоразумие“ тут не находит места. „Дети рождаются только для нищеты и для порока“. Против такого положения вещей должны восстать и „религиозная мораль“, на обязанности которой проповедь брачного целомудрия, и административная мудрость, долженствующая „не обманывать людей надеждою на независимое положение“. Всего этого, конечно, не было, „когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса владеющего какой-нибудь собственностью“. Тогда „одного общественного мнения было достаточно для предотвращения язвы нищеты“. „В это хорошее время“ для земледельца—продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключала в себе нечто постыдное“. Но в современном строе, „люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут испытывать чувства стыда при обнищании. Вообще идеализация

[1]) Маркс. К. Das Kapital, I, 385. 1-ое издание. Гамбург. 1867.

мелкой собственности особенно типична для Сисмонди и проникает все его мировоззрение.

Сисмонди не разделяет взглядов Рикардо на ренту. Он опровергает взгляды Рикардо и полагает, что перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма—недопустимо. Он рассматривает ренту (le fèrmage) так-же, как и физиократы, как чистый „продукт" (produit net), как „труд природы", и наивно полагает, что рента „не отнимает никакой доли ни у фермера, ни у потребителя". (1,312.) Над всем этим покоится идеализация патриархальных отношений мелкого земельного собственника, крестьянина, среди которых жил Сисмонди.

Стоя на исторической почве, Сисмонди пересмотрел учение Смита и сравнил его выводы с данными реальной действительности. Итоги этой работы он опубликовал в своей „Политической экономии". Значение его сочинений было огромно. Взгляды Сисмонди были новы и расходились с общепринятыми. Сисмонди, выступая в роли горячего критика смитианского оптимизма, оказывал громадную услугу науке и обществу его времени.

Сисмонди оценивает новый строй не с точки зрения Смита,—с точки зрения роста общей суммы национального богатства,—а с новой точки зрения, с точки зрения благополучия большинства населения. Национальное богатство и народное благосостояние для Сисмонди далеко не одно и то же. Капитализму Сисмонди дает отрицательную

оценку, Свою критику он обосновывает массой исторических фактов, рисующих губительное влияние крупной промышленности на массы английского народа. Кризис, по Сисмонди, результат недостаточного потребления. Критика его мягче и слабее глубоких обобщающих замечаний социалистов его времени, но зато она более обоснована, более „документальна".

Капиталистический строй, по мнению Сисмонди, обладает следующими присущими ему недостатками: отсутствие равновесия между производством и потреблением и отсутствие равновесия между ростом национального дохода и ростом населения. Этим об'ясняются кризисы и пауперизм.

Теория кризисов Сисмонди — теория, об'ясняющая кризисы недостатком потребления, замечательна и имела глубокое влияние на науку. Рикардо и Сей игнорируют действительную цель всякого хозяйства; по Сисмонди-же богатство—не цель, а средство для удовлетворения наших потребностей. Конечная же цель хозяйства заключается в потреблении. Воззрения Сисмонди вошли в учение Родбертуса, Геркнера, Дюринга, а в России воззрений Сисмонди придерживались народники проф. А. А. Исаев и В. В. (Воронцов). Некоторые утверждают, что Сисмонди оказал большое влияние даже и на Маркса; но Туган-Барановский, в своей теории кризисов, находит, что Сисмонди оказал бо̀льшее влияние на Родбертуса, чем на Маркса.

По своим социально-политическим воззрениям Сисмонди был весьма „умеренным либералом", противником и абсолютизма и всеобщих демократических выборов. Сисмонди был скромным романтиком и свой идеал видел не в будущем, а в возвращении назад к патриархальному крестьянскому хозяйству, т. е. к тому, что он сам наблюдал в Швейцарии: мелкому производству, мелкой собственности, мелкому землевладению, к кустарным и ремесленным промыслам и т. п... Будучи врагом капитализма, он рекомендовал то мелкое хозяйство, среди которого он жил сам, т. е. то, которое у нас рекомендуют народники: мелкую крестьянскую собственность, кустарные промыслы и т. д. Но так как капитализм есть уже факт, то надо смягчить формы его проявления. Для этого Сисмонди предлагает целую мелкобуржуазную программу, развитую впоследствии в воззрениях катедер-социализма.

Недаром В. И. Ленин, один из немногих русских, изучивших Сисмонди, считал наших народников— русскими сисмондистами [1]).

Еще больший удар смитианству нанес бурный и талантливый немецкий патриот Фридрих Лист (1789—1846).

Лист очень интересная фигура сам по себе. Его

---

1) См. Ильин В. К характеристике экономического романтизма. (Сисмонди), в сборнике Экономические этюды и статьи. СПБ. 1899 г.

жизнь прошла очень бурно. Он был профессором, депутатом, промышленником и всю жизнь провел в борьбе. Любопытен аскетизм, с которым он относился ко всем благам жизни, и то упорство, с которым он боролся за интересы своей родины и молодой германской промышленной буржуазии.

Он был апостолом германского таможенного об'единения. Он восстал против смитианства, собственно против основной его идеи—космополитизма, как против идеологии побеждавшей Германию—английской буржуазии и ее промышленности. По мнению Листа, каждая страна подчиняется своим законам и должна иметь свою собственную национальную систему. Свою политическую экономию он так озаглавил: „Национальная система политической экономии". Он много говорит о производительных силах каждой страны, указывает, что должны быть проведены железные дороги, каналы, ратует за устройство таможенного союза и является одним из отцов его; Лист произносит много речей и в конце концов прививает немцам идею национального единства.

С особенной страстностью Лист высказывается в защиту таможенных пошлин и протекционизма. Он считает, что свободная торговля только идеал, к которому возможно стремиться, а протекционизм и свободная торговля относительны. Для Германии и Америки нужен протекционизм, а для Англии возможна свободная торговля.

„Каждая страна,—говорит Лист,—развивается постепенно; имеются периоды и стадии развития: пастушеский, земледельческий, земледельчески-промышленный и земледельчески-промышленно-торговый". При земледельческом периоде требуется протекционизм, при торговом и земледельческом тоже, а для стран, где наступил последний период—мануфактурно-торговый, — протекционизма не нужно. Англия находится в этом последнем периоде и потому не нуждается в протекционизме, а Германия и Россия нуждаются. Лист, таким образом, признает свободную торговлю лишь в известной степени, между тем как его последователи ее абсолютно отрицают.

Идеи Листа легли в основу и развившейся затем исторической школы.

Сочинения Фр. Листа в „полном" (фактически неполном) собрании появились впервые в 1850 году, в Штутгарте. (F. Lists, Gesammelte Schriften, herausgegeben v. L. Häusser. 3 тома), лучшие издания его основного труда „Das national System der politischen Oekonomie"—„Национальная Система" появилась в Германии в 9-м издании, с предисл. Eheberga, и издание 1905 г. Перевод на русский язык Трубникова (Спб. 1892). О Листе писали преимущественно журнальныя статьи. Более значительныя монографии; Goldschmidt: F. List, Deutschlands grosser

Volkswirt, Берлин, 1879. Граф. С. Ю. Витте: Национальная система Фридриха Листа. Киев. 1886.

Идеи Фридриха Листа дали с 40-х годов XIX столетия мощный толчек развитию воззрений—исторической школы. Последняя вместе с научным социализмом, сложившимся с развитием идей его основоположников Карла Маркса и Фридриха Энгельса, совершенно опровергли исходные точки зрения учения Адама Смита. Оппозиция смитианству, в конце концов, превратилась в полное отрицание экономического учения английского промышленного капитала. На историческую сцену Европы выступила Германия. Ее молодая буржуазия и ее капитал определили направление идеологии следующего экономического учения.

Немецкая промышленная буржуазия и ее идеология — историческая школа.

I. Возникновение историзма.

Начало XIX века застало классическую школу в полном расцвете. О том, что учение Адама Смита— только „школа", только „направление", выражавшее социологически лишь классовые интересы английской промышленной буржуазии—тогда, да и долго после того,—еще не знали и не подозревали. Доктрины классицизма отождествлялись с истинами чистой, вне-классовой науки, и аксиомы Смита признавались „вечными" и „незыблемыми" законами, приложимыми к хозяйственному строю всех времен и всех народов. В силу этого А. Смит,—этот Аристотель новой политической силы буржуазии, — безгранично царил над умами и сердцами. Dii majores классической школы,—Рикардо и Мальтус,—разделяли с ним его славу, обновленную в середине XIX века Джоном Стюартом Миллем и представителями экономического либерализма. Учения эпигонов дополняли и раскрывали истинный смысл „Исследования причин богатства и бедности народов" (1776), этого,—как только позже поняли,—откровения английской промышленной буржуазии, не боявшейся конкурренции, а потому тогда космополитической и ненациональной. Смитианцы, как плоть от плоти буржуазии, были против всего беспокойного, ради-

кального, революционного, они боязливо отворачивались от социальной проблемы и рабочего вопроса [1]).

Потребовался достаточный промежуток времени, чтобы со всею очевидностью выступили отрицательные стороны прославленного Смитом капиталистического строя. Потребовалось вопиющее несчастье трудящихся масс населения и громадные жертвы рабочих слоев общества, чтобы понять, что свободная игра экономических сил на почве свободной конкурренции и частной собственности порождает цепь глубоких социальных бедствий. Потребовалась, наконец, грандиозная и напряженная работа мысли интеллигенции и пролетариата, глубокий и беспощадный анализ прежних убеждений и верований, чтобы свергнуть с пьедестала такого колосса буржуазной мысли и системы, как учение классической школы. Все это заняло более полувека европейской жизни и мысли, и только новый и пышный расцвет социальной науки, только едкая и неустанная критика ряда первоклассных талантов, да неоспоримые свидетельства новых фактов новой жизни, т.е. сама диалектика жизни и напряжение нового класса—пролетариата перевернули страницу в истории экономических учений и раз'яснили, что „вечные законы" Адама Смита—только оптимистическая классовая идеология промышленной плутократии и более передовой промышленной буржуазии.

[1]) См. Калина-Айзенбух. Рабочий вопрос в свете классической политической экономии. Москва. 1923.

Действительно, в течение первой половины 19-го столетия все социальные условия континентальной Европы тоже совершенно изменились. Мануфактура превратилась в мощную фабричную систему, развился до невиданных дотоле размеров капитализм, появился мировой рынок, охвативший рынки национальные, начались периоды промышленного под'ема и сменяющие их кризисы. В это время процветания Англии, на континенте капитализм тоже безостановочно развивался. Подымала голову Германия. Но последняя была отсталою аграрною страною с молодым капитализмом. Он должен был защищаться от установившегося капитализма Англии.

„Поднимающаяся германская промышленность,— говорит Бухарин,—страдала самым чувствительным образом от конкурренции Англии, в особенности терпела от нее тяжелая индустрия Германии. Таким образом, если английская буржуазия не нуждалась в подчеркивании национальных особенностей, немецкая буржуазия должна была обратить на них сугубое внимание, чтобы на „своеобразии", „самобытности" немецкого развития теоретически обосновать мудрую политику „воспитательных пошлин". Теоретический интерес сосредоточивался именно на выяснении исторически-конкретного и национально ограниченного; в теории шел подбор и выдвигание на первый план именно этих сторон экономической жизни. С социологической точки зрения историческая школа и явилась идеологическим выражением роста

немецкой буржуазии, боявшейся английской конкуренции, требовавшей защиты национальной промышленности и потому усиленно подчеркивавшей „национальные“ и „исторические“ особенности Германии, а затем—обобщая—и других стран. Социально-генетически и классики, и историческая школа „национальны“, ибо и то и другое направление суть продукты исторически и территориально ограниченного развития; с логической точки зрения классики—„космополитичны“, „историки“—„национальны“. Таким образом, колыбелью исторической школы явился германский протекционизм“.

Германия развила новую промышленную идеологию, первая восстав против „вечных и незыблемых“ законов, выгодных только одной Англии. Так появилась историческая школа. Но не одна она критиковала смитианство. На исторической сцене вырос новый класс—пролетариат, который резко заявил, что наука Смита не только не „евангелие“, но просто грубый и имморальный кодекс фабрикантов и капиталистов. Безработица и пауперизм стали типичным и хроническим явлением растущих городских и промышленных центров. Рост последних содействовал экономической революции в деревне и т. д. В итоге экономическая жизнь Европы изменилась и осложнилась, и целый ряд молодых и отсталых стран начал „европеизироваться“ по примеру Англии.

Идеологическая реакция против царственного капитализма надвигалась медленно, но несокрушимо.

Вначале отдельные писатели изолированно, и притом с самых разных сторон и с различных точек зрения, подкапывались под основы смитианства, особенно против его выражения в форме мальтузианства. Мораль последнего—снисходительное отношение к эксплоатации и оправдание процента—опровергают социалисты; презрение к сельской жизни и мелкому производству—разрушают Сисмонди и фон-Тюнен; величественную идею космополитизма беспощадно критикует Фридрих Лист. Но самое ужасное опустошение производит новое общественное мировоззрение с его отрицанием абсолюта в хозяйственной жизни и исключительным признанием всего относительного, изменяющегося, эволюционного. Вдохновители нового мировоззрения—Огюст Конт, Сен-Симон, Фихте, а позднее левые последователи Гегеля,—создали преграду для дальнейшего распространения классицизма. То, чего не сделали позитивизм и гегельянство,—докончили успехи в области исторического направления, охватившего все обществоведение. Наступила та умственная атмосфера, в которой для рационалистических и универсальных идей Адама Смита не оставалось более почвы. Классицизм был окончательно опровергнут.

К началу 40-х годов XIX в. зародилось и новое теоретическое обоснование для германской промышленной буржуазии — историческая школа в политической экономии. Что вызвало в жизнь именно это направление? Припи-

сывать честь ее появления одному какому-нибудь влиянию, хотя-бы только внедрению в умы новой философии Огюста Конта, или успехам идей эволюционизма, или, наконец, господствовавшему и модному тогда историзму в праве и политике—нельзя, ибо это было-бы крайне односторонне. Каждый из этих идеологических факторов вкладывал в дело развития нового направления свою посильную лепту. Истинным отцом историзма были новые экономические условия Германии — ее молодая промышленная буржуазия, требовавшая для своего развития энергичной теоретической защиты. Также невозможно точно указать и точной даты возникновения историзма. Правда, иногда укавывают момент возникновения историзма в политической экономии со дня появления первых сочинений Рошера, Книса, Бруно Гильдебранда, но даты выхода в свет отдельных книг не дают об'яснения источника их происхождения. Так ошибочно думает, например, Д. Ингрэм (История политической экономии, 2 изд., 1894 г., стр. 287). Английский ученый полагает, что историческая школа явилась „простым“ распространением на экономические отношения взглядов исторической школы в юриспруденции. То же утверждает К. Менгер. „Историческая школа—пишет он—(Исследование о методах социальных наук, Спб., 1894 г., стр. 122) берет свое начало не от Бёрка, не от Нибура или Вильгельма фон-Гумбольдта, а коренится, в сущности, главным образом в стремлениях тех немецких историков, ко-

торые в конце прошлого и в первые четыре десятилетия последнего века читали в некоторых германских университетах, вследствие тогдашних университетских порядков,—историю и наряду с ней политику, а потому имели близкий повод применять свои исторические познания в последней к историческим суждениям". Вслед за Менгером германские экономисты некоторое время полагали, что историческая школа в политической экономии возникла под влиянием исторической-же школы в юриспруденции, и что воззрения экономистов - историков: Рошера, Книса и Гильдебранда навеяны юристами - историками: Тибо, Иерингом и Савиньи, что, как мы видели, фактически неверно.

Эспинас, об'ясняя происхождение исторической школы, указывает на то, что еще до появления историзма уже раздавались протесты против основ классицизма. Первый протест исходил из рядов философов антиреволюционного направления. Жозеф де Местр, защитник монархии и папства, отрицал революционный догмат, что человеческие учреждения могут принять характер универсальности и необходимости. Он говорил, что не может быть единообразного „самого лучшего направления для всех народов". Общие же начала должны быть согласованы с условиями места и характером населения. Также осуждал экономическую метафизику и требовал позитивной постановки вопросов и Сен-Симон. Огюст Конт с полной последователь-

ностью отвергал „абсолют“ в теории и „вечные и незыблемые“ законы социальной жизни.

В эту эпоху нападение на рационализм шло не только со стороны философов; знаменитый историк-юрист, Савиньи, утверждал, например, что юридические учреждения не плод отвлеченного разума, а создаются нуждами, верованиями, политическими и социальными условиями народов. [1])

Иное об'яснение генезиса исторической школы сделал проф. Н. Х. Бунге. В его „Историческом очерке экономических учений“ отмечается связь политико-экономических исследований с историческими: „Уже в 17 столетии Гаррингтон усматривал зависимость образа правления от распределения земельной собственности и видел причину политических переворотов в несоответствии землевладения с политическим устройством государства. Где, говорит он, вся земля принадлежит государству, как на Востоке и в Египте, там существует деспотия; где земля достояние немногих, там господствует аристократия, а где земельная собственность раздроблена, там царство демократии.“ [2])

Адам Смит отводит много места истории, но „последователи Смита,—по словам Бунге,—по боль-

---

[1]) См. Thibaut: Ueber die sogenannte historische und nicht historische Rechtschule. Гейдельберг, 1838 г.

[2]) Бунге, Н. Х.: Очерк политико-экономической литературы, С.П.Б., 1895 г., стр. 175

шей части не только не связывали теории с историческими фактами, но нередко строили целую систему науки на отвлеченных положениях или даже на гипотезах". Откуда-же именно возникла историческая школа? Указывая на целый ряд сочинений, появившихся в 20-х—30 годах, как напр., сочинение Ренье по экономической истории древних народов, Валлона: „История рабства в древности", Бека: „Государственное хозяйство Афин" и др., где некоторые хозяйственные явления рассматривались в связи с политической жизнью,--Бунге все-же считает, что историзм „ведет начало" от Рошера. Конечно, Рошер один из первых, проложивших новый путь, но он вступил на него не интуитивно, а в согласии с общими своими научными и философскими положениями, о которых забывает Бунге. Последующие условия дали другие благоприятные моменты для развития исторической школы: успех изысканий в прошлом народного хозяйства, все большее крушение общих устоев классицизма, и успехи эволюционизма, и боязливая буржуазная необходимость отмежеваться от революционизма социалистов. На этой почве теоретическая позиция и превратилась в школу со своею собственною экономическою политикою, со знаменитым кáтедер-социализмом. Вместе с тем историческая школа, развиваясь сама, пережила эволюцию своих воззрений.

Сравнивая направления начала века, можно утверждать, что главное влияние на эпоху оказал

Огюст Конт, из философии которого выводили следующие положения. Цивилизация не творение разума, а результат прогресса, процесса беспрерывного. Экономические явления только часть социальных. Они изменчивы и относительны. Изоляция политической экономии от социологии рекомендованная Смитом, немыслима. Незыблемые законы экономии такая же бесплодная абстракция, как незыблемые законы истории и т. д. Вот философские положения, легшие в основу исторической школы.

В течение XIX века к историческому направлению в политической экономии примкнуло большинство так называемых официальных представителей академической науки, особенно стран немецкого языка—немецкой Швейцарии, Австрии и Германии, где профессора всех чинов и рангов стояли целый ряд лет на страже историзма и откуда историзм распространился и в ряду других стран.

II. Главнейшие течения историзма.

Историческая школа развивалась на протяжении полустолетия и, конечно, не смогла сохранить первоначального своего направления. Новые поколения в новых условиях должны были придать и новый оттенок идеям. Особенно усилилось подчеркивание этического принципа в хозяйстве и необходимости социальной реформы на основе морали. Конечно, бессознательно, это была по сути клас-

совая буржуазная мораль, но изложенная интеллигенциею, смягчавшей резкость буржуазии и затуманивавшей ее определенные классовые интересы, эта мораль пыталась стать „об'ективною", надклассовою. Отсюда половинчатый характер и психологии и экономической политики интеллигенции этой эпохи. Отсюда ее реформизм или так назыв. катедер-социализм этого направления. Этот принцип широко пропагандировался в Германии не одними только представителями исторической школы.

Начиная с 40-х годов, ряд журналистов и ученых, как Шютц, Франц Форлендер, Роберт фон-Моль, Кауц, Марло, Шеффле и др. подготовляют широкое восприятие в массах идеи нравственной оценки экономических явлений и хозяйственной политики народов. [1])

Само собою понятно, что новые поколения исторической школы изменяли и осложняли исходные пункты своих воззрений,— отсюда и возникло деление исторической школы на две: старо-историческую (Рошер, Книс, Бруно Гильдебранд) или историко-реалистическую школу [2]) и ново-истори-

[1]) См. Бернацкий, М. В.: Теоретики государственного социализма в Германии. СПБ., 1911 г. стр. 155-191.

[2]) Проф. Миклашевский называет это направление школою „социал-политиков". Такое наименование, как переносящее определение из области теретической экономии в область экономической политики, для данного направления является, как мы укажем ниже, совершенно недопустимым.

ческую или историко-этическую (Шмоллер, Брентано, Шёнберг и мн. др.

Сам Рошер называл свое направление „реалистическим“. (См. W. Roscher: Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland. 1874, стр. 1032). Старая школа была в основе аполитична, вернее противо-политична, как всякая буржуазная, в основе боящаяся скачков и перемен. Новая школа—внесла уже и определенные боевые классовые штрихи в свою социально-политическую умеренно реформистскую программу. Она удачно было названа едким немецким журналистом Оппенгеймером: катедер-социалистическою. Ново-историческая школа в свою очередь может быть подразделена на несколько уклонов, среди которых более важные:

1) прусско-этический, правое консервативное крыло исторического направления, яркими представителями которого являются Шмоллер и Шёнберг.

2) радикально-реалистический, левое крыло историзма—с Луйо Брентано во главе и его учениками: Герхардтом фон-Шульце-Гёверницем и Генрихом Геркнером.

Многих представителей исторической школы можно рассматривать как писателей переходных к другим направлениям, таковы, например, Карл Бюхер или Юлиус Вольф. Иногда относят к исторической школе,— что совершенно неправильно, — Вернера Зомбарта, А. Шеффле и А. Вагнера. Первый из них близок марксизму, вторые два—так называемому

государственному социализму. [1]) Шеффле и А. Вагнер плохие историки. Ни их государственно-социалистические воззрения, ни их случайное участие на конгрессах исторической школы (т. е. на с'ездах Verein'a für Socialpolitik [2]) не дают права причислить их к школе Рошера. Вернее Шеффле и Вагнер занимают совершенно особое место между различными современными течениями германской экономической мысли.

III. Старо-историческая школа.

Это направление появляется в Германии в 40-х годах XIX столетия, когда общее направление немецкой мысли было настроено на смитианский вообще, и на манчестерский в частности, лад. [3])

---

[1]) См. подробнее изложение генезиса и развития государственного социализма, не представляющего собою, по сути, никакой разновидности социализма, а лишь учение о необходимости централизма и вмешательства власти в частно-правовые экономические отношения, в книге М. В. Бернацкого „Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка". СПБ., 1911 г.

[2]) Первый с'езд этой группы был созван в октябре 1872 г. для мирного решения социального вопроса.

[3]) См. Becker L.: Das deutsche Manchestertum. Карлсруэ. 1907, стр. 29—40. Отдельные монографии в новом духе печатали Рау (1835 1853 гг.), Блюнчли с 1854 и журналы „Тюбингенский Временник" с 1844, „Ежегодник политической экономии и статистики" (Б. Гильдебранда) с 1863 г.

В названный период все три представителя старо-историзма—Рошер, Книс и Бруно Гильдебранд выступают каждый со своим более значительным произведением. Геттингенский профессор Вильгельм Рошер выпускает свой „Grundriss zur Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode“ в 1843 г.,— Бруно Гильдебранд издает свою „Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“ в 1848 г. и несколько позднее, в 1853 г. Карл Книс: „Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode“. Все трое названных экономистов имеют много общих исходных точек зрения, хотя они сильно разнятся между собою в трактовке своих мыслей. Начнем с профессора Вильгельма Рошера. Экономист должен стоять на почве действительного и ставить себе задачи, сходные с задачами естествоиспытателя; что-же касается человеческой деятельности, то люди вообще, по мнению Рошера, „не ангелы, но и не дьяволы“, стремление же к лучшему, к идеалу, присуще всякому лицу и всякому народу.

Итак, Рошер заменял научные общие „законы“ социальной экономии—законами развития экономических фактов. При изменении обстановки и принципы изменяются, как напр. государственные мероприятия, ограничивающие свободу торговли. „Не люди существуют для законов и учреждений, — говорил Рошер,—а, наоборот, законы и учреждения для людей. Что соответствует одному состоянию общества, то другому вредно“. Экономический идеал, тем не

менее, не осуществим, „хотя изменяемость учреждений и законов и не зло, которое должно бы искоренять, но, однако, одного экономического идеала не может быть для народов так же, как платье не шьется по одной мерке“ [1]).

Таковы в общих чертах общие экономические взгляды, развиваемые Рошером. Так смотрят на него и сами историки. „Рошер,—восторженно уверяет его наиболее последовательный ученик Шмоллер,—развил истинно-научное направление, которое снова и надолго влило кровь в жилы чахоточного тела политической экономии. Речь шла о том, чтобы выдохшийся рационализм снова излечить сильной дозой эмпирическо-исторического мировоззрения; необходимо было перенести опытный метод строго научной специальной работы в область того человеческого знания, которое сделалось местом схоластических препирательств и борьбы политических партий, ареною для диллетантов и журналистов“.

Перейдем теперь к другому, хотя и менее видному, чем Рошер, но с точки зрения теории, быть может, более глубокому представителю исторического направления, к Карлу Кнису [2]) (1812—1898 гг.).

[1]) Рошер, В.: Начала народного хозяйства, русск. пер. 1860 г., стр. 53.

[2]) Карл-Густав-Адольф Книс родился в Марбурге в 1821 г., где получил высшее образование и где в качестве приват-доцента начал в 1848 г. читать лекции по истории. Спустя 9 лет Книс делается профессором во Фрейбургском университете, а в 1865 г. в Гейдельберге, в котором он прожил до конца своей

Главная задача Книса—доказательство относительности экономических учений и указание на их тесную связь с национальностью и данною историческою эпохою: „никакая экономическая доктрина не является поэтому абсолютно верною, но каждая из сменявших друг друга систем политической экономии имела в свое время право на существование и заключала долю истины". „Экономическая наука подвержена процессу развития в тесной связи с развитием изучаемого ею об'екта—народного хозяйства". Для уяснения-же существа экономической науки очень важно правильное понимание существа так называемых экономических законов.

Книс полагает, что 1) нет особых экономических законов; существуют чисто естественные законы, действующие везде, а, следовательно, и в экономической области; 2) нет механических явлений; все они поддаются воздействию социальной среды; 3) существуют не законы, а отношения подчиненности, в которых хотя и можно подметить закономерность,

---

жизни (1898 г.). Из сочинений Книса выделяются: Die Statistik als selbständige Wissenschaft. Кассель, 1850 г. Его политическая экономия, носящая скорее характер обширного введения и вышедшая дважды, каждый раз под несколько иным заглавием. I изд. — Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Брауншвейг, 1853 г.; II изд. — Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, Там-же, 1883 г. Geld und Kredit — 2 т. Берлин, 1873—79 гг. Книс издал: K. F. von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und du Pont. 2 т., Гейдельберг, 1892 г.

но которые имеют относительное и ограниченное определенными конкретными условиями применение.

В первой своей экономической работе, посвященной Рошеру, Книс горячо приветствовал направление Рошера, видя в нем залог великого будущего. Книс пересмотрел в нем целый ряд основных вопросов экономии по стройной, хотя и скучно изложенной, системе.

По Кнису „политико-экономический закон не может быть выражением одних только естественно—исторических законов реального мира, политико-экономический закон скорее всего выразится в функции. Как в учении о величинах понятие скорости есть функция движения и времени, так и экономические явления, а через них также политико-экономические законы, суть функции естественных и человеческих сил реального и личного мира. Варианты в факторах формул функций приносятся, с одной стороны, вытекающими из места и времени различиями, в которых может выразиться действие реальных сил, или в которых существо последних постепенно (stufensweise) развивается перед встречающимся с ними в хозяйстве человеком, и, с другой, различиями в людях, действующих под влиянием образовательных элементов разных времен и подробностей характера разных народов. Заметим здесь кстати только, что к этой простой истине может быть сведен основной закон, который проходит через все части политической экономии; по историчес-

кому методу закон относительности (Gesetz der Relativität), относительная истина и продолжающаяся эволюция политико-экономических законов, относительная применимость их к экономической политике, относительное оправдание самих по себе различных экономических установлений, в конце концов, также вытекают отсюда и в особенности тем вернее, когда принимается во внимание один фактор, человек, во всем его значении и в полном об'еме своего существа". [1])

В другом месте Книс говорит: „предположения, от которых они зависят, изменяются сообразно с изменчивостью человеческой воли и сообразно с изменчивостью всех условий народной жизни, влияющих на устроение хозяйства. Следовательно, и экономические законы меняются, и даже в этих изменениях замечается законосообразность; ведь говорим же мы о законах развития народного хозяйства. Но и эти законы, как и те, временно проявляющиеся в народном хозяйстве, суть не что иное, как выражение законосообразности точно определенных и исторически развившихся условий.

Словом, по Кнису, закон и законосообразность понимаются здесь не в том смысле, как они понимаются при явлениях внешней природы. Этот вывод

---

[1]) Книс, К.—Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, 2 изд., 1883 г.

очень важен. Из такого понимания вытекает то, что ответственность в данных экономических условиях падает на 1) индивидуум, 2) общество и 3) государство. Экономические условия—произведения этих трех данных, и они могут быть изменяемы по их желанию. Отсюда—весьма важная выдающаяся роль экономической политики.

Нормы экономической политики, по Кнису, не безусловны и не абсолютны для всех времен и народов, а только для данных конкретных условий. Поэтому, для практического разрешения текущих экономических вопросов всегда важно точное и достоверное знание конкретных условий, как конкретных условий, которые должны быть реформированы, так и конкретных предположений, так называемых законов, выведенных из наблюдения экономической жизни различных народов. Открытие и применение подобных законов требует строго точного метода. В виду необходимости такого знания в настоящее время приобретают огромное значение для нашей науки с одной стороны статистика, как средство полного познания экономических условий, насколько они могут быть выражены в числах и цифрах, а с другой—историческое исследование лежащих позади нас законченных экономических периодов.

Итак, по современному воззрению, так называемые законы народного хозяйства, как выводы из опыта, имеют силу только при определенных конкрет-

ных предположениях, а, следовательно, выведенные из них нормы для хозяйственной жизни могут быть приложимы только там, где на лицо и их предположения. В виду этого в настоящее время мы признаем лишь относительные законы и нормы и отсюда лишь относительные разрешения экономических проблем.

Обращаясь к третьему родоначальнику историзма, к Бруно Гильдебрандту, мы отметим, что Густав Шмоллер считает, что у Рошера и Гильдебрандта много общего, в противоположность с Книсом. Рошер и Гильдебрандт—историки легко усвояемые, общедоступные. „В противоположность им Книс,—говорит Шмоллер,—тяжело развивающий свою мысль, неповоротливый, серьезный, глубоко разбирающийся теоретик, который стремился к новому проникновенному обоснованию проблем. Не история интересует его в первую голову, а углубление и возрождение экономической науки вообще“ [1]).

Ученик философа Гербарта профессор Бруно

---

[1]) Шмоллер, Г. Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften. Лейпциг, 1888 г., стр. 206. О К. Книсе, кроме общих замечаний и отрывочных сведений в словарях и курсах истории учений, ничего неизвестно; жизнь его прошла тихо и крайне однообразно. Книс был скромный гелертер обычного немецкого типа. Его некролог и оценка—Blenck: „Karl Knies“ в Zeitschrift des K. Preuss. Statistisch. Bureaus, за 1899 г. стр. 210 и след.

Гильдебрандт (1812—1873 г.)[1] стоит на почве существующего порядка, хотя ему хорошо знакомы воззрения социалистов, которых он первый в Германии изучает и излагает. Сочувствуя нисшим классам, он все-же полагает, что „без частной собственности общество осталось бы безжизненною однородною массою, без индивидуального разнообразия и развития". Бруно Гильдебрандт не оставил солидного литературного наследства, но то немногое, что он написал, отличается изяществом и талантливостью. Его „Политическая экономия настоящего и будущего"—одна из наиболее удачных и содержательных книг своего времени [2]).

Представители старо-исторической школы не отказываются совершенно от общих задач политической экономии и не отбрасывают совсем дедукции и. Многочисленные ученики Книса, Рошера и Гильдебрандта, люди нового поколения, они культивировали чистый агностицизм. Поэтому, чуждаясь обобщений, они признали единственно верным методом политической экономии индукцию, единственно верными средствами для достижения истины—изучение исторического прошлого („что было"), историческое наблюдение („того, что есть") в настоящем.

---

[1]) Гильдебранд, Бруно, с 1841 г. профессор в Марбурге, с 1851 г. в Цюрихе и с 1861 г. в Iене.

[2]) Bruno Hildebrand. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, (изд. 1848 г., 2 изд. 1853, русск. перевод Щепкина, вышел в 1864 г.)

Создание обобщающей теории было признано или невозможным (Брентано), или весьма преждевременным (Шмоллер).

Итак буржуазная апологетика германской промышленности наивно сочла себя хранительницей аполитизма, т. е. бесклассовым или „об'ективным", в конце концов бесплодным для синтеза и актуальности учением.

IV. Ново-историческая школа.

Ново-историческая школа, об'единяя значительное количество лиц, не могла их всех группировать воедино. Получилось несколько отдельных уклонов, потому что назвать их направлениями, — для этого не было соответствующих данных. Главных уклонов было два—либеральный,—возглавляемый Луйо Брентано, и консервативный уклон — Густав Шмоллер и Шёнберг. В конце 50-х годов в Германии об'единились представители манчестерского направления (Принс-Смис, Михаэлис, Фаухер, Макс Вирт, Браун, В. Бёмерт, Шульце-Делич и др.). Проповедуя борьбу со всякими ограничениями индивидуальной свободы, они сорганизовались в 1858 г. вокруг „Конгресса немецких экономистов", а в 1863 году начали издавать свой орган: „Vierteljahresschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte". Немецкие фритредеры презрительно относились к рабочему вопросу, трактовали о вечных и незыблемых законах в экономии и не ви-

дели ничего, кроме грубого содействия промышленному под'ему. Их близорукий оптимизм обострял вопросы и давал обильную пищу для едких нападок писателей всех направлений, особенно социалистов. Полемика Лассаля с одним из них, с Шульце-Деличем, становится с тех пор бессмертною. Естественно отсюда движение в пользу об'единения и в других лагерях. Так, в 1864 г. немецкие социалисты-марксисты об'единились в Интернационале и выяснили себя окончательно в 1869 г. на конгрессе в Эйзенахе, отмежевавшись от лассальянцев. В 1872 году в Эйзенахе-же собрались впервые и представители исторической школы и основали свой центр — Verein für Socialpolitik — „союз социал-политиков". В Verein'е об'единились различные течения ново-историзма: Август Сарториус фон-Вальтергаузен, Георг Шанц, Макс Зеринг, Вильгельм Штида, Эльстер, Лезер, Ван дер-Борх, фон-дер-Гольц, Бухенбергер, В. Лексис, Кнапп, Иннама Штернег, Майцен, Миасковский, Ганзен, Густав Кон и др. Раньше всего мы рассмотрим правое крыло ново-историзма, — прусско-этическое направление, „столпами" которого являются Шмоллер и Шёнберг. Шмоллер типичный образец буржуазного немецкого ученого, стоящего на страже „прусской правительственной мудрости" [1]).

[1]) Густав Шмоллер родился в 1838 г., в Гейльбронне. учился в Тюбингене. С 1864 г. он экстраординарный и с 1865 г. ординарный профессор в Галле. В 1872 г. Шмоллер перешел в Страсбургский университет, а с 1882 г. состоял профессором

„Я пытался в одно и то же время,—заявлял Шмоллер в своей речи в прусской академии наук, быть и экономистом и историком. Я видел перед собою цель завершить и закончить то, что Бруно Гильдебрандт, Книс и Рошер пытались осуществить в германской национальной экономии. Именно: освободить совершенно эту науку от догматизма или от англо-французской утилитарной философии и направить ее физиологически и исторически глубже на твердой почве". Этой грандиозной задачи, несмотря на громкое заявление, Шмоллер, конечно, не исполнил, тем более, что он всегда тщательно избегал общих принципиальных вопросов, чем он, впрочем, даже гордился. „Мы,—говорит Шмоллер,—и в общих собраниях, и в трудах всегда остерегались заниматься большими принципиальными вопросами". (См. Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik, сентябрь 1894 г.).

в Берлинском университете и членом прусской Академии Наук, с 1884 г. членом прусской палаты господ, умер в 1916 г.

Из многочисленных работ Шмоллера отметим: „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in 19 Jahrhündert", Галле, 1870 г., ряд сочинений по истории страсбургских цехов; важное теоретическое сочинение „Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft", 1875 г., направленное против прусского историка Трейчке, обвинявшего сторонников прусско-этического направления в сочувствии социализму и вызвавшее полемику с австрийскою школою; историко-литературный сборник—„Zur Litteraturgeschichte", 1888 г.; сборник по истории экономического быта: „Zur Social unn Gewerbepolitik, наконец, двухтомный курс „Grundriss", 1900—1905, как бы завершивший его „систему".

В силу этого в теории Шмоллер в действительности не сделал ни одного шага вперед сравнительно с Рошером и Книсом, но зато твердо определил социально-политическую позицию своего поколения ученых. Еще в 1864 г., в своей статье по рабочему вопросу, Шмоллер занимает среднюю позицию между Шульце-Деличем и Лассалем и выдвигает этический принцип и „нравственное решение" рабочего вопроса. Идеалом этически-хозяйственного прогресса для него является Англия с ее рабочими союзами, проникнутыми духом консерватизма. Шмоллер в дальнейшем посвящает себя историческим исследованиям и многочисленным выступлениям в защиту „исторического" метода.

В Германии Шмоллер слывет за экономиста—ученого с глубокой философской эрудициею. Так аттестует его, например, проф. Конрад [1]). Обратного мнения о нем держится М. И. Туган-Барановский. „Заслуга Шмоллера,—говорит он,—заключается в превосходных исторических работах фактического характера. Для широких исторических обобщений Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли [2]), т. е. того самого, что лежит в основе

---

[1]) „Arbeiten spezielle von Schmoller zeigen, welch gründliches Studium er gerade der Philosophie zugewendet hat",—говорит проф. Конрад (Conrad. Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. 1 Teil, 3 изд. Iена, 1900 г., стр. 393.

[2]) Туган-Барановский, М. И. Очерки по истории политической экономии, стр. 199.

всякого серьезного философского развития. Философия Шмоллера воспринимает, но не разлагает; в этом ее главный недостаток".

Шмоллер подходит к своему определению науки о народном хозяйстве только после исторической справки, оттеняющей его определение. „Д. С. Милль,— говорит Шмоллер,—определяет политическую экономию, как науку, занимающуюся изучением природы богатства и законов его производства и распределения. Но природа богатства включает в себя также и техническую сторону, а законы производства и распределения богатства не исчерпывают ее задач, независимо от вопроса о том, открыты они или нет"[1]).

Поэтому Шмоллер так определяет предмет политической экономии: „политическая экономия есть наука, которая описывает народно-хозяйственные явления, определяет и об'ясняет их в связи с их причинами, поскольку они могут быть поняты, как единое целое, причем, конечно, предполагается, что прежде будет определено правильно понятие народного хозяйства" [2]).

В центре науки, полагает Шмоллер, надо поставить типичные повторяющиеся явления, ибо ведению политической экономии, как специаль-

---

[1]) Г. Шмоллер. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Пер. проф. Нечаева, В. М. Изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1902 г., стр. 11.

[2]) Курсив наш, ibid, стр. 12.

ной науки, подлежит только „ее ядро“, которое должно состоять из таких типичных явлений; на периферии она покрывается соседними науками. Важно также, по мнению Шмоллера, установление границ содержания науки и ее систематизация, метод, ее расчленение.

Шмоллер делит политическую экономию на общую и специальную. Общая политическая экономия носит характер философско-социологический. „Она исходит из сущности общества, общих причин экономической жизни и поведения, описывает статически и динамически типические органы и процессы хозяйства и важнейшие учреждения, с ним связанные. Она стремится систематически и принципиально к тому, чтобы из несовершенных отрывков нашего знания сделать целое; она идет от общего к специальному, привлекая особенные сведения только для выяснения, иллюстрации тех истин, которым она надеется научить“ [1]). Наоборот, специальная политическая экономия проникнута историческими и практическими „полицейско-правовыми тенденциями“ (15 стр.) „Она выходит из конкретного, особенного, и вскрывает подробностн причин и учреждений“ (16 стр). Но обе части дополняют друг друга, обе „исполняют свою задачу тем лучше, чем более одна часть покоится на широком философском, а другая на историческом и практическом основании“

---

[1]) Г. Шмоллер. Народное хозяйство etc., стр. 15.

(16 стр.). Переходя к методу, одному из самых важных вопросов политической экономии, Шмоллер говорит, что метод политической экономии должен служить к последовательному познанию народного хозяйства „во всем его об'еме и исторической последовательности“ [1]). А раз мы хотим познать народное хозяйство в его исторической последовательности, то, значит, историю в широком смысле мы включаем в область науки, изучающей народное хозяйство. Но мы изучаем, полагает Шмоллер, и настоящее, следовательно, мы включаем сюда и исследование фактов, относящихся к этому настоящему.

Подобное признание может повести к бессмысленному нагромождению фактов, как это было, думает Шмоллер, у меркантилизма и камералистики. Избавляет от этого естественная школа народного хозяйства. Еще Лассаль, думает Шмоллер,—совершенно верно заметил, что „материал и без мысли все еще имеет относительную ценность, но мысль без материала—лишь пустая химера.“ Но дело, конечно, не в множестве фактов. Можно оперировать и с Робинзоном.

Таково в общих чертах отношение Шмоллера к основным вопросам теории. В практической политике Шмоллер горячий приверженец прусской монархии и бюрократии. В своей статье „Die sociale

---

[1]) Шмоллер, ibid, стр. 17.

Frage und der Preussische Staat“ Шмоллер говорит: „массы народа всегда чувствовали, что монархия занята их делом, что в Пруссии, действительно, относятся одинаково к богатому и бедному, что „suum cuique“ стало истиною.“ Неисчерпаемый капитал „любви и доверия“ к прусским монархам поддерживается мудрою социальною политикою „их образцовой бюрократии“, этих де истинных слуг прусского народа. Монархия и бюрократия особенно должны охранять интересы среднего сословия, Mittelstand'a, и сохранять „нейтральность в социальной классовой борьбе“. Против этих взглядов в 70-х годах ярко восстал публицист Трейчке в своей работе „Der Socialismus und seine Gönner“. Другой ярый антагонист Шмоллера—Луйо Брентано остроумно сравнивает „нейтральное“ отношение Шмоллера к экономическим явлениям с отношением к поступкам действующих лиц хора в древне-греческой трагедии. Хор безразлично скорбит с плачущими и радуется с идеальными личностями, восторгается и злодейством и добродетелью, смотря по тому, кто на сцене, так поступает и, по сути, беспринципный Шмоллер.

Шмоллер, сравнительно с другими представителями исторической школы, менее всего заслуживает упрека в симпатии к радикализму. Он не только сторонится социализма, но активный гонитель марксизма. Он противник всяких решительных мероприятий. Всякая реформа, по его мнению, должна быть

медленно подготовлена и проведена одною только правительственной властью. Но симпатии к государственному вмешательству у Шмоллера подозрительного свойства. Это скорее нежность к так называемому полицейскому государству, слабость чисто консервативного свойства, полное недоверие к самодеятельности и свободе низших классов. Политический идеал Шмоллера—Фридрих Великий. Естественно, что Шмоллер во всем убежденный приверженец и защитник прусского государственного строя, т. е. монархист и чиновник.

Близко к взглядам Шмоллера подходят воззрения другого представителя исторической школы—проф. Шёнберга. [1])

Экономическая физиономия Шёнберга лучше всего видна из его отношения к рабочему вопросу. Что особенно важно, по мнению Шенберга, так это под'ем нравственности в рабочем классе. Под'ем этот лучше всего достигается не путем образования социальных учреждений, а при содействии... духовенства. Увеличьте влияние попов, и нравственность рабочих поднимется—полагает Шенберг. К тому же Шенберг—мальтузианец. Типичным проявлением безнравственности рабочих являются, по мнению Шенберга, ранние браки и большое количество детей. Вот подлинные его слова: „Пока

---

[1]) См. Шенберг, статья в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, т. VI-ой.

господствует такой безнравственный образ действий, до тех пор нельзя найти никаких средств надолго повысить доход низших слоев рабочих. Зло чрезмерного рождения детей составляет, может быть, центр социального вопроса." (См. Schönberg, Handbuch der Politischen Oekonomie—громадный эклектический курс под общею редакцию проф. Шенберга).

Не знаешь, чему тут больше дивиться—доктринерской ли тупости или холодному индиферентизму. Справедливость требует заметить, что в рабочем вопросе одним мальтузианством и рекомендациею попов Шёнберг не ограничивается. Как приверженец исторической школы, Шёнберг все-же высказывается за общую социально-политическую программу школы, а именно: 1) за страхование рабочих, 2) за фабричное законодательство и 3) за свободу рабочих союзов.

Но свободу союзов Шёнберг допускает только „в пределах законности," он принимает ее со значительными ограничениями. Он считает необходимым „установить наказание за публичное приглашение к противозаконному прекращению работ, подвергающее опасности общественное благо". Агитаторов-революционеров, агитаторов по профессии Шёнберг особенно не долюбливает. Для них он рекомендует у с и л е н н ы е наказания.

Провиденциальной миссией синдикатов и предпринимательских союзов Шёнберг считает их борьбу с рабочими, н а р у ш а ю щ и м и д о г о в о р. Союзы работодателей-капиталистов должны, по Шёнбергу,

„обязывать своих членов не принимать к себе рабочих, нарушивших договор, и выдвигать в крайних случаях против общих противозаконных рабочих забастовок (тайно поддерживаемых рабочими других предпринимателей) как угрозу, так и действительное осуществление общей остановки производства". Ослепленный ненавистью к рабочему, осмелившемуся потребовать следуемое ему по праву от обирающего его и эксплуатирующего капиталиста, Шёнберг даже не замечает, что предлагаемое им средство никуда негодно. Остановка производства в момент длящейся забастовки рабочих часто выгодна предпринимателю и не опасна и не страшна для рабочих.

Фабричное законодательство и государственное страхование нравится Шёнбергу больше, чем коллективная самопомощь рабочих союзов, так как эти мероприятия исходят от любезного Шёнбергу государства. О рабочих союзах Шёнберг отзывается очень типично, а именно: „Деятельность рабочих союзов может оказаться вредною для общества".

Если союзы являются лишь орудиями борьбы, защищают только эгоистические интересы, то они могут усилить антагонизм между работодателями и рабочими, а, следовательно, такие союзы могут постоянно угрожать социальному миру, наносить большой вред предпринимателям, промышленности, справед-

ливым интересам капитала и потребителей и даже... ухудшить положение рабочих.

Опасность такого вредного действия рабочих союзов тем значительнее, чем ниже образование рабочих, и чем меньше их экономическая предусмотрительность. Эта опасность неодинаковая в различных странах. Поэтому (важный) вопрос: „нужно-ли и посколько нужно содействовать, в интересах рабочих и народного блага, развитию рабочих союзов", не может быть решен одинаково для всех стран и для всех отраслей фабричной промышленности.

Приведенное мнение ясно свидетельствует о холодном индиферентизме к эмансипационной борьбе пролетариата и о непонимании ее задач. Шёнберг смешивает народное благо с интересами тех, кому дорого сохранение частной собственности вообще.

К Шёнбергу, как нельзя лучше, подходит характеристика, данная Плехановым целой категории буржуазных экономистов. „Из мирных и об'ективных мыслителей—говорит Плеханов [1]),—буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями все здание науки".

Много говорят о реформаторском направлении у представителей историзма, но требования

[1]) Плеханов, Г. В.: Собрание сочинений, т. I „Библиотека научного социализма", Женева, 1905 г., стр. 185 („Социализм и практическая борьба".).

реформы у Шёнберга сводятся к таким палиативам; он, как и Шмоллер, чужд какого бы то ни было радикализма. Самодеятельность рабочих вызывает у Шёнберга опасения проникновения их своими классовыми интересами, дозволительными для Шёнберга, повидимому, только фабрикантам. Зато социальная политика Германии, сделавшая много в области фабричного законодательства и страхования и в то же время ограничивающая свободу рабочих союзов, вполне по вкусам нетребовательного в других отношениях гелертера.

Я сказал, что сохранение частной собственности— conditio sine qua non для Шёнберга, но не для одного Шёнберга, а для большинства представителей исторической школы, институт частной собственности не принадлежность данной исторической ступени, а основа всей человеческой культуры. Историки, сводящие все к эволюции, просмотрели важный исторический факт, что частная собственность ничто иное, как простая историческая категория, и что у нее существует свой генезис, свое развитие и свое разложение. Таким образом историческая школа даже логически была обязана настаивать на эволюции собственности, но ее социальная политика вынуждает высказываться в противоположном направлении. Это безусловный трагизм, но историки живут в этом ослеплении.

Если Шмоллер и Шёнберг в излишнем усердии „превратились в воинственных охранителей и стражей

капитала", то Луйо Брентано, представитель радикально-реалистического направления в исторической школе, представляет собою тип более или менее „левого", „сочувствующего" пролетариату экономиста; он служит выражением в немецкой экономической науке либерального духа Англии и, в то же время, естественно проявляет некоторое общее тяготение к манчестерству. Противоположность взглядов Шмоллера и Брентано можно, наприм., видеть из дебатов на конгрессах Verein für Socialpolitik за 1890 год, когда Шмоллер отверг предложение Брентано по вопросу о легализации рабочих союзов.

V. Ново-историческая школа.

(Новый либеральный уклон).

Луйо Брентано.

Луйо Брентано родился 18-го декабря 1844 г Он происходит из зажиточной семьи и рано посвящает себя науке. Став в 1871 году, после поездки с Энгелем, известным статистиком, в Англию, где он изучал историю и деятельность рабочих союзов,—доцентом в Берлине, он с тех пор посвящает себя исключительно научно-педагогической деятельности. Из Берлина Брентано переходит в

Страсбург, оттуда в Лейпциг, далее в Вену и, наконец, в Мюнхен, где пребывает и поныне. Пребывание Брентано в Мюнхене отразилось на его работах. Условия страны, ее местные интересы, еще в весьма значительной степени связанные с земледелием, быстро отозвались на темах очередных работ нашего экономиста. Из Gewerbepolitiker'a он становится скоро Agrarpolitiker'ом [1]). В последний период, с 1894 г., Брентано издает серию работ, посвященных вопросам землевладения и земледелия. Таковы его работы, посвященные праву единонаследия, феодализму и пр. [2]).

Первая литературная работа Брентано в 60-х годах посвящена фон-Тюнену и его изолированному государству. В 1870—71 годах он выпускает свои „Arbeitergilden der Gegenwart", где впервые знакомит европейскую публику с историею и организациею английского тред'юнионизма, о котором до него много говорили, но которого фактически совсем не знали. Имевшее большой успех описание Брентано проникнуто оптимизмом и усиленным восхвалением самопомощи. С этого времени Брентано надолго приковывает свое внимание к рабочему вопросу, в котором он идет много дальше своих теоретиче-

---

[1]) Brentano, L. Agrarpolitik. Theoretische Einleitung in die Agrarpolitik, Штуттарт. (Gotha). 1897.

[2]) Brentano. L: Erbrechtspolitik: Alte und neue Feodalität. Штуттарт. 1899 г.

ских единомышленников. Но и под его влиянием ни историческая школа в совокупности и ни один ее лагерь не создали никакого практического политического направления в германской жизни, не создали ни одной политической партии ни в рейхстаге, ни в ландтагах, ни в коммунах. Интересуясь практической политикой, живой Брентано с трудом мирился с таким положением. В конце 90-х годов минувшего века он содействовал, но, как всегда, закулисно— образованию особой парламентской партии так наз. национал-социалов. Во главе движения стояли пастор Науманн, Мауренбрехер, Гёре, проф. Зом и фон-Герлах, депутат, избранный от партии в рейхстаг.

Идея партии—умеренный, „национализированный" социализм. Задача — демократизировать немецкую интеллигенцию и создать рабочую партию на национальной почве. Сравнительно с социал-демократами это направление менее радикально, без космополитизма и исключительной роли единого пролетариата, но—в сравнении с остальными партиями— крайнее течение.

Но партия „умерла, не успевши расцвесть". По признанию искреннего пастора Науманна, сама задача, поставленная себе партией, оказалась несостоятельною. Национал-социалы затерялись в грандиозном движении социал-демократии.

Теперь они сузили свою задачу, основная тенденция которой уже не воздействие на рабочие

массы, а перевоспитание интеллигенции. Последняя в Германии, действительно, требует и воздействия, и перевоспитания.

Сильно ошибается тот, кто, памятуя о громадной роли соц.-демократии, считает Германию вообще передовой страной. Интеллигенция Германии буржуазна, косна, консервативна. Она осмеяла Ницше, не понимала Беклина, протестовала против женской эмансипации, ненавидит социализм. Демократизировать интеллигентскую массу, привить немецкому интеллигенту прогрессивные убеждения — и задаются целью „национал-социалы", маленькая партия, одно время игравшая некоторую роль на политической арене Германии.

Но вернемся к Брентано.

Кроме содействия национал-социалам Брентано, как общественный деятель, играл видную роль в создании Международного общества защиты труда и в агитации против законопроекта о каторжной тюрьме (Zuchthausvorlage).

Правительство Вильгельма II, чуть-ли не по личной инициативе самого императора, внесло в рейхстаг следующего рода законопроект. Всякий, будь то рабочий или предприниматель — безразлично, препятствующий работе насилием или угрозою, должен быть подвергнут тюремному заключению до 3-х лет.

Брентано в публичных лекциях и в прессе энергично восстал против этого законопроекта. Отноше-

ние Брентано к этому вопросу может быть охарактеризовано следующим образом. Брентано энергично ратовал за расширение существующего § 152, где говорится, что рабочий в целях чисто экономических имеет право организоваться, об'единяться в союзы и т. д. и высказывался против § 153, преследующего всякого рода нарушения рабочего договора. Дело в том, что § 153 сильно ограничавает права, предоставляемые § 152.

Брентано рекомендовал еще более расширить положительную сторону § 152 и только тогда соглашался на усиление наказания для всех нарушителей этого §, например, за разрушение фабричных зданий с одной стороны, за противодействие деятельности рабочих союзов—с другой.

С этой же точки зрения он отстаивает и право рабочих выставлять при стачках посты у ворот фабрики, рабочие которой забастовали,—с целью предупреждения и мирного уговора товарищей, так наз. Streikpostenstehen. Это, по мнению Брентано, естественный акт справедливости по отношению к рабочим, так как рабочие вообще слабее, организации их бедны, у них нет ни черных листов, ни телефонов, которые имеются в распоряжении у фабрикантов. Агитация Брентано оказала влияние на общественное мнение и соединенными усилиями оппозиции—весь правительственный законопроект провалился. Такого рода выступления—выступления научно-политического характера—типичны для Брен-

тано, история жизни которого, несмотря на его весьма преклонный возраст, далеко не может считаться завершенной.

Отзывчивый и чуткий к злобам дня, блестящий оратор и образцовый педагог, Брентано создал вокруг себя „школу“, хотя его личные сочинения лишены научного „багажа“ и многотомной эрудиции немецких гелертеров. Брентано—типичный эссеист, переходящий часто в боевую экономическую публицистику. Таков он в жизни, на лекциях и в своих произведениях.

Мировоззрение Брентано—левое крыло историческо-реалистического направления. Поэтому у него характерны взгляды на труд и его природу, на рабочий вопрос вообще, и в частности—на профессиональные рабочие союзы, рабочее законодательство и государственное страхование.

Вопрос о труде и рабочем договоре он рассматривает в его историческом происхождении.

История рабочего договора, по его мнению, сводится к истории труда, где можно отметить два периода отношений: 1) период обязанности (несвободные отношения) и 2) период добровольности (договор). Римские юристы, полагает Брентано, (напр., институция Гая, III, 142), устанавливали для рабочего договора свободного гражданина или для найма на службу те же правила, что и для купли и продажи всякого другого товара: при купле-

продаже естественно покупать возможно дешевле и продавать возможно дороже.

В дальнейшей истории те же отношения покоились на принципах власти и обязанности.

Германское право с этого и начало, в него перешли указанные начала. Рабочий—раб, покупая раба, покупают его труд—так гласит германское право.

Личное начало и личный интерес появились раньше всего в земледельческом хозяйстве. Крепостной колон, полу-раб, уже хозяйствует на иных началах. Теперь господин покупает только часть дохода своего крепостного, но эта часть уже превосходит прежнее целое. В итоге оказывалось, что личный интерес сильнее физического побуждения и что крепостной труд лучше и продуктивнее рабского.

И то, что было выгодным, было признано. В рабе был признан человек, и место раба занял крепостной.

Но отношение к рабочему все еще оставалось чисто владельческим. Правда, крепостной уже не был больше вещью, он образовывал сословие и тем самым приобретал некоторые права; это ограничивало господство над ним и как над орудием производства, и как над человеком. В это время у господина еще был интерес заботиться о своем крепостном. Дальнейший процесс развития отношений показал, что „больший и лучший труд“ достигается лучше при свободном труде, чем при крепостном, свободный труд выгоднее, чем труд крепостного,

тем более, что не нужно содержать, кормить „свободного“ рабочего. Вместо вечно недовольных крепостных появляются „свободные“ рабочие, дневное пропитание которых зависит только от того—имеют-ли они работу или нет. Появляется договор. Вместо договора о рабе является договор с рабочим.

Раньше всего этот важный переворот произошел в области промышленности, позднее в сельском хозяйстве.

Барин-господин стал работодателем, батрак и подмастерье — работником, рабочим. Крепостническое отношение превращается с юридической точки зрения в чисто наемническое. Вместо обильно регламентированного права—римское право свободных граждан. Это положение свойственно новым народам. И, действительно, Англия, не знавшая римского права, развила то же положение.

Новые условия встретили поддержку в науке со стороны некоторых экономистов, главным образом, Адама Смита; по Смиту труд—товар, рабочий—продавец, работодатель—покупатель труда. То же самое говорит и экономист Герман: рабочий договор—просто договор о купле-продаже.

Этот взгляд нашел себе выражение в 105 § о промышленности (изд. 1869 года) германского законодательства. Этот § гласит, что „установление отношений между самостоятельными промышленниками и их подмастерьями, помощниками и учениками есть

предмет свободного соглашения". В итоге Брентано говорит: „В существующем строе народное хозяйство является суммою покоющихся на собственности и свободе хозяйств отдельных членов общества, связанных в одно целое разделением труда и обменом".

„Преследуя,"—продолжает Брентано, определяя задачи хозяйственной деятельности отдельного члена общества и как бы говоря от его имени: „при уважении одинаковых прав остальных лиц, только свои личные интересы, каждый участвует в общем удовлетворении потребностей всей нации". По Родбертусу — каждому сословию и отдельному лицу даются для выполнения определенные хозяйственные функции, но это, по мнению Брентано, не свобода. Свобода, думает он, вообще не мыслима без авторитетного руководства. Чем более обширно и универсально производство, тем меньше оставляет оно свободы отдельному производителю, из самоцели человек становится орудием великого целого, „личность действует в качестве простой части крупного целого".

Каутский в комментарии к „Эрфуртской программе" считает одним из серьезных возражений против коммунизма то, что при нем рабочий не сможет работать как и когда захочет. Такая свобода, по мнению Каутского, несовместима с каким бы то ни было планомерным совместным трудом многих лиц и не может вообще существовать с того времени, как

современная техника сделала производство общественным. Конечно, абсолютной свободы нет, но социализм старается сделать привлекательным труд и при отсутствии свободы труда.

„Социал-демократия не может—говорит Каутский [1])—устранить зависимость работника от хозяйственного целого, в котором он образует одно из колес, но на место зависимости рабочего от капиталиста, которого интересы враждебны его собственным, она поставит зависимость его от общества, членом которого он является, от общества равноправных товарищей, имеющих одни и те же интересы".

Итак, мы можем видеть, что зависимость от воли общества не противоречит ни свободе вообще, ни свободе труда в частности. Выставляют еще другое возражение: чем совершеннее социальная организация, тем острее чувство свободы.

„После того, как обеспечены необходимые жизненные потребности, ближайшей, сильнейшей личной потребностью является свобода, — говорит Джон Стюарт Милль,—растет интенсивность и потребность свободы".

Но мы уже видели, что социалистические свободы, даже и без свободы труда, все-же лучше, чем буржуазные—вместе с свободой труда, свободой,—

---

[1]) Цитируем по русскому изданию „Эрфуртской программы" изд. „Колокол" Е. Д. Мягкова, 2 изд. М. 1905 г., стр. 204.

по остроумному замечанию Каутского,—самому искать себе господина.

Все эти возражения были разобраны социалистическими писателями, „неизмеримая заслуга которых заключается в глубоком понимании капиталистического строя и его опасностей; этим пониманием они расчистили путь к социальным реформам". Но вернемся к договору рабочего и предпринимателя.

Замена старого права о труде—правом о найме и патриархального отношения—отношением покупателя к продавцу с точки зрения формального права представляет громадный шаг вперед. Принципиально законодательство признало равноправие рабочего и работодателя. Но по существу произошло ухудшение, и неравенство фактически продолжало оставаться тем же неравенством. Работодатель вправе при переполнении рынка понижать заработную плату,—рабочий-же вправе при возрастающем спросе на рабочие руки требовать повышения заработной платы соответственно положению рынка.

Работодатель, полный воспоминаний о своем прежнем положении господина, видит в требовании повышения заработной платы ни на чем не основанную дерзость, а в притязании рабочих на участие в установлении условий труда — невыносимую наглость. „Он отказывает рабочему—говорит Брентано о работодателе—в действительном признании за ним положения, отведенного ему законодательством".

Итак поступает, думает Брентано, не один предприниматель, но и власти, и общественное мнение.

Особенности труда—товара, по Брентано, заключаются в том, что: 1) личность рабочего неотделима от его труда, 2) у рабочего нет ничего иного, кроме труда.

И вот, в результате, кто устанавливает условия труда—тот устанавливает размер труда, цену физического, умственного, нравственного, гражданского состава рабочих.

Появилось законодательство, защищающее слабых. § 105 установил, что отношения между рабочим и работодателем есть предмет свободного соглашения, за исключением ограничений, указанных общеимперским законом. Но этот § все-же—результат социальной эволюции и борьбы.

В этой борьбе рабочий является самой слабой стороной. Бедность, незнание рынка, незнание положения промышленности—ставит его в тяжелое положение. Тут являются различных званий и рангов „благодетели", с самыми разнообразными прожектами избавления рабочего класса от невыносимо тяжелого положения.

Наиболее утопичным является — предложение мальтузианцев: влиять на рабочий рынок посредством воздержания от произведения потомства.

Брентано так говорит об этом предложении; „Половая стачка должна быть международной, но и тогда это быть может уменьшило-бы предложение труда в

будущем поколении". Далее, при уменьшении спроса на труд, единичный рабочий не в состоянии сократить и регулировать предложение труда. Армия безработных, „этот неизбежный спутник существующего способа производства, наводняет рынок свободными руками и голодными ртами и, конечно, тем самым мешает этому регулированию и сокращению. Смит и Тюрго, требуя и выставляя принцип свободного договора, имели перед глазами мелкое производство с мастерами—одиночками; в крупной промышленности, за редкими исключениями, нет индивидуальных условий труда и, в противоположность мелкому производству, здесь не применим и не соответствует условиям места принцип „свободного договора". В крупной индустрии договор заключается между сильным капиталистом—предпринимателем с одной стороны и слабыми, неорганизованными массами с другой. Но на помощь рабочим массам приходят профессиональные рабочие союзы.

Под влиянием профессиональных союзов свободный рабочий договор получает несколько иной характер. Благодаря профессиональным союзам, рабочий договор достигает развития, которого он, согласно экономической природе договорного об'екта, должен достигнуть с естественною необходимостью. Он не диктуется более отдельным работодателем каждому рабочему в частности, а заключается на общих для всех членов организаций условиях, выработанных третейскими судами и в камерах соглаше-

ния, опирающихся на союзы рабочих и общества работодателей. Только благодаря этому осуществляется то равноправие сторон при заключении рабочего договора, из которого исходило законодательство, провозглашая свободу рабочего договора. Только благодаря этому осуществляется лежащее в ее основе политико-экономическое представление о рабочем, как продавце, и работодателе—как покупателе. Только благодаря этому работодатель приобретает недостающую ему теперь уверенность в соблюдении рабочим договора. Таким образом, лишь благодаря этому, устраняется дисгармония между правом и действительностью, расшатывающая,—поскольку рабочий договор есть договор о куплепродаже,—наши современные социальные условия, и в то же время лишь благодаря этому даны условия, связанные с надеждой, из которой исходило законодательство, об'являя „свободу рабочего договора",—что свобода эта поведет к возможно большему развитию сил и к благополучию каждого. Кроме того, профессиональные союзы оказывают, так сказать, воспитательное воздействие, как на работодателя, так и на рабочего. Работодатели логикою обстоятельств вынуждаются к действительному признанию того равноправия рабочих при заключении рабочего договора, которое законодательство давно уже признало за ними. Рабочие приучаются к познаванию тех пределов, которые ставятся самою природою

вещей на пути к осуществлению их требований и желаний.

Результатом этого взаимного воспитания—является вызываемая в обоих сторонах склонность заменить борьбу лучшим средством при посредстве третейских судов и договорных отношений [1]).

VI. Общая оценка исторической школы.

Перейдем теперь к общей оценке исторической школы, как научного направления, и выясним себе условную ценность теоретических воззрений историзма, этого детища немецкого протекционизма. Ей прежде всего должно поставить в актив тот грандиозный фактический материал по истории учений и истории хозяйства, который собрали и разобрали его многочисленные представители.

Уже пионеры этого направления вызвали в германской науке живой интерес к изучению фактической истории хозяйственного быта и дали сильный толчек к появлению множества превосходных исторических монографий; затем появился ряд выдающихся коллективных работ. Таковы многотомные исследования „союза социал—политиков“ (Verein'a für Socialpolitik), громадный словарь Конрада (Handwörterbuch der Staatswissenschaften), словарь Эльстера

1) „Народное хозяйство“, книга IV, 1903 г., Брентано: „Профессиональные организации рабочих“.

и пр. В том же духе и Die Entwickelung der deutsches Volkswirtschaftslehre im 19 Jahrhundert, посвященная Шмоллеру и т. д. Некоторые из экономических журналов, вроде журналов проф. Конрада, Шмоллера, Брауна и издания семинарий (Брентано, Шмоллера, Бюхера и многих других) представляли, в конце концов, те же коллективные исследования, иногда производимые даже по общему плану. В результате смысл минувших учений и картины прошлого экономического быта были восстановлены с редкой добросовестностью и кропотливой точностью; перед умственными взорами ученых встали средневековые цехи, денежные системы, которые историческая школа обстоятельно изучила. Этим историческая школа не ограничивалась. Она изучала, кроме того, городскую жизнь, рабочий вопрос, земледелие, экономическую историю в самом широком смысле этого слова. В актив-же исторической школы необходимо поставить и то строгое отношение к методологии вообще и к приложению своего метода в частности, которое так характерно для исторической школы. Следуя своему требованию эмпирического (индуктивного) метода, „историки“ тем самым были превосходными коллекционерами, очень осторожными в своих обобщениях. В итоге в настоящее время ни одно научное направление в политической экономии не может обойтись без знакомства с указаниями и добытым материалом исторической школы. В смысле развития экономической теории главнейшей заслугой

исторической школы было внедрение идей историзма и релятивизма в изучении общественных явлений, что в корень подкапывало безапелляционный снобизм английской „универсальной“ теории. Это было, тем самым, окончательное изгнание классической школы с ее человеком без веры, класса, национальности, с ее ультра классовым буржуазным хозяйством „вне времени и пространства“. Интересы немецкого протекционизма, как раз наоборот, поставили все местное, временное, изменчивое—на место космополитического, вечного и неизменного, этих основ классической школы. И вместе с тем бесстрастное отношение к миру сменилось определенным морализированием. Уже начиная с протеста против экономического стремления к наживе, — этой основной черты хозяйствующего индивида классической школы,—историзм вводил этические моменты в экономическую теорию. С точки зрения той же буржуазной морали, историческая школа яро протестует против невмешательства в экономические отношения и в ненавистный ей рабочий договор, считая, что носителем идеи справедливости должна быть внеклассовая и беспартийная государственная власть.

Итак, идея государственного вмешательства и особенно этическая реакция против „материалистического“ классицизма и экономического оптимизма манчестерцев должны быть поставлены в число положительных черт исторической

школы. Обобщая их взгляды, можно сказать, что не односторонний эвдемонизм ради личности, а альтруизм ради всего целого, ради „народа“ и „народности“, ради „наций“ и „национального“, должен быть поставлен во главу угла. И, наконец, органически связываясь с общими положениями предыдущего, они выдвигают учение о государственном вмешательстве, а абсолюту экономического либерализма они противопоставляют принцип относительности, релятивизма экономической жизни и экономических явлений. И, действительно, историческая школа, указывая на решающее влияние обстоятельств и на развитие форм экономической жизни, во многом развязывает руки скованной раньше социальной политике. Возвращаясь к принципу релятивизма, относительности, нельзя не указать особенности его характера в приложении к вопросам прикладной экономической политики. Во первых: „мы видим,—говорит один из представителей исторической школы, что небольшие произвольные уклонения, возможные на пути развития, то в ту, то в другую сторону, большей частью уравновешивают друг друга по закону больших чисел. И здесь встречаются виды гармонии часто поразительной прелести, которые существовали с давних пор, прежде, чем кто-либо из людей мог их предчувствовать. Они выражаются в бесчисленных законах природы, независящих от признания их людьми и над которыми, как заметил Бэкон, только

тот может приобрести власть, кто умеет им подчиняться. Разве не должен быть принимаем во внимание наукою тот необ'яснимый, не бросающийся с первого взгляда основной фон картины вещей, пред которым наш анализ должен остановиться, назовем-ли мы его жизненной силой, или родовым типом, или божественной мыслью. Тем необходимее, при исследовании этих основ человеческих знаний, со стороны ученых самопознание и честность, признающих существование этого порядка, ибо, отрицая его, пришлось бы отрицать связь целого, представляющую гораздо большую важность, чем анализируемые частности. Тем, конечно, решительнее я должен протестовать против желания обвинять в ереси тех, которые не понимают священной обязанности науки, путем все далее идущего исследования отодвигать все более назад эти необ'яснимые основы скрытого порядка".

Такие положения определили отношение историзма к социальной проблеме вообще и к рабочему вопросу в частности. Эти положения в разных вариациях повторялись историками при разных поводах и случаях.

Каждое мероприятие, каждый законопроект правительства, особенно обсуждавшийся в „союзе социальной политики"[1]), снабжался вышеприведенными общими положениями.

[1]) Задачи нового союза были формулированы во вступительной речи Шмоллера, который заявил, что общим для собрав-

Кстати, о „союзе социальной политики", Verein für Socialpolitik. Это типичная практическая платформа историзма. В экономической литературе начала XX века много говорилось о „крайностях" историзма.

Каждое направление, при наличности подходящих условий, может быть доведено до крайностей. Тоже случилось и с историческою школою, во втором и третьем поколении ученых легко выродившейся в простое безидейное описательное направление. Что у первых пионеров историзма являлось чисто теоретической позицией, своего рода безусловно философским экономическим агностицизмом, у дальнейших развивателей историзма превратилось именно в полную безидейность. Это привело к мелочности, архивности, опортунизму и попыткам теоретического обоснования тех чисто случайных классовых тенденций, которые развивали первые представители этого направления.

Но раньше, чем окончательно установить размеры и характер „пассива" исторической школы необходимо коснуться ее экономической политики: последняя проникнута опортунизмом, неизбежным результатом положения „между двух огней",

---

шихся является прежде всего определенное представление о государстве, одинаково далекое, как от либерального индивидуума, выше всего ставящего свободу личности, так и от социалистического идеала государства, поглащающего личность. История Verein'a fur Socialpolitik изложена в книжке Else Conrad: Der Verein für Socialpolitik, Iena, Fischer, 1906 г.

т. е. между реакционно-буржуазным лагерем и социализмом. В итоге эта средняя позиция—обязывает признавать нечто среднее, т. е. социальную реформу без социального радикализма, социальный эволюционизм без революционизма. Таким образом, в „пассив“ исторической школы мы ставим:

1. Изгнание идеалов, безидейность в теории, как результат своеобразного теоретического „агностицизма“.

2. Опортунизм в практической политике.

3. Предпочтение архивных изысканий при избрании тем для исследований.

4. Предпочтение описания анализу и синтезу.

5. Неопределенное, часто враждебное отношение к социализму.

Но в социализме,—нужно отдать справедливость многим представителям историзма, — они все же признают „здоровое ядро“. Вагнер и Шеффле в некоторых положениях даже близки к социализму. Другие представители историзма, как, напр., Геркнер и Брентано, близко подходят к ревизионистам социал-демократии, к идеям Фольмара и Бернштейна.

Некоторые исследователи неясно себе представляют основную теоретическую позицию историзма и его философское обоснование. В поисках логических построений рационалистического типа они находят здесь только эмпирический материал и

останавливаются перед ним в недоумении. Вообще отличительная черта исторической школы—отсутствие солидного теоретического базиса и общее пренебрежение к теории. Сам Рошер, глава школы, ровно ничего не сделал в области экономической теории. Даже и в области построения истории хозяйства заслуги Рошера весьма невелики.

Впрочем, далее тот-же экономист высказывается несколько иначе. Он говорит, что благодаря увлечению архивностью экономисты исторической школы не блещут широкими обобщениями или глубокомысленными историко-экономическими теориями... они стремятся осторожным сопоставлением фактов прошлого хозяйственного быта с фактами современности достигнуть беспристрастного и об'ективного понимания последней.

Это де им не всегда удается, но нельзя отрицать их заслуг, как усердных собирателей научных фактов.

Имеются суждения еще более резкие; так, наприм., Карл Каутский следующим образом характеризует историческую школу: „Историческая школа буржуазной экономии в своем настоящем виде считает стремления к общей оценке общественного движения пережитым уже взглядом. По их мнению, экономическая наука не должна заниматься исследованием социальных законов и об'единением их в одну общую систему; задача ее ограничивается простым зарегистрированием социальных явлений прошлого

и настоящего. Таким образом, она привыкает плавать по поверхности вещей. Если-же какой—нибудь из ее представителей, несмотря на это, почувствует искушение идти в глубь вещей, то ему, оказывается, очень не по себе на этой глубине, и он беспомощно осматривается кругом. С некоторого времени и в рядах нашей партии распространилось стремление вытеснить теорию Маркса не какой—либо иной теорией, но недостатком теории, свойственным исторической школе,—заменить теоретика репортером. Пусть тому, чья задача состоит не в простом бесцельном шатании от факта к факту, а в планомерном и решительном движении к одной великой цели, раскрытая нами здесь брентановская путаница послужит предостережением против современных методов исторической школы"[1]).

При менее суровом и более спокойном отношении к историзму нельзя не признать его серьезных заслуг в сфере изучения прошлых и настоящих судеб экономического быта и экономической мысли, что уже одно, несомненно, дает ценную основу для всего дальнейшего развития экономической науки.

Вместе с тем и для деятелей и законодателей в области практической хозяйственной жизни с

---

[1]) Каутский, К.: „Толстой и Брентано", в сборнике статей Каутского: „Очередные проблемы международного социализма", русск. пер. В. Величкиной и Н. Ульяновой, книгоизд. «Орион», Спб., 1906 г., стр. 126.

появлением трудов исторической школы создалась более твердая и притом фактически обоснованная почва.

Литература об исторической школе не особенно обширна. Отзывы, сведения и характеристики исторической школы можно найти во всех главнейших сочинениях по истории политической экономии (Кауц, Ингрем, Бунге, Эспинас, Мейер, Косса, Эйзенгарт, Людвиг Штейн, Туган-Барановский и пр.), также в книге М. В. Бернацкого: „Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка", Спб., 1911 г. Имеется и несколько специальных работ, посвященных исторической школе; из них наиболее существенны:

1. Bergho-ff-Ising: Ueber die historisch-ethische Richtung in der Nationalökonomie. Leipzig (Д. и Н.) 1889.

2. Schüller, Richard: Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. 1895. Его—же—Die Wirtschaftspolitik der historischen Schule. Leipzig-1891.

3. St. Mark: Etude sur l'enseignement de l'economie politique dans les universités d'Allemagne et d'Autriche. Париж. 1892.

4. Oppenheimer: Der Kateder-Socialismus. 1872.

5. Roscher, W.: The History of German Political. Economy, в „Essays in Political and Moral Philosophy". 1879.

6. Rue John: The Economic Movement in Germany, в „Contemporary Socialism", 2 изд. 1891.

7. Philippovich, Eugen: „The Verein für Socialpolitik", в Quarterly Journal of Economics, окт. за 1894.

8. Conrad Else: Verein für Socialpolitik. Iena. 1906.

9. Meinong: Phychologisch—etische Untersuchungen zur Werttheorie. Грац. 1899.

10. V. Ehrenfels: Werttheorie und Ethik, в журн. „Vierteljahresschrift für wissenschaftl. Philosophie" за 1893 и 1894. Его-же System der Werttheorie, Т. I. Лейпциг, 1897.

11. Симоненко, Ф.: Политическая экономия в ее новейших направлениях.—Обзор и критическая оценка учений главных представителей современной экономической науки, особенно ново-исторической школы. Варшава. 1900 г.

12. Н. И. Бухарин: Политическая экономия рантье. М. 1919.

Финансовый капитал и его идеология— «Австрийская» школа.

I.

После Венского кризиса 1873—4 г.г., глубокого и исторически важного, происходит глубокий перелом в развитии европейского промышленного капитализма. Франко-прусская война, Парижская коммуна 1871 года, грандиозный торгово-промышленный кризис Европы 1873 года, захвативший весь континент от Англии до России, заставил, наконец, всю европейскую буржуазию реконструироваться.

Смысл переворота состоял в том, что индивидуальный капиталист прежних дней, это детище конкурренции и личной наживы,—сменился организованною классовою группою — синдикатами, картелями, трестами, кернерами, рингами, пулами, комбинациями и пр., переродившими и организацию и смысл капиталистического производства. Трестификация солидаризировала и сконцентрировала капитал, проникший в производство, начавши его регулировать и подчинять кредитным учреждениям, тоже об'единившимся. Так выросли новые руководители промышленности „финансисты", а над промышленностью выросла новая сила—финансовый капитал, безличный, сильный, мощный, глубоко враждебный и интересам обывателей (потребителей) и всему рабочему классу. Его выразителем стал рантье, всесветный, неработающий, и не-

навидящий и производство и революцию, и пролетариат буржуа. Он теперь носит модное наименование рантье.

Высокоталанливый русский марксист Николай Бухарин в своем превосходном исследовании политической экономии всесветного рантье метко и образно характеризует классовую подоплеку этого основного персонажа финансовой буржуазии и его классовую идеологию [1]).

Интересны указания Бухарина.

„В своей последней книге опроисхождении „капиталистического духа“,— говорит он“,—Вернер Зомбарт исследует характерные черты предпринимательской психологии; но он рисует только одну восходящую линию в развитии буржуазии; перед его глазами—исключительно победное шествие „третьего сословия“, он не видит и не исследует буржуазной психологии в ее деградации. Но и у него можно найти все же очень любопытные образчики подобной психологии, правда, не последнего времени. Вот как характеризует он „haute finance“ во Франции и Англии 17 и 18 столетия: „Это были очень богатые люди, большей частью буржуазного происхождения, которые в качестве откупщиков налогов

---

[1]) Н. Бухарин: Политическая экономия рантье М. 1919 г. Развитие тех же идей продолжает молодой петроградский марксист Александр Вознесенский в своей прекрасной статье „Социально экономические предпосылки австрийской школы“ в № 4 „Записок научного общества марксистов“ за 1923.

с государственных кредиторов разбогатели и плавали теперь, как блестки жира на супе, стоя совершенно в стороне от хозяйственной жизни". В связи с упадком „капиталистического духа" в Голландии 18 столетия буржуа, правда, не „феодализируется", как в других странах, но, если так можно выразиться, он начинает страдать ожирением. Он живет со своих доходов... интерес к каким бы то ни было капиталистическим предприятиям все более падает".

Еще один пример. Английский писатель второй половины 17 века, Дефоэ, пишет о процессе образования рантье из купцов: „Прежде купец должен был раньше всего быть прилежным и деятельным, чтобы добывать себе свое состояние; теперь же ему не приходится делать ничего иного, как только принять решение быть ленивым и бездеятельным. Государственная рента и владение землей суть единственно подходящее место для его сбережений". Та же психология свойственна и „финансистам" современности.

„Капиталистическое развитие последних десятилетий с необыкновенной быстротой аккумулирует громадные массы „капитальных ценностей". Накопленная прибавочная ценность притекает—благодаря развитию всевозможных форм кредита—и к лицам, не имеющим отношения к производству; число этих лиц все возрастает и образует целый общественный класс—класс рантье. Эта группа буржуазии не со-

ставляет, правда общественного класса в настоящем смысле этого слова, она есть лишь известная группа в рядах капиталистической буржуазии; но тем не менее она развивает некоторые, только ей свойственные черты „общественной психологии". С развитием акционерных кампаний и банков, с созданием целой грандиозной отрасли торговли ценными бумагами, появляется и укрепляется эта общественная группа. Сфера ее экономической жизни есть по преимуществу сфера обращения, главным образом, обращения ценных бумаг, фондовая биржа. Но—что для нас наиболее важно—и внутри этой группы лиц, живущих на доход от владения ценными бумагами, имеется ряд оттенков, при чем крайним типом является слой, который стоит не только вне производственной жизни, но и вне процесса обращения. Это—прежде всего, владельцы ценных бумаг с твердым курсом: государственной ренты, облигаций различных видов и т. д., а затем лица, употребившие свои капиталы на покупку земли и имеющие постоянный и прочный доход. Тут уже нет участия и в тревоге биржевой жизни, и если владельцы акций, которые так тесно связаны с треволнениями спекуляции, каждый день могут потерять все, или, наоборот, быстро взлететь вверх, если они поэтому живут жизнью рынка, начиная от активной деятельности на бирже и кончая чтением биржевых бюллетеней и коммерческих газет, то группы, имеющие твердый доход, перестают быть связанными

и с этой стороной общественно-экономической жизни они выходят уже из сферы обращения. И опять таки: чем сильнее развита система кредита, чем она эластичнее, тем большая возможность имеется „ожиреть“ и „быть ленивым и бездеятельным“. Об этих возможностях заботится сам капиталистический механизм, делая социально безполезными организаторские функции значительного числа предпринимателей, он выбрасывает в то же время из непосредственной хозяйственной жизни эти „бесполезные элементы“—они откладываются на ее поверхности, по очень меткому сравнению Зомбарта, как „блестки жира на супе“.

При этом нужно заметить, что владельцы бумаг с твердым курсом представляют не только не уменьшающийся, но все растущий слой рантьерской буржуазии: „Буржуазия превращается в рантье, которые вступают в подобные же отношения с крупными финансовыми учреждениями, как и с государством, чьи долговые обязательства они получают, там и и здесь им платят, и они ни о чем более не беспокоятся. Поэтому, конечно, весьма сильно должно увеличиться стремление буржуазии передавать свое имущество государству... Государство выказывает при этом признанное преимущество бо́льшей надежности. Акция, во всяком случае, обладает такими шансами на прибыль, каких не знают государственные бумаги, но за то у нее есть и грандиозная возможность проигрыша. Необходимо констатировать,

что буржуазия ежегодно производит значительный излишек капитала, но даже во время высокой промышленной кон'юнктуры только незначительная часть из него идет на эмиссию акций, гораздо большая же часть находит себе приложение в государственных долгах, коммунальных долгах, гипотеках и прочих ценностях, приносящих твердый процент.

Этот слой буржуазии является паразитической буржуазией по преимуществу и развивает такие „душевные особенности", которые сильно роднят его с разлагающимся дворячеством конца „старого режима" и с верхушками финансовой аристократии того же периода.

Самой характерной чертой этого слоя, резко отделяющей его как от пролетариата, так и от буржуазии иного типа, является, как мы видели, его отчужденность от хозяйственной жизни, он не принимает непосредственного участия ни в производственной деятельности, ни в торговле: его представители часто даже не стригут купонов. Наиболее обще можно поэтому определить сферу „деятельности" таких рантье, как сферу потребления. Потребление есть основа всей их жизни, и психология „чистого потребления" сообщает этой жизни ее особый „стиль". „Потребляющий рантье имеет перед глазами исключительно верховых лошадей, ковры, душистые сигары, токайское вино, если ему случится говорить о труде, то он говорит наиболее охотно о „труде" по срыванию цветов или о „труде" за-

траченном на покупку театрального билета. Производство, труд, затраченный на получение материальных благ, лежит вне поля зрения и представляется поэтому чем то случайным, а о настоящей активной деятельности нет и речи: вся психология окрашена в пассивные тона: философия, эстетика таких буржуа чисто созерцательна: в ней нет действенных элементов, которые так типичны для идеологии пролетариата. Последний живет именно в сфере производства, непосредственно сталкиваясь с „материей", которая для него превращается в „материал", в об'ект труда, он непосредственно наблюдает гигантский рост производительных сил капиталистического общества, новую, все развивающуюся машинную технику, которая позволяет выбрасывать на рынок все большие массы товаров, цена которых на рынке тем более падает, чем шире и глубже идет процесс технических усовершенствований. Для пролетария, таким образом, характерна его психология производителя. Наоборот, психология потребителя — такова основная характеристика жизни рантье".

У рантье, как класса, совершенно особое положение в производстве—он стремится быть в н е производственного процесса и его отношений. Обособляясь, он доводит до крайности свою ультра индивидуалистическую психологию. Все „социальное", „общественное", он инстинктивно ненавидит. Итак,— о б о с т р е н н ы й и н д и в и д у а л и з м — вторая характерная черта класса рантье.

Все это проникнуто крайнею боязнью—социальных катастроф, революции, социализма. Житейская философия рантье сводится к заботе о дне, текущем моменте, о непосредственно его окружающем. Развивается диаметрально противоположная психика—пролетарскому мироощущению.

Итак, вместе с Бухариным, мы должны признать, что австрийская теория—представляет собою идеологию буржуа, уже выброшенного из производственного процесса, деградирующего буржуа, который черты своей разлагающейся психологии навеки воплотил в своей—познавательно совершенно бесполезной—теории. Этому взгляду нисколько не противоречит то обстоятельство, что в современном научном обороте самая теория предельной полезности в том виде, как она разработана австрийцами, вытесняется еще более модной „англо-американской школой", наиболее выдающимся теоретиком которой является Кларк. Северная Америка с начала XX века была особенно благоприятною страною для развития — трестификации и финансового капитала. Текущая фаза капиталистического развития есть эпоха последнего напряжения всех сил капиталистического мира. Экономический процесс превращения капитала в „финансовый капитал" вновь вовлекает в производственную сферу часть буржуазии, которая стояла раньше в стороне (поскольку банковый капитал становится промышленным и делается организатором производства),—таковы

организаторы и руководители трестов. Это в высокой степени активный тип, политической идеологией которого является боевой империализм, а философией—действенная философия прагматизма. Этот тип гораздо менее индивидуалистичен, ибо он вырос в предпринимательских организациях, которые, как никак, представляют из себя все же коллектив, где личная воля отступает до известной степени на второй план. Соответственно этому и идеология такого типа буржуазии будет отличаться от идеологии рантье: она считается с производством, она прибегает даже к „социально-органическому" методу исследования всего общественного хозяйства в целом. Американская школа представляет из себя продукт прогрессирующей, а отнюдь не деградирующей буржуазии, из двух тенденций, имеющихся теперь—тенденции продолжающегося восхождения и начинающегося разложения—она выражает только первую; недаром эта школа проникнута американским духом, духом страны, о которой певец капитализма Зомбарт говорит: „Все, что капиталистический дух носит в зародыше, достигло теперь в Соединенных Штатах своего наибольшего развития. Здесь его сила пока что еще не иссякла. Здесь до сих пор еще все—буря и водоворот".

Таким образом там рантье является предельным типом буржуа, а теория предельной полезности—идеологией этого предельного типа.

II.

Австрийская школа в политической экономии впервые появилась в начале 70-х годов XIX в., с одной стороны как реакция против преувеличений и описательного направления, применяемого исторической школой, с другой—как дальнейшее развитие идеологии той формы капитализма — финансовый капитал и его носитель рантье,—которая развилась в последней трети 19 века.

Название „австрийской" она получила от того, что первым выступившим с резкой критикой историзма и обоснователем нового течения был австрийский экономист, профессор Венского университета Карл Менгер. Одновременно с ним выступили другие австрийские ученые: Фридрих фон Визер, Сакс, Цукеркандль, Евгений фон Бем-Баверк и др.

Заслуга исторической школы заключается в том, что она собрала громадный фактический материал по истории народного хозяйства и своим скептицизмом и выяснением значения условий места и времени развенчала абстрактность и универсализм классической школы. Это направление оставило будущим поколениям ряд солидных исторических монографий. Беспредельное увлечение индуктивным методом и стремление предоставить этому методу исключительное господство в теоретической политической экономии привело к тому, что многие пред-

ставители исторической школы совершенно исключили из экономической теории учение об общих принципах экономических явлений и свели весь анализ к простой регистрации фактов. Такое течение не могло, в конце концов, не встретить сильной оппозиции; она началась со стороны Карла Менгера и его последователей. Новое направление полагает, что не надо бояться абстракции, что всякая точная наука, какой является и политическая экономия, должна быть абстрактна, а следовательно и метод ее должен быть абстрактным, дедуктивным, или, придерживаясь терминологии австрийской школы,—должен быть „точным" (Exacte Metode). Началом борьбы против историзма послужило сочинение Менгера: „О методах в социальных науках и в политической экономии в особенности", в котором излагаются основы новой экономической методологии. Менгер усматривает причину упадка теоретической экономии именно в господстве статистико-исторического метода. „Когда наука сбивается с истинного пути, когда господствующие школы вносят в нее ложные методологические приемы, тогда-то, — говорит он, — выяснение методологических вопросов является условием дальнейшего прогресса и тогда чрезвычайно уместен спор о методе" [1]).

---

[1]) Menger, K.: Ueber die Methode etc., предисловие, стр. XII-ая.

Вопрос о методе, как известно, ставился в политической экономии часто и раньше, но постановка его была чересчур прямолинейна; его сводили к следующей форме: каким путем мы достигаем познания экономических законов—путем индукции или дедукции? Но при этом забывали, что политическая экономия не представляет собой чего-нибудь целого, однородного, развитие ее шло по разным направлениям и в данное время она заключает в себе четыре отдела экономических знаний (теоретическую политическую экономию, экономическую политику, финансовую науку и хозяйственную историю), а потому не может быть и вопроса об единстве метода на всем протяжении данной отрасли знания. В итоге, все будет зависеть от того, который из этих четырех отделов мы имеем в виду.

Этим же до известной степени об'ясняется и прежняя безрезультатность споров о методе. Чувствовалось, что вопрос нуждается в правильной его постановке; заслуга нового пересмотра вопроса справедливо выпала на долю Менгера.

Другим основным вопросом, который выделил австрийцев из среды остальных европейских экономистов, был вопрос о ценности и вытекающее из него учение о доходе на капитал. Здесь они создали особое учение о суб'ективной ценности, имеющее свою историю, но о ней—ниже.

III.

Основоположною книгою австрийской школы можно считать вышеупомянутую книгу Менгера о методе. Вокруг этого сочинения завязалась ожесточенная полемика. Менгеру возражал экономист—историк, берлинский профессор Густав Шмоллер в статье „Zur Methodologie der Staats-und Socialwissenschaften", напечатанной в Шмоллеровском Ежегоднике в 1883 году. Здесь Шмоллер точнее формулировал ранее высказанные им взгляды на метод в его известной работе „Ueber einige Grundfragen des Rechts und Volkswirtchaft", появившейся в 1875 году. Возражение Шмоллера вызвало новое нападение, уже чисто полемическое, со стороны Менгера в его книге „Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie", изданной в следующем, 1884 году. В этом же году два других ученых—Dietzel и Emil Sax издали свои методологические исследования в поддержку воззрений Менгера. В 1888 году появилась небольшая контр—работа Брентано „Die Klassische Nationalökonomiel". Ему, впрочем, много позднее возражал ученик Менгера Richard Schüler в интересной брошюре „Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner" (1895 г.). Такова внешняя сторона этого многолетнего спора, уже имеющего в лице Hasbach'a и Artom'a [1]) своих историков. У нас в России инте-

---

[1]) Camillo Artom: „La recente evolutione della metodologia nella scienza economica". (Giornale degli Economisti, 1888).

ресовавшихся этим знаменитым методологическим спором своевременно ознакомил с ним проф. Левицкий, ставший при его оценке на сторону австрийской школы [1]).

Рассмотрим м е т о д, по которому Менгер ведет свое исследование в теоретической экономии. Мы уже упоминали о том, что этот метод получает название „точного", „экзактного". Посмотрим, в чем заключается его сущность. Формулировать этот метод можно следующим образом: раз какое либо явление наблюдается при наличности данных условий, то при наступлении тождественности тех же условий должно быть налицо и вышеупомянутое явление. Здесь и заключается основная разница между методом новым и методом эмпирико-реалистическим, господствующим в исторической школе. Эмпирико-реалистический метод констатирует факты хозяйственной жизни, говорит, что за такими то явлениями следует такое-то, но неизбежности следования этого явления за предшествующими—этой уверенности закона он не дает. Для того же, чтобы прийти к такому закону, выражающему неизменный порядок явлений,

---

Artom различает три направления—историческое, экзактное и органическое, которое многие не выделяют в особое направление.

[1]) Левицкий, В.: „Вопрос о методе политической экономии в новейшей германской литературе", в журнале „Юридический Вестник" за 1884 г., Его-же. „Задачи и методы науки о народном хозяйстве". Ярославль. 1890 г.

мы должны искать точку опоры уже не в эмпиризме явлений, а в свойствах человеческого мышления, дающего нам возможность явления конкретной действительности рассматривать в абстрактном виде, путем нашего мышления „абстрагируя их". Все факты социальной жизни отличаются крайней сложностью и запутанностью, так как они являются производными разнообразных стремлений присущих человеку, моральных, религиозных нравов, стремлений к поддержанию физической жизни отдельного индивидуума, семьи, целого общества и т. д. Поэтому различные дисциплины об'ясняют только какую нибудь сторону этих сложных социальных явлений.

Политическая экономия идет тем же путем — и она берет часть этой обширной науки — социологии, а именно она ставит своей задачей выяснить законы человеческого общества со стороны хозяйственной деятельности. Верная своему „точному" методу, она исходит из наиболее общих факторов хозяйственной жизни, а такими она считает потребности человека и стремление к их удовлетворению с наименьшею затратою труда.

Теоретическая политическая экономия изучает мир хозяйственных явлений не во всей их полноте, а берет только отдельные их стороны. Такое изучение и есть логическое развитие „точного" метода, противопологаемого индукции исторической школы.

Другой не менее коренной вопрос, выделяющий австрийскую школу из ряда других экономических

учений, это учение о ценности, занимающее центральное место в политической экономии.

Учение о ценности, предложенное австрийскою школою (субъективная теория ценности), завершает развитие теории, имеющей свою полуторавековую историю.

Идея соотношения ценности с полезностью получает в 19 веке развитие в трудах Томаса, Госсена, Джевонса, Вальраса, Менгера, Визера, Бем-Баверка.

Томас написал в 1841 году книгу „Theorie des Verkehrs", в которой выводит образование цены и ценности из человеческой оценки наслаждения.

Госсен написал книгу, вышедшую в 1854 г „Entwickelung der Gesetze de menschlichen Verkehrs", но эта книга вследствие своей неясности, обилия математических формул и общей странности изложения до последнего времени оставалась неоцененной.

Госсен, после длинного определения значения удовольствия, говорит: „Внешний мир имеет для нас ценность, и отсюда следует, что ценность внешнего мира для нас именно в той же мере поднимается и опускается, как помощь, которую она нам оказывает при достижении нашей жизненной задачи. Размеры же этой помощи точно измеряются размерами (величиной) удовольствия (Lebensgenuss), которое она нам доставляет". (Госсен, стр. 24).

Госсен делит все предметы на три класса: I-й—дары природы и произведения (специально), только что вышедшие от мастера. II—все остальные предметы внешнего мира. III—землю (природу), косвенно создающую предметы. Все эти три категории оцениваются по степени их способности удовлетворять наслаждение.

Как мы уже упоминали выше, книга Госсена прошла совершенно незамеченной и о ней вспомнили только тогда, когда та же теория ценности была развита почти одновременно и совершенно самостоятельно Джевонсом [1]), Карлом Менгером [2]) и Вальрасом [3]).

Все три вышеупомянутых экономиста пришли к отрицанию взгляда, что ценность есть свойство вещи самой по себе, ее, так сказать, аттрибут. Они нашли, что ценность есть только отношение между отдельным хозяйствующим суб'ектом и предметом, т. е. что ценность есть понятие не об'ективное, а вполне и исключительно суб'ективное.

Второе, не менее важное положение, к которому они пришли, заключается в определении, что понятие ценности неразрывно связано с представлением об определенном ограниченном количестве предметов запаса благ.

---

[1]) Джевонс, (Jewons): „Theory of Political Economy", 1871.

[2]) Менгер, К. (Menger): „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre", 1871.

[3]) Вальрас (Walras): „Elèments d'èconomie politique pure" 1874.

Карл Менгер, в 1871 году (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, (Theil), определяет ценность для нас только тех благ, которые служат для удовлетворения потребностей. В ценности нет ничего произвольного. Фридрих фон Визер в 1884 году (Ueber den Ursprung und Haupt-Gesetze des wirtschaflichen Wertes) об'явил ценность общим хозяйственным явлением, не связанным с частнохозяйственным производством. Наконец, Евгений фон Бем-Баверк в 1886 г. в журнале „Jahrbücher der Nationalökonomie" (Grundzüge der Theorie der Wirtschaftlichen Güterwertes) изложил уже теорию предельной полезности.

По мнению представителей суб'ективной или австрийской школы, ценность не является об'ективным, внутренним свойством материальных благ, ценность, по их определению, есть результат своеобразного отношения между об'ектом и суб'ектом, но они подчеркивают главным образом этот суб'ективный момент в ценности, и поэтому ценность определяется следующим образом: „Ценностью называется то значение, которое представляет материальное благо или комплекс материальных благ с точки зрения благополучия суб'екта".

От суб'ективной ценности они строго отличают об'ективную ценность, рассматриваемую ими исключительно, как меновая сила. Но что является мерилом ценности данного блага? Мерилом является та величина пользы, которую приносит данному суб'-

екту материальное благо, отсюда устанавливается точное определение понятия полезности хозяйственных благ. Здесь мы встречаемся с двумя видами полезности,—одно понятие абстрактной полезности данного рода вещей, и затем польза, извлекаемая из данного конкретного предмета. Эти два понятия совершенно различны, ибо ответы при их оценке будут даны диаметрально противоположные.

Тут берется пример воды. Вода полезна вообще, но не каждый стакан воды приносит нам одинаковую пользу.

Так как выгода, получаемая человеком от обладания материальными благами, заключается в большинстве случаев в удовлетворении его потребностей, то мы можем поставить два вопроса: 1) удовлетворение какой из нескольких потребностей зависит от данного предмета и 2) как велика важность соответствующей потребности и ее удовлетворения? Расчленяя это положение на два вышеформулированные вопроса, мы подходим к менгеровской скале человеческих потребностей. Посмотрим же, какое понятие потребности кладет он в основание своей скалы.

Он берет не различные виды потребностей, а отдельные конкретные потребности, в силу того, что, хотя скала конкретных потребностей и является более сложной и запутанной, но она дает нам более реальное и соответствующее действительности представление о потребностях и степени их удовлетво-

рения. Действительно, если мы возьмем пределы одной и той-же потребности, то не всегда эта потребность будет одинаково интенсивной. Часто же возможно такое положение, что конкретная потребность в пище будет стоять ниже конкретной потребности маловажных видов и т. д.

Итак, мы видели, что в основу своей скалы Менгер берет конкретные потребности и анализирует все потребности вместе взятые, а затем в пределах каждой удельной потребности все сводится к установлению двух принципов: 1) классификация различных наших потребностей и 2) последовательность в важности для нас каждой отдельной потребности. Представим себе, что мы имеем 10 предметов, которые удовлетворяют 10 различным потребностям. Расположим в нисходящем порядке по их сравнительному значению и наметим внутри каждой из них последовательные ступени.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	9	—	—	—	—	—	—	—	—
8	8	8	—	—	—	—	—	—	—
7	7	7	7	—	—	—	—	—	—
6	6	6	—	6	—	—	—	—	—
5	5	5	—	5	5	—	—	—	—
4	4	4	4	4	4	4	—	—	—
3	3	3	—	3	3	—	3	—	—
2	2	2	—	2	2	—	2	2	—
1	1	1	1	1	1	—	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Получилась схема, в которой римские цифры суть категории потребностей, арабские цифры— различные виды конкретной потребности. I—представляет собой самый важный вид потребностей, напр., потребность в пище, II—потребность в одежде, III—в жилище, IV—в чистоте, V—табак и т. д. Арабская же цифра 10 показывает самые важные конкретные потребности, цифры 9, 8, 7, 6 все менее и менее важные конкретные потребности вплоть до 1, т. е. самой маловажной конкретной потребности. То, что дает взятая нами скала, можно определить следующим образом:

1) „соизмерение различного значения потребностей;

2) выбор между оставшимися без удовлетворения и подлежащими удовлетворению;

3) определение степени, дойдя до которой каждая потребность должна найти себе удовлетворение.

Все это и составляет именно ту часть экономической деятельности людей, которая: 1) более всякой другой занимает умы, 2) оказывает наибольшее влияние на их экономические стремления и 3) почти непрерывно производится каждым хозяйствующим суб'ектом".

Теперь посмотрим, каким путем идет удовлетворение потребностей, зависящих от данного материального блага? Несомненно, что простая забота о собственной пользе заставляет каждого человека

соблюдать строгий порядок в вопросе удовлетворения своих потребностей.

Начиная с самых важных, служащих для поддержания нашей жизни, затем уже идет забота об удовлетворении все менее и менее важных и неотложных потребностей. Обратимся к тому же примеру с водой. Первый стакан воды служит для питья (т. е. поддержания жизни), второй для умывания, третий—для менее важных нужд и так далее, т. е. чем больше запас данного блага, тем менее важная потребность удовлетворяется им, тем ниже спускается полезность последнего члена этого ряда.

Эту наименьшую полезность единицы данного запаса хозяйственных предметов Визер назвал Grenznützen, Джевонс—final degree of utility, а по русски—предельною полезностью. Эта предельная полезность очень важна при оценке благ. Мы видели, что каждая последующая единица запаса удовлетворяет менее важной потребности. Допустим, что у нас запас ограничен. Какая же из наших потребностей останется неудовлетворенной при утрате единицы запаса?

Ответ очевиден, т. е. наименее важная потребность из числа могущих быть удовлетворенными при помощи данного запаса, или говоря другими словами, та потребность, которая занимает последнее место в ряду потребностей.

Вывод чрезвычайно важный: итак „основою ценности служит не наибольшая польза, которую могла

бы принести данная вещь, и не средняя польза которую может принести вещь данного ряда, а именно наименьшая польза, ради получения которой эта вещь, или вещь ей подобная, еще может рациональным образом употребляться при конкретных хозяйственных условиях“ (Бем—Баверк, стр. 44). Отсюда и измерение ценности вещи величиною ее предельной пользы. Тут строго разграничиваются понятия ценности и полезности. Конкретная польза каждой единицы запаса различна, но ценность всей их суммы всегда будет одинакова. Эти понятия нередко смешиваются и при их смешении чрезвычайно трудно разобраться во всей теории субъективной ценности. На основании всего вышеизложенного, понятны будут кажущиеся на первый взгляд противоречивыми факты, подобные тому, что малополезные вещи имеют ценность большую, чем гораздо более полезные.

Максимальная полезность пищи выше, чем полезность жемчуга и алмаза, но предельная полезность ниже, ниже этой же полезности алмаза и жемчуга.

Мы видим, что предельная полезность падает от величины запаса. Запас же жемчуга и алмазов ограничен, следовательно его предельная полезность всегда высока, и потребность в них у богатых классов населения всегда далека от удовлетворения. Математического соотношения между падением предельной полезности разных предметов не существует, так как падение предельной полезности

предметов необходимости падает очень быстро, в виду того, что существует естественный предел для насыщения, но не то мы видим, когда вопрос касается предметов роскоши и украшений, эта потребность никогда не бывает вполне удовлетворенной. Отсюда, как естественный результат, вытекает и резкое колебание цен предметов первой необходимости и относительная устойчивость предметов роскоши.

Вот главная сущность и развитие теории суб'ективной ценности, какое она получила в трудах Менгера, Бем-Баверка и Визера.

Скажем еще несколько слов об об'ективной меновой ценности и как она понимается австрийской школой. На эту ценность австрийцы смотрят как на способность какого-нибудь предмета обмениваться на другие материальные блага, то-есть это и будет простая меновая сила, присущая данной вещи. Вся теория об'ективной меновой ценности вытекает логически из теории суб'ективной ценности, т. е. главным моментом в установлении цены товаров будет суб'ективная оценка со стороны продавца и покупщика, а ариадниной нитью для этих последних будет служить все та же предельная полезность предметов.

Нужно только взять различные случаи покупки и продажи товаров, тогда эта теория становится вполне наглядною, но так как в ней по существу нет ничего оригинального, а потому мы на ней под-

робно останавливаться не будем. Таково решение проблемы ценности у австрийцев, решение, завоевавшее в настоящее время всеобщее внимание, не исключая и кругов социалистических, особенно в Англии, Италии и Франции.

IV.

Теперь мы перейдем к другому вопросу, коренным образом отличающему австрийскую школу от других научных течений в политической экономии, а именно к вопросу о доходе на капитал. Выяснение источников дохода на капитал тесно связано с вопросом о ценности хозяйственных благ. Бем-Баверк говорит по этому поводу: „Проблема дохода с капитала есть в конечном основании проблема ценности“ и, следовательно, нам в дальнейшем изложении нужно будет твердо помнить те основные положения, которые легли в основу теории ценности и которые будут служить и отправными точками для намеченного нами вопроса.

Наиболее полное развитие получила эта проблема в трудах австрийского экономиста, считающегося наиболее выдающимся представителем австрийской школы, после Карла Менгера, а именно у Бем-Баверка в его труде „Kapital und Kapitalzins“.

Сочинение Бем-Баверка распадается на две части: первая содержит критический обзор учений о прибыли на капитал, другая содержит его собственную теорию, попытку дать самостоятельное разрешение

вопроса. Нас при нашем изложении будет интересовать только вторая часть, насколько она явилась выразительницей самостоятельного учения австрийцев.

Посмотрим же, в чем заключается самая сущность этого учения. Бем-Баверк утверждает, и это является основой его учения о доходе на капитал, что время влияет на хозяйственные явления, и влияние времени заключается в том, что „настоящие блага по общему правилу более ценны, чем будущие блага такого же рода и количества". Причин, обусловливающих более высокую ценность настоящих благ сравнительно с одинаковыми будущими благами, Бем-Баверк насчитывает три: „Первая основная причина, которая вызывает различие в ценности настоящих и будущих благ, заключается в различии отношений между потребным количеством и запасом в разные периоды времени", т. е. вопрос сводится к тому, что отношение между запасом благ и потребностью в них в настоящее время отличается от того, которое наступит в будущем. Различие это и ведет к тому, что громадное большинство людей суб'ективно ценит настоящие блага выше будущих. Вот первая причина, вторая же построена на чисто психологическом основании, лежащем в характере человека—в его свойстве придавать будущим ощущениям, как приятным, так и неприятным, меньшее значение, чем настоящим, а так как средствами к удовлетворению наших потребностей служат на-

стоящие или будущие блага, то отсюда и вытекает более высокая оценка первых. Третья-же причина чисто техническая. Здесь необходимо вспомнить взгляд Бем-Баверка на сущность капиталистического производства. Люди, по мнению Бем-Баверка, достигают своих хозяйственных целей или непосредственно, или окольным путем, т. е. человек может работать или голыми руками, или при помощи средств производства, т. е. при помощи „посредствующих благ". Вот этот второй способ или окольный путь и есть, по Бем-Баверку, капиталистическое производство.

Но так как окольный процесс производства, выполняемый при посредстве орудий, машин, сопряжен с потерей времени, то блага, существующие уже в настоящем, являются, по техническим причинам, более предпочтительными стредствами для удовлетворения потребностей. Словом все три названные причины содействуют тому, что люди всегда ценят настоящие блага выше будущих. Бем-Баверк считает, что „естественное различие в ценности настоящих и будущих благ есть источник, из которого берет начало всякий доход с капитала", и он доказывает, исходя из этого положения, что всякий доход с капитала вытекает сам собой, как следствие из этого положения. Он считает это определение вполне естественным и постоянным, так как оно есть результат психической природы человека и техники хозяйства, так что совершенно устраняется вопрос об эксплуатации и несправедливом распределении благ.

Таким образом Бем-Баверк приходит к выводу, что вся постановка вопроса о доходе на капитал у социалистов совершенно не верна и что все социалистическое учение об эксплуатации трудящихся капиталистами сплошное заблуждение.

Такая позиция австрийской школы не могла не отразиться на их теоретических взглядах по рабочему вопросу, в частности по вопросу о заработной плате. Бем-Баверк (в 1890 г.), а за ним и некоторые другие писатели австрийской школы (например, американец Таусиг в 1896 г.) пытались возродить теорию фонда заработной платы, давно, как известно, отвергнутую боевую теорию европейских капиталистов первой половины XIX века.

Основные положения „обновленной" теории фонда следующие. Бем-Баверк рассматривает „покупку труда" при условиях свободной конкурренции и в предположении, что предложение товаров исчерпывается определенным имущественным запасом. Кроме того предполагается, что: 1) весь спрос и все предложение встречаются на одном обнимающем все народное хозяйство рынке; 2) что все отрасли производства имеют одну и ту же производительность и одинаковое возрастание производительности при удлинении производительного периода, т. е. по терминологии Бем-Баверка „тождественную скалу приращений продукта". На

высоту-же средней заработной платы решающее влияние оказывают, по мнению Бем-Баверка, три фактора: 1-й — величина национального фонда средств существования (Substistenzfond), 2-й—число рабочих, долженствующих содержаться на этот фонд и 3-й—характер скалы производительности при постепенном удлинении периодов производства.

Таким образом, перед нами в новом обосновании все та же теория фонда заработной платы. Это, без сомнения, лишний раз подчеркивает специфичность социально-экономической и философско-теоретической позиции австрийской школы. Она в своем антагонизме к социализму и в стремлении отстоять status quo пренебрегает результатами предшествующих научных завоеваний. Интересно, что некоторые из австрийцев делали попытку переобосновать и теорию дифференциальной ренты Рикардо, теорию, против которой сделали столько существенных возражений социалисты в XIX веке [1]).

Являясь реакционерами в вопросах социальной политики, представители австрийской школы оставляют серьезный след в пересмотре многих основных вопросов экономической теории и методологии.

---

[1]) См. Бем-Баверк в Kapital und Kapitalzins. Инсбрук, 1884—9, т. II, стр. 381 и след.; также фон-Шуллерн Шраттенгофен: Untersuchungen uber Begriff und Wesen der Grundrente. Лейпциг, 1899. Сравн. Fr. Oppenheimer: D. Ricardo's Grundrententheorie. Берлин, 1909 г. стр. 18.

Бесспорно, что появление сочинений экономистов австрийской школы оживило обсуждение ряда вопросов теоретической политической экономии, сильно поблекших под влиянием „агностицизма“ исторической школы. Австрийцы вернули экономическую теорию в старое русло, намеченное классиками и воскресили былые традиции смитовой школы, особенно Рикардо, считающего проблему ценности основным вопросом экономической теории. Но в учении о ценности, как мы выше видели, они не пошли по следам последнего. Так же, как и раньше их Джевонс, они усматривают ключ к вопросу о ценности в вопросе о предельной полезности, но идут не математическим, как Джевонс, а психологическим путем. Последний вскоре стал основою их своеобразной методологии.

Это привело к крайностям психологизма.

V.

Представители психологизма—Мейнонг [1]) и Эренфельс [2]) свели весь вопрос о ценности к психологии оценки.

---

[1]) Meinong: Psychologisch—ethische Untersuchungen zur Werttheorie. Грац, 1899.

[2]) Von Ehrenfels: Werttheorie und Ethik, в журн. Vierteljahrschrift für Wissenschaftliche Philosophie, 1893 и 1894. Его-же: System der Werttheorie, I. Лейпциг, 1897.

Конечно, такая постановка не смогла удовлетворить экономистов, как таковых.

Начался первый период пересмотра проблемы, удачно названный Карлом Дилем, [1]) периодом „эклектизма и скептицизма". В Германии, впрочем, почти нельзя отметить ни одного солидного экономиста, который увлекся-бы австрийскою школою. Даже Лер [2]) и Лифманн [3]), каждый совершенно по своему, принимают теорию предельной полезности. Воспринимает ее эклектически вместе со старым классическим учением один Адольф Вагнер. (См. A. Wagner: Theoretische Socialökonomie, Лейпциг, 1907 г., стр. 224). За то в Австрии, Голландии, Америке, Италии, Англии и России не мало поклонников австрийской школы. В Австрии, кроме вышеназванных, заслуживает упоминания венский профессор Евгений фон-Филиппович, в С. Америке—Паттен, Кларк Андрьюс, в Швеции — Кнут Виксель, во Франции—Мориц Блок, в Италии—Косса, в России—проф. В. Ф. Левитский, В. Войтинский и М. И. Туган-Барановский.

Последний соединяет некоторые положения марк-

---

[1]) Karl Diehl: Die Entwicklung der Wert—und Preistheorie im 19 Jahrhundert, в юбил. изд. в честь G. Schmoller'a, т. I. Лейпциг, 1908.

[2]) Lehr: Wert, Grenzwert und Preis в журн. Jahrb. f. Nationalökonomie. 1889.

[3]) Liefmann: Ertrag und Einkommen. Иена. 1907.

сизма с основоположениями австрийской школы. Такой эклектизм не нов экономической науке последнего времени. Особенно типичный образчик теоретической двойственности дает выдающийся русский экономист проф. М. И. Туган-Барановский в своих „Основах политической экономии". (Спб. 1902) Первоначально „легальный" марксист Туган-Барановский сознательно сочетал учение Маркса, его теорию трудовой стоимости, с выводами К. Менгера и Бем-Баверка в их суждении о роли полезности, как меры экономических благ. В своем учении о затратах и получках этот эклектик дает своеобразный синтез обоих теорий стоимости и марксистской и австрийской. К тому же тот же экономист по примеру других австрийцев критикует теоретические построения марксизма, не скупясь на нападки и искажения. Вообще, как эклектики, вроде Туган-Барановского, так и австрийцы к концу XIX века усилили свои „критические замечания", придирки и нападки на пролетарскую идеологию вообще и марксизм в частности. Так медленно подготовлялось то новое боевое настроение против пролетарской идеологии, которое после мировой войны и естественного сдвига масс „влево" выразилось в создании нового этапа развития мировой буржуазной политики—в создании мирового фашизма.

Мировой фашизм является непримиримою боевою идеологиею буржуазии против постепенно охватывающего мир коммунизма.

Идеология пролетариата—марксизм и коммунизм.

Социалистическое мировоззрение складывается постепенно, причем его исходною точкою являются сложные влияния и условия конца XVIII-го столетия.

Следующие общие важные и сильные факторы определили характер социализма этой эпохи:

1) дальнейшее развитие французской просветительной философии XVIII века в лице группы французских и английских материалистов;

2) промышленная или, так называемая, индустриальная революция (1770—1800);

3) политический переворот Великой Французской Революции, реализовавший классовые вожделения буржуазии.

Просветительная философия конца XVIII века вылилась в материалистическое учение Ламетри, Гольбаха, Дидро и Гельвеция во Франции, Гартлея и Пристлея—в Англии. Они излагали учение о природе человека, которое сводилось к определению обстоятельств, составлявших внешнюю историю жизни. Это воззрение английский писатель Вильям Годвин (1756—1836) довел до крайних пределов в своем большом труде „Исследование о политической справедливости и об ее влиянии на добродетель и счастье общества“, вышедшем в Лондоне, в 1793 году.

Годвин полагал, что добродетели и пороки каждого человека определяются совокупностью внешних обстоятельств, среди которых политические условия являются решающими, а потому могут быть соответственно изменены. Против Годвина восстал защитник неизменного порядка, усматривавший в строе социальной жизни только влияние естественных факторов,—знаменитый пастор Роберт Мальтус, противопоставивший анархо-коммунистическому учению Годвина свое известное учение о народонаселении—мальтузианство.

Промышленная революция внесла глубокий переворот во все социальные отношения и в хозяйственную физиономию Европы. В короткий срок ряд важных технических изобретений совершенно изменил характер промышленности: из старой цеховой системы, построенной на ручном труде, она превратилась в машинную, механическую, разложившую социальный состав общества и, на месте старого ремесла с его социальною гармониею и миролюбием, водворившую социальный антагонизм — немногих капиталистов предпринимателей и многочисленных наемных рабочих—пролетариев.

Наконец, Великая Французская Революция, особенно якобинский террористический период, сдвинула с места мировоззрение европейского общества, осознавшего свои интересы и свой боевой передовой класс—буржуазию и основной вопрос — вопрос о собственности.

Сложившийся под этими влияниями утопический социализм принял первоначальную ступень социализма,—в каждой из передовых стран свой особый характер, отсюда Английский, Французский и Немецкий утопизм.

I. Английский утопический социализм.

А. Аграрные социалисты. — Годвин. — Оуэнизм.

Великая Французская Революция нашла себе выражение и сочувствие в Лондоне, где в 1792 году среди рабочих ремесленников и мелких торговцев образовалось „Лондонское корреспондентское общество". На великобританской почве (ленд-лордизм и эксплуатация сельского населения) всегда была почва для народного неудовольствия. Произвол земельных богачей—„огораживание полей" еще в XVI веке вызвал горячую отповедь автора первого английского социалистического произведения—„Утопии" Томаса Мора. То же, в конце XVIII столетия, вызвало протест Томаса Спенса (1750—1815) и О'Гильви (1736—1819).

В самом начале 19 столетия выступает с общею критикою социального порядка доктор Чарльс Голль (1745—1825). Голль выпускает сочинение „Влияние цивилизации на массы".

Родственную Голлю точку зрения разделяет великий английский утопист Роберт Оуэн (1771—1858). „Мир — писал Оуэн, — переполнен

теперь богатствами, которые постоянно возрастают, но он изобилует и нищетою, связанною с невежеством и голодом". Необходима перемена к лучшему, причем эта перемена может произойти с легкостью. „Мир знает и чувствует существующее зло; нужно только ознакомиться с предлагаемым ему новым порядком, одобрить его, пожелать перемены и... дело будет сделано". Другими словами — все зависит от человеческого характера, как исходной точки социальной реформы. Поэтому Оуэн так и озаглавил свои четыре статьи „опытами об образовании человеческого характера" (1812 и 1813).

Первое препятствие, с которым Оуэн столкнулся, были религия, ханжество и лицемерие, свойственные буржуазным массам Англии. Религиозные предрассудки и суеверия Оуэн считал серьезным источником социального раз'единения, взаимной ненависти и преступлений. Он требовал борьбы с ними и введения свободомыслия, „религии истины и природы". Вторым важным препятствием достижения человеческого счастья Оуэн считал частную собственность и хозяйство, построенное не согласно роли труда, а на несправедливом и неравном обмене.

Роб. Оуэн оказал громадное влияние на английское общественное мнение и усвоение многих положений социализма. Этому содействовало и развитие буржуазной науки в лице Рикардо.

II. Воззрения Рикардо и рикардианские социалисты.

Теоретическая мысль буржуазной политической экономии в своем анализе структуры капиталистического общества дошла, в лице величайшего теоретика Давида Рикардо, до ряда положений, из которых она не решилась сделать дальнейших выводов, так как они приводили к заключениям, противоречившим основоположениям всего буржуазного строя. В числе главных теоретических положений Рикардо его анализ капитала и труда сводился к выяснению непримиримого противоречия между хозяйственными интересами предпринимателя-капиталиста и наемного рабочего, продавшего свой труд. Чем выше была прибыль капиталиста, тем ниже падала заработная плата и обратно, приходил Рикардо к выводу из об'ективного анализа обоих видов дохода, приходящихся на долю капитала и труда. Рикардо, установив свои положения, об'ективно бесспорные, не делал из них никаких выводов из области экономической политики. Это сделали, так называемые, рикардианские социалисты.

Таковы: 1) Т. Р. Эдмонс, автор сочинения: „Практическая нравственная и политическая экономия“, Лондон, 1828 г.

2) В. Пер, написавший монографию „Справедливая торговля“, 1854 г.

3) Джон Грей: автор сочинения „Социальная система“, 1831 г.

4) Джон Фрэнсис Брей—автор двух работ: „Как эксплоатируется труд и как ему помочь“, 1839 г. и „Философия нужды“, Лондон, 1841 г.

5) Вильям Томпсон (1783—1833), из ряда исследований которого выделяется наиболее раннее: „Исследование о распределении богатств“, Лондон, 1824.

6) Томас Годскин (1787—1869), автор ряда сочинений, начавших выходить с 1813 года по конец двадцатых.

Основное сочинение Давида Рикардо — „Принципы политической экономии“ появилось в 1817 году, а в 1821 году появилась, в виде открытого письма к Лорду Джону Росселю, небольшая анонимная брошюра, обличающая буржуазное общество в том, что оно, по выводам Рикардо, основывает свое благополучие на эксплуатации трудящихся. Это сочинение—„The source and Remedy of the national Dificulties“—письмо к Лорду Росселю—обратило на себя внимание и стало впоследствии общеизвестным. О ней упоминает и К. Маркс в III вып. своей „Истории теорий прибавочной стоимости“.

За этою брошюрою последовал целый ряд сочинений. Среди них лучшие написали: Равенстон, Годскин, Томпсон, Грей, Брей, Пэр и Эдмонс.

Воззрения Рикардо названные лица восприняли,

получив предварительное первое, так сказать, „экономическое крещение“ или у Вильяма Годвина или у Роберта Оуэна.

Из взглядов анархистски мыслившего Годвина исходила группа рикардианцев: Перси Равенстон и Томас Годскин. Из взглядов Оуэна— все остальные.

Воззрения указанных экономистов настолько прочно обосновали социалистический взгляд на происхождение капитала и процента, настолько глубоко выяснили характер экономической эксплуатации предпринимателями трудящихся, что почва для усвоения и понимания идей будущего научного социализма была вполне готова. Идеи Маркса только завершили это направление.

III. Французский утопическнй социализм.

А. Утописты-руссоисты. Бабувизм.

Во Франции произведения утопического социализма рано свили себе прочное гнездо. Целый ряд утопий, начиная с фантастических произведений писателя Сирано де Бержерака („Комическая история государства и империи на луне“, 1656) или монаха Антона Легран („Сдромедия“, 1680) и кончая талантливою утопиею Дениса Вераса Д'Алле („История Северамбов“, 1677), послужившей прототипом для социальной утопии великого утописта Фурье, — привлекли к себе обще-

ственное внимание передовых людей конца XVII века. В самом конце этого столетия необходимо еще отметить имена монаха Габриэля Фуаньи („Астральная земля", 1676) и епископа Фенелона („Приключения Телемаха", 1698), положившего начало дидактической утопии, предназначенной для воспитания высоких особ. Наивные идеи пассифизма развивает аббат Сен-Пьер в своем утопическом „Проекте вечного мира", 1713 г. Гневную атеистическую отповедь всему феодально-буржуазному режиму пишет в начале XVII века провинциальный кюре из Шампани — Ман-Мелье (1664—1729) в своем предсмертном и трагическом „Завещании" (1729). За ним следуют: Симон Берринг-тон („Записки Гавденция Луккского", 1753), Тиссо де Пато (Путешествие и приключение Жака Массе, 1710), Король Польский Станислав Лещинский („Встреча европейца с островитянином царства Домокалы", 1752).

В середине XVIII века на развивающийся поток утопической литературы оказывает решительное влияние великий философ Франции — Жан Жак Руссо. Его сочинения являются прекрасным ключем для понимания всей утопической литературы этого замечательного века. Сам великий писатель не составил ни одной утопии. Его важнейшие произведения „Новая Элоиза", „Эмиль" и „Общественный договор", не говоря уже об „Исповеди", не содержат никаких черт утопизма и не могут даже

с натяжкою быть причислены к утопическим произведениям. Но могучее влияние идей Руссо, так называемый руссоизм, — основной фундамент, как воззрений физиократов, так и ряда утопических произведений всей второй половины этого замечательного и все еще мало изученного века. К числу типичных руссоистов необходимо отнести следующих писателей:

1. Луи Себастьян Мерсие (1740 — 1814); его утопия—„2440 год", Амстердам, 1771.

2. Николай Эдм. Решиф дела Бретоннь (1734 — 1806), известна его утопия „Открытие астральных земель", Париж, 1781 г., и целый ряд других.

3. Де Фонтенелль („Республика философов", 1768).

4. Аббат Морелли, автор двух утопий: „Базилиада" или „Плавучие острова", 1753 и „Кодекс природы", 1755.

5. Аббат Мабли, руссоист—с сильным коммунистическим уклоном, автор целого ряда произведений, из которых выделяется „Беседа с Фонионом", 1763. Сочинения Мабли многократно издавались и оказали в свое время влияние на развитие радикального образа мыслей. В России идеи Мабли повлияли на мировоззрение П. И. Пестеля, наиболее радикального из писателей и наиболее революционного из декабристов.

Воззрение Руссо и руссоистов, несомненно, ока-

зало сильное влияние на деятелей Великой Французской революции. И жирондисты, как Бриссо де Варвиль и Кондерсе, и монтаньяры, как Сен-Жюст и Симон Ленге, находились под непосредственным влиянием идей Руссо.

То же приходится сказать и о герое последних дней революции—о „Гракхе" Бабефе. Франсуа Ноель Бабеф, прозванный „Гракхом" в честь знаменитого римского народного трибуна Кая Гракха, организовал первый революционный заговор — „заговор равных", который ему не удалось осуществить и, погибнув на гильотине († 1797), положил начало идеи бабувизма—революционной конспиративной заговорщитской попытке насильственного изменения существующего социального порядка.

Вообще, Великая Французская Революция, хотя и декларирует священные права собственности и выявляет в социальном смысле определенные классовые интересы буржуазии, но как обширное историческое движение целой нации этим своим уклоном не исчерпывается.

„Гракх" Бабеф дал коммунистическое направление этой социальной неудовлетворенности. Но это был только „пролог к прологу", как назвал этот эпизод Плеханов. Бабувизм отстаивал катастрофу и предвидел необходимость для осуществления коммунистического идеала и „гибель всех искусств", в том числе и технических. „Манифест Равных", составленный Сильвеном Марешалем, так и говорит:

„пусть погибнут, если это нужно, все искусства, лишь бы только у нас осталось действительное равенство. Бабувизм укрепил идею революционного действия для достижения нового социального строя. В XIX веке бабувизм перешел в бланкизм, усиливший значение заговора, конспирации и инициативы меньшинства.

Под'ем общего идейного содержания французского социализма наступает только с появлением великого утописта графа Анри де Сен-Симона (1760—1825).

Руководящие идеи Анри де Сен-Симона, как идеи Жан Жака Руссо в XVIII веке, оказали решающее влияние на мировоззрение всего XIX столетия; пределы и размеры этого влияния Сен-Симона еще не точно выяснены. Ему принадлежит установление великой истины, что процесс изменения общественных форм происходит в форме борьбы классов, хотя Сен-Симон не выяснил в точности классовой структуры высокоценимых им индустриалов, но значение производства и динамического процесса им уже поняты в достаточной мере. Естественно, что многие мысли Сен-Симона повлияли и на Маркса. Поэтому то приходится признать, что Сен-Симон — духовный отец и предшественник марксизма, точнее—исторического материализма. Сен-Симон — гениальный провидец многих отношений, прозорливо определивший многое, что выявилось с достаточной ясно-

стью только впоследствии. В то же время — Сен-Симон основатель и духовный глава новой, уже несомненно, социалистической школы сен-симонистов. Ученики Сен-Симона разработали и углубили воззрения своего учителя, разойдясь с ним и уйдя более влево, но—в общем и целом,—сен симонисты, особенно Анфонтен и Базар, продолжали историческую миссию своего вдохновителя.

В итоге можно считать, что сам Сен-Симон и сен-симонисты—два разных мира. Тот естественный и логический шаг к коммунизму, к которому только подходил Сен-Симон, был совершен его учениками. Отсюда необходимость отличать воззрения самого „великого утописта" от взглядов и положений его учеников и последователей, отсюда необходимость выделения сочинений, лично принадлежащих самому Сен-Симону, от всей остальной массы трактатов и суждений, изложенных многочисленными сен-симонистами.

Менее радикален другой великий утопист, отчасти анархического оттенка, Шарль Фурье (1772—1837), „пророк и учитель" нового социэтарного строя, инициатор „кооперативного" движения.

Фурье, инициатору идеи социального переустройства общества на основе фаланстеров, коммун в 1600 человек обоего пола, принадлежат следующие важные сочинения:

1. „Теория четырех движений" 1808.

2. „Трактат о домашней и земледельческой ассоциации“ 1822.

3. „Новый промышленный и социэтарный мир“ 1828.

4. „Ложная промышленность“ 1835.

Фурье приписывает громадное значение частной инициативе и заразительности первого удачного примера. Поэтому Фурье против насильственных и революционных мероприятий. В его воззрениях нет ничего формально-социалистического и радикального, но, между тем, его многие на вид мирные и соглашательские идеи прямо ведут к социальному радикализму.

Из среды его учеников и поклонников—фурьеристов вышел ряд выдающихся писателей.

Среди них особенно замечательны:

Виктор Консидеран (1808—1893), автор „Социальных предназначений“ (1843), Жюст Мюирон (1787—1861), автор сочинения „Социальные преобразования“ (1824), Ф. Видаль, Брисбен, Годэн и др. Фурьеризм имел в конце 40-х годов успех в России („петрашевцы“).

Чисто—коммунистические утопические мечтания воскресли в 40-х годах XIX столетия. Этьен Кабэ (1788—1856), автор „Путешествия в Икарию“, имевший громкий успех среди французских рабочих его времени и вызвавший движение в Америку—Икарийцев.

Более левый революционный уклон обнаружили

Огюст Бланки (1805—1881), знаменитый революционер и заговорщик, Пьер Леру (1798—1871), писатель социалист 40-х годов, Луи Блан (1811—1881), писатель, деятель революции 1848 года, автор „Организации труда“, и целая плеяда анархистов, начатая с Прудона, рабочего-наборщика, кончая М. А. Бакуниным и кн. П. А. Кропоткиным. Идеи анархистов стали в эпоху Маркса уже значительною силою, с которой приходилось считаться и от которых приходилось отмежевываться.

IV. Немецкий утопический социализм.

Иоган Готлиб Фихте—Генрих Бюхер—Вильгельм Вейтлинг.

В XVIII веке германская общественная жизнь и германская наука находились в положении усиленно опекаемых со стороны той полицейско-бюрократической системы, которая своим формализом стесняла и давила все свободные проявления жизни. Немецкое народное хозяйство укладывалось в особую отрасль камералистики, выросшей из расширенного частного хозяйства суверена. Все хозяйство носило тогда стихийный характер, оно сложилось только для защиты примитивных интересов торгового капитала и его главного пособника—монархической власти; хозяйство шло вяло и слабо, без достаточно сильной жизненной энергии. Между тем, в передовых европейских странах выяснялись

новые запросы и интересы, особенно со стороны промышленности и начавшегося выделяться рабочего класса. Деревенские массы и ремесленный пролетариат, тогда еще бессознательный и неорганизованный, жили в тяжелых политических и материальных условиях. Во всех областях чувствовалось отсутствие смысла и плана жизни.

Философ Иоган Готлиб Фихте был тем национальным гением немецкого народа, который вдохнул и формировал мысль о необходимости глубокого и планомерного вмешательства в ход хозяйственной жизни. Его замечательный трактат: „Замкнутое торговое государство"—(1800) установил новые идеи о сознательном и целесообразном вмешательстве государственной власти в экономические отношения; он впервые наметил очередную задачу: определенную планомерность всей народохозяйственной жизни. Отныне отдельные классы населения, особенно нисшие, получали закономерное существование, а весь строй жизненного процесса переставал носить случайный и неопределенный характер. Все это уже было равносильно внедрению социалистической идеи и оформлению ея исторического процесса. С тех пор философское влияние немецкого идеализма не прекращалось. На престоле мысли воцарился „некорованный король немецкой философии"—Гегель. Он подчинил своему влиянию весь умственный тон страны. Из Германии гегельянство распостранилось во все концы цивилизован-

ного мира: отныне развитие гегельянства и в его дальнейшие этапы интересовало всю Европу. Дни младогегельянства и выступление на арене немецкой классической философии Людвига Фейербаха — были значительными днями для той общественной идеологии, которая шла за фейербахианством. Материализм и социализм обосновывались и вводились младогегельянскою школою, в среде которой уже выдвигались ряды новых имен, как Макс Штирнер, Бруно и Эдгард Бауеры, Мозес Гесс, Карл Грюн, Карл Маркс, Фридрих Энгельс и др.

Параллельно с верхами движение шло и в толще трудового народа, который после освобождения от крепостной зависимости, имевшей место в известный Штейн-Гарденбергский период, начал пробуждаться от многовекового феодального сна. Вообще Германия в начале XIX столетия являлась для Европы экономически отсталою страною. Три четверти немецкого населения жило еще в деревнях, а в городах преобладало старое и отсталое ремесленное производство. Ремесленные подмастерия находились под давлением полицейского произвола. Фабричного производства и живого фабрично-заводского пролетариата еще не было. Положение бедняков было невыносимо. Впервые рабочее движение соорганизовалось в подполье, под влиянием талантливого, но рано умершего Георга Бюхнера. В 1834 году в тайной типографии в городе Оффенбахе он отпе-

чатал первый номер революционной газеты „Гессенский Сельский Вестник“ („Der Hessische Landbote“). Здесь еще нет социализма.

Последний из Парижа заносит портновский подмастерье Вильгельм Вейтлинг (1808--1877). Исключительный по даровитости,—мы знаем его, как талантливого оратора и недюжинного писателя, — он сумел вдохнуть в германский пролетариат остроту классового определения и склонность к организации. Он входил в старейший тайный „Союз Отверженных“ (1836—1838), затем в „Союз Справедливых“ (1838—1849), и, в конце концов, в „Союз Коммунистов“.

Вейтлинг самобытен и вместе с тем, он типичная фигура переходного времени. Вейтлинг не просто заимствует и перелогает. Французский утопизм, изысканный и аристократический в своем полете изящной фантазии превращается в уме Вейтлинга в суровое демократическое учение. Сектантская замкнутость и известное самодовольство, которым проникнуты все эти глубокие в своих необ'ятных исторических перспективах картины будущего, сменяются у Вейтлинга беспокойным настроением разгневанной улицы, революционным порывом. То, что Фурье и Сен-Симон ждали от королей и миллионеров, Вейтлинг ожидает от народной революции. Вместо чуда он верит в свои силы. Вейтлинг, как рабочий, привык полагаться только на себя, справедливо думая, что социальное счастье не дается, а берется с бою.

Вейтлингу принадлежат следующие сочинения:

1. Человечество, какое оно есть и каким должно быть. 1838.

2. Проект общества коммунистического развития. 1840.

3. Гарантии свободы и гармонии. 1842.

4. Евангелие бедного грешника. 1845.

5. Республика рабочих, журнал. (Америка).

Научный социализм.

I. Карл Маркс (1818—1883).

Юность и годы учения К. Маркса протекают в сравнительно благоприятных условиях, в наиболее развитой в экономическом отношении промышленной области Германии, в городе Трире Вестфальской провинции. Молодой Маркс успешно оканчивает курс Трирской гимназии и затем поступает студентом в местный Бонский университет. Здесь, а затем, в столичном (Берлинском) университете, куда он перешел, юноша занимается юриспруденциею, историею и философиею. Его профессорами, в числе прочих, были Савиньи, Ганс и Габлер, последние два гегельянцы.

В 1841 году Маркс окончил курс университета со степенью „доктора философии", защитив диссертацию: „О натурфилософии Эпикура и Демокрита", и примкнул к кружку младогегельянцев, критически пересматривавших основоположения философии Гегеля. Критикуя идеалистическую систему Гегеля, Маркс делает первую попытку самоопределения и создания своего собственного мировоззрения. Тем же заняты и более выдающиеся его современники как Людвиг Фейербах, увлекавший Маркса к специализации в науке доцент Бруно Бауер, прудо-

нисты Мозес Гесс и Карл Грюн и другие, получившие наименование „истинных социалистов". Обнаружившаяся невозможность научной карьеры, вынуждает Маркса заняться литературою и публицистикою. С этого времени он работает в ряде периодических изданий: в „Новой Рейнской Газете", в „Немецко-Французском Ежегоднике" и т. д.

Увлекаясь воззрениями Фейербаха, Маркс начинает свою критическую пору освобождения от чужих влияний, размежеваний и выработки основ своего миросозерцания. Так проходит вторая половина 40-х годов.

В эту эпоху Маркс освобождается от феербахианства, с его антропоморфизмом, и от Гегеля с его идеализмом, и все более интересуется практическою жизнью, где центром его внимания становится пролетариат. Маркс к 1848 году, году революции, становится материалистом и коммунистом, отмежевавшись от ряда других социалистических течений того времени, и начав вырабатывать ряд своих социологических положений, приведших его к выяснению исторического материализма.

Основы своих воззрений Маркс, при содействии своего молодого единомышленника и друга Фридриха Энгельса, излагает в „Коммунистическом Манифесте" замечательном произведении основоположников нового научного социализма.

Политическая реакция, наступившая в итоге

ликвидации революции 1848 года, выбросила обоих из немецкой среды и страны. Маркс перебивается литературною работою в Лондоне, где селится и живет до конца своих дней. Его работа в лучшем мировом книгохранилище, в Британском Музее, прерывается участием в создании и руководстве работою Первого Международного Товарищества Рабочих или в так назыв. „Первом Интернационале". Раздоры с анархистом М. А. Бакуниным ряд лет волнуют „Первый Интернационал"; изгнанный из его среды Марксом, Бакунин организует другой союз „Анархический Интернационал". Маркс возвращается к научному труду. В 1867 году выходит первый том его основного труда „Капитал", где изложено его экономическое учение. Последние годы жизни Маркс болеет и в 1883 году кончает земные счеты с жизнью. Он похоронен в Лондоне, на Хайгетском кладбище.

II.

Научно-литературная деятельность Карла Маркса.

К. Маркс начал рано писать. Обычное начало— три тетради его стихотворений—никогда не были опубликованы, что, впрочем, они и не заслуживали, за отсутствием сколько-нибудь значительного поэтического дарования. За то его проза, сочинения и

письма—прекрасны. Они дают определенное представление о сильном и образном стилистическом даровании Маркса, об его особом индивидуальном кратком и могучем патетическом слоге, полном сарказма и смертельной иронии. Уже первый прозаический труд—его диссертация по древне-греческой философии, появившаяся в 1841 году—„Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура"—написана сильным и характерным слогом. Затем началось участие Маркса в периодической прессе, которое его выдвинуло в ряды первоклассных публицистов.

24-х лет Маркс был сотрудником, а затем редактором „Рейнской газеты" в Кельне (1842—1843 г.г.). Газета называлась: „Reinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe" и издавалась на средства и по указаниям руководителей оппозиционной прирейнской буржуазии. Влиятельные местные либералы—Кампгаузен, Ганземан и др. вели при помощи этого органа критику деятельности местного ландтага.

Маркс внес в газету экономический элемент; под его влиянием здесь начали появляться статьи по текущим хозяйственным вопросам. Среди здесь помещенных работ Маркса, выделяются статьи: „Философия и Экономия", „Крестьяне—виноделы на Мозале" и „О коммунизме". Все они были позднее перепечатаны в „Литературном Наследстве", частью в изложении Меринга, частью в оригинале но только с его примечаниями.

Кроме оппозиционно-настроенных либералов в газете нашли себе приют и радикалы, близкие к Вильгельму Вейтлингу, и такие левые дарования, как поэт Генрих Гейне, анархист Каспар Шмидт (Макс Штирнер), философы братья Бауер, экономист либеральной школы Принс Смис. Из группы вейтлинговских коммунистов сотрудничали двое: „Красный" Беккер и Зейдлер.

Интересно отметить, что Маркс в эту эпоху увлекался французскими утопистами: Сен-Симоном, Фурье, Пеккером и Луи Бланом, а также изучал сочинения, оказавшего вначале на него сильное влияние, Прудона, был знаком с сочинениями Фридриха Листа, Рау и Лоренца фон-Штейна. Маркс в этот период еще не был социалистом, но был против основоположений утопического коммунизма, называя его „Stëmperei". „Мы не провозглашаем догматический новый мир, а выводим его из критики старого",—говорит в это время Маркс в сборнике „Немецко-Французский Ежегодник", который он вместе с Арнольдом Руге основал в Париже и который произвел сильное впечатление на современников и не только в Германии. Как известно из книги А. Пыпина „Жизнь Белинского", этот журнал произвел громадное впечатление и на нашего гениального критика. Издание „Ежегодника" прекратилось на третьем номере, частью вследствии трудности доставки его в Германию, частью вследствии редакционных разногласий.

Последнее произошло на принципиальной почве. Издатель Руге был гегельянец и буржуазный радикал. Маркс уже перешел в лагерь социалистов. Социалистическую тенденцию в журнале Марксу провести не удавалось: французские социалисты не хотели в нем работать. По словам Франца Меринга их оттолкнул крайний атеизм Маркса, а, между тем, сен-симонисты, как известно, именно пытались сблизить социализм с религией. — Под влиянем Маркса в газете делались также выпады против исторического направления в праве. В этом смысле была особенно резка, появившаяся анонимно статья Маркса в № 221 (приложение), направленная против профессора Гуго и озаглавленная „Философский манифест исторической школы права". Вообще редакционная работа в эту эпоху была трудным делом. „Редактирование этой газеты, — говорит Либкнехт, — было сплошной борьбой с цензурой, которая тогда царила в Германии". Но не всегда победа была за цензурою. „Маркс мастерски проводил ее, за мыслями нельзя угнаться, как за бабочками". [1]) В 1843 году администрация все-же навсегда закрыла газету.

Здесь обращают на себя внимание еще две статьи Маркса: „К критике гегелевской философии права" и „Еврейский вопрос". Из первой видно, как Маркс постепенно становится марксистом.

---

[1]) См. В. Либкнехт: К. Маркс, русск. пер. Одесса, 1905 г.

Он здесь еще ждет переворота от чувства глубокого стыда, который охватил немецкую интеллигенцию за свою отсталость и за свое правительство. „Стыд есть уже революция“,—говорит он,—„Если вся нация стыдится—он лев, готовящийся к прыжку“. Но здесь же Маркс высказывается против политической революции, которая по его мнению—„сон“, и за пролетарскую социал-демократическую революцию, т. е. за освобождение, которое было-бы эмансипацией немцев, могущей сделать „их людьми“. Маркс поясняет: „Голова этого освобождения—философия, его сердце—пролетариат“.

Другая статья „Еврейский вопрос“ стремится доказать, что „историческое развитие эмансипирует евреев“. Он рассматривает вопрос не с теологической или национальной точки зрения, а с экономической. „Эти статьи,—по свидетельству самого Маркса,—были направлены против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии“. [1]) По другой оценке в этих статьях „сквозь волны гегельфейербаховского тумана впервые проглядывает социальный реализм“. Как известно, и социально-политическая обстановка Франции того времени тоже поучала в этом направлении: приближался 1848 год.

---

[1]) См. Письмо Карла Маркса к Ник.—ону. 7-го октября 1868 года из Модэны в сборнике „Письма Маркса“, русский пер. Г. А. Лопатина, СПБ. 1908 год.

В 1843-ем году появляется статья Маркса „О немецкой цензуре“ в сборнике „Anecdota“ блестяще, но с точки зрения будущего Маркса, еще очень умеренно написанная.

Перебравшись в Париж, Маркс вместе с Энгельсом издает на немецком языке газету „Вперед“, которую читает не телько большая немецкая колония в Париже, но и немцы из „фатерланда“ (т. е. отечества).

Необычайно резкий тон ее заставляет тогдашнего немецкого посла (А. фон-Гумбольта) просить всесильного премьера Гизо закрыть газету. Гизо, боясь скандала, придрался к газете за отсутствие у нее денежного залога, что нужно было иметь согласно закона того времени. За это упущение был, наложен денежный штраф и 2-х месячное тюремное заключение для редактора. Первого января 1845 года газета была закрыта, а все сотрудники не французы были высланы за-границу. Карл Маркс был вынужден переехать, и он избрал Брюссель. Наступил наиболее важный этап в развитии воззрений Маркса—эпоха размежевания от инакомыслящих социалистов и создания своей собственной теории—исторического материализма.

Так появились два важных теоретических сочинения: „Святое семейство“ против Б. Бауера и товарищей и „Нищета философии“ против Прудона.

Эти книги знаменовали собою полный разрыв, с одной стороны, с левым гегельянством, с другой—

с псевдо-революционною идеологиею мелкой буржуазии. В гегельянстве вместо „критически мыслящей личности“, как основе исторического процесса, и вместо „толпы“, „массы“, приматом был об'явлен рабочий класс. „Революция нуждается, — заявляет отныне Маркс,—в пассивном элементе, в материальной обстановке“. „Пролетариат только сам может добиться своего освобождения“. „Эмансипация Германии произойдет только тогда, когда молния мысли ударит в доселе наивную и девственную массу пролетариата“.

Это, конечно, были совершенно новые идеи и лозунги, и Карл Маркс прав, характеризуя это время, как эпоху разрыва с прежним своим мировоззрением. Он говорит, что „в Брюсселе мы покончили счеты с нашей прежней философской совестью“.

Вообще, наступила эпоха „разрывов“, время выяснения нового идейного течения и его формулировка. Проследим важнейшие из этих „разрывов“, явившихся этапами развития марксизма.

С идеями Людвига Фейербаха и Бруно Бауера Карл Маркс порывает, как с индивидуалистически-суб'ективным течением, противополагая ему об'ективную материалистическую философию. С Бруно Бауером Маркс бесстрашно и бесповоротно порывает, хотя был с ним раньше лично дружен и многим обязан Бауеру.

С Карлом Грюном и рядом других экономистов,

называвших себя „истинными“ социалистами, Карл Маркс разрывает из-за их „народнического“ и утопического направления. Он не верит более ни крупной, ни особенно мелкой буржуазии. Разрыв с Грюном тоже не легок—Грюн его сотрудник и одно время соратник.

Карл Маркс производит также решительно и бесповоротно разрыв с былым кумиром—с Прудоном, с которым Маркс одно время был очень близок. Идеи Прудона для него отныне ошибочны, как аполитические, мелко-буржуазные и утопические.

Наконец, последний в этой серии разрывов,—с знаменитым современником-рабочим Вильгельмом Вейтлингом из за отсутствия понимания идей пролетарского социализма, из за колебания мыслей, из за общего невежества. Последний „развыв“ произошел 30-го марта 1846 года в присутствии Анненкова, который описал всю сцену. Осталось также ее описание, сделанное Вейтлингом, из которого видно, что Вейтлинг даже не понял причин гнева Маркса.

Проникновение французским социалистическим наследством, — последний этап в этой эволюции. Начинается эра выработки своей теории; она широкими и смелыми штрихами набросана в задании „Союза Коммунистов“, в „Коммунистическом Манифесте“. Здесь же сведены счеты со всеми, с кем следовало размежеваться. Вышедший в самом начале 1848 года „Коммунистический Манифест“,—эта квинт-эссенция тогдашнего социально-философского

и социал-экономического достижения, — состоял в критической переработке идей Бабефа, Базара, Сен-Симона и особенно фурьериста Виктора Консидерана, манера изложения „Манифеста“ которого легла в основу „Манифеста“ Маркса.—„Манифест“ вначале был встречен равнодушно, но только через 10 лет, а именно с конца 50-х годов, Манифест получил свою мировую известность и свое отныне громадное всемирное значение. На русский язык,— а переводы его сделаны почти на все языки,—он был переведен Михаилом Бакуниным, в 1860 году, вторично Георгием Валентиновичем Плехановым, в 1882 году. Здесь излагается грандиозная и стройная картина экономической эволюции, развития и падения капиталистического общества и указываются задачи и способы проведения социальной революции. Поэтому на „Манифесте“ необходимо внимательнее остановиться.

Манифест распадается на 4 части:

1) Отношение пролетариата к буржуазии, где указывается их антагонизм, и „история есть история борьбы классов“.

2) Пролетариат и коммунисты.

3) Критика различных систем социализма.

4) Место социализма в различных странах по отношению к практической политике.

Анализ Маркса построен на блестящем Научном историческом анализе классовых взаимоотношений и классовой борьбы. Манифест весь проник-

нут активным действенным началом, залогом дальнейших достижений рабочего класса.

Как заключительный и практический лозунг—девиз Манифеста: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Манифест написан мастерски. Это своего рода стихотворение в прозе; подробный историко-литературный разбор источников идей Коммунистического Манифеста был сделан Шарлем Адлером в книге „Введение и комментарий к Коммунистическому Манифесту" (русск. пер. М. 1906 г.), но Шарль Адлер не марксист и не видит всей новизны воззрений Маркса. Другой, лучший разбор дан Д. Рязановым, в 1923 году, в его образцовом издании Манифеста, с ценным введением и примечаниями. (М. „Московский Рабочий").

Со времени издания „Коммунистического Манифеста" сложившееся мировоззрение Маркса углубляется в сторону экономическую. Появляются: „Критика политической экономии" (1859 г.) и, наконец, „Капитал". (т. I Гамбург, 1867 г. и т. II, под ред. Энгельса, в 1885 г.), которые дают полную картину экономической теории Карла Маркса. К середине 60-х годов относятся многочисленные письма, обращения, резолюции и воззвания, написанные по делам „Международного Товарищества Рабочих"; в 1876-м году Маркс принял участие в основном философском труде Фридриха Энгельса: „Анти-Дюринг", для которой написал главу, касающуюся истории политической экономии.

После смерти Маркса были изданы его некоторые, при жизни не напечатанные, рукописи, например „Святой Макс“, „Критика Готской программы“ и вышли два остальные тома „Капитала“ (т. II и т. III), и 4 выпуска „Истории теорий прибавочной ценности“. Затем было издано несколько собраний, ценных по форме и содержанию, писем Маркса. Таковы:

1) Четырехтомная „Переписка Маркса с Энгельсом“ за сорок лет 1844—1883 г.г., изданная Августом Бебелем в 1913 году, в Штуттгарте. (Briefwechsel zwischen Fr. Engels und K.Marx.).

2) Переписка с Зорге и другими, вышедшая в 1906 году.

Полного собрания сочинений Маркса в Германии до сих пор еще не издано: его заменяют:

1) Четырехтомное собрание „Литературного Наследства“ (Nachlass), содержащее сочинения от докторской диссертации и до „Критики политической экономии“ и „Капитала“.

2) Двухтомное собрание „Gesammelte Schriften“ Маркса и Энгельса, напечатанные в промежуток от 1852 по 1862 год. Штуттгарт, 1917 год.

Зато совершенным по качеству является Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса под редакцией Д. Рязанова, изданное Институтом Маркса и Энгельса в Москве.

Лучшая биография Маркса Франца Меринга (есть русский перевод, Петербург, 1920 г.), Клары Цеткиной: „Karl Marx und sein Lebenswerk“,

(есть русский перевод), Эльберфельдт, 1913 год, а также обстоятельный труд Рязанова: „Маркс и Энгельс“, Москва, („Московский Рабочий“) 1923 год.

III.

Основные идеи марксизма.

Как мы видели, научный или, как его иногда называют, критический социализм был развит Марксом в стройную научную систему, получившую краткое наименование—марксизма.

Итак, марксизм представляет собой целостное синтетическое мировоззрение, имеющее историческое, философское и социологическое обоснование. В то же время марксизм является высшим об'единением всего человеческого знания, всей совокупности науки с точки зрения революционного пролетариата, ставящего своей целью полное активное освобождение (экономическое, политическое и духовное) всех трудящихся, всех угнетенных классов и народов от насилия, эксплоатации, невежества и предрассудков. Марксизм основывается на науке, он часть современного научного знания, часть системы научного социализма и, так как основою современной науки является естествознание, то безусловно необходимою составною частью мировоззрения и обоснования марксизма является реализм,

социальный реализм, покоящийся на эмпирических данных.

Социально-философская, социально-политическая, экономическая и социологическая стороны марксизма покоятся на соответственных теориях, а именно:

1. Учение об историческом материализме. Основною историософскою и социологическою теориею марксизма является учение об историческом материализме, иногда называемом также „экономическим“ или „диалектическим“ материализмом. Это основное учение по философии истории и анализу исторического процесса. Смысл его в решающем значении для развития общественной жизни материальных условий. Наилучшее изложение содержания этого воззрения дает Маркс в предисловии „К критике политической экономии“. Здесь говорится: „В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание (базис), на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания.“

2. Учение о классовой борьбе. Она первоначально изложена в Коммунистическом Манифесте. Здесь говорится, что история есть история борьбы классов, на которые распадается структура общества (классового общества). Свое классовое самосознание развивает всякий класс.—С того момента, как класс себя осознает, он становится „конституированным классом", создающим свою классовую мораль и свои классовые интересы, т. е. свою классовую идеологию. Классовая борьба— это борьба прежде всего политическая.

3. Учение о социальной революции. В лоне буржуазно-капиталистического общества в известный момент развития производительные силы перерастают и вступают в конфликт с производственными отношениями. Историческая тенденция капиталистического накопления приводит, в конце концов, к тому, что наступает момент, когда экспроприации подлежит уже не рабочий, ведущий самостоятельное хозяйство, но капиталист, эксплоатирующий многих рабочих, весь класс рабочих. Это наступает тогда, когда совершится вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и установится международный характер капиталистического режима. „Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимы со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспоприа-

торы экспоприируются". Социальная революция есть вместе с тем революция политическая. Пролетариат в политической борьбе захватывает власть, наступает момент диктатуры пролетариата. Она является рычагом переворота, уничтожая старые буржуазные формы и помогая созиданию новых. Начинается социалистическое строительство.

4. Учение об исторической роли пролетариата. Научный социализм теоретически представляет собою движение пролетариата. Пролетариат есть класс, действующий в интересах большинства ради большинства. Он эмансипирует не только свой класс, но и все человечество. Отсюда исключительная важность его тактики, тактики социальной революции.

5. Экономическое учение:

I. Учение о ценности меновой и потребительной. Оно разрешается трудовою теориею ценности (стоимости). Основа всякой ценности (стоимости) по Марксу — труд. Ценность — определенная масса застывшего рабочего времени („сгусток", „скристаллизованный труд"),—есть единица или мерило всех материальных благ. Таков об'ективный метод решения проблемы — вопреки суб'ективному, антипролетарскому, анти-коллективистическому.

II. Учение о формах капитала и его судьбах. Понятие о капитале постоянном и пе-

ременном, об органическом строении капитала и об определении источника прибыли—„прибавочная стоимость“ по К. Марксу. Органическое строение капитала, высшее и нисшее раскрывает ход истории крупного промышленного производства. Воспроизводство капитала и его кругообращение—открывают процесс жизни и накопления капитала. В итоге капитал—результат эксплоатации труда.

III. Учение о концентрации капитала и об исчезновении среднего класса. Расслоение капиталистического общества и хозяйства. В связи с этим наблюдается растущая тенденция к об'единению или теория обнищания.

IV. Теория обнищания или теория обеднения или пролетаризации менее зажиточных слоев населения, идущая единовременно с увеличением богатства и могущества с концентрациею.

V. Теория происхождения прибыли от капитала или так называемая теория эксплуатации. Учение о прибавочной ценности. Прибавочная ценность есть присвоение труда рабочего. Учение о норме прибыли, об уравнении прибылей и норме прибавочной прибыли.

VI. Учение о земельной ренте, как разновидности прибавочной ценности. Абсолютная и дифференциальная рента, как две формы ренты или дифференциальные ренты I и II-го рода.

VII. Теория кризисов, как результат противоречий капиталистического строя, его стихийности, антагонизма и отсутствия планомерности.

6. Методологические воззрения. Диалектический метод, как особый метод. Метод Маркса в области политической экономии. Стремление к социальному реализму. Монизм, как основа мировоззрения Маркса.

7. Социалистические воззрения или учение об историческом материализме.

После выхода в свет I-го тома „Капитала“ и с переездом Совета Интернационала в Америку (1872), Маркс отходит от широкой политической работы в работу научную. Он добавляет и переделывает том I-й „Капитала“, заканчивает том II-й и намечает контуры тома III-го. Одновременно он продолжает работу по „Истории теории прибавочной ценности“ или так назыв. том IV-й. Таким образом, „Первый“ том вышел в 1867 г., II-й том вышел в свет в 1885 г., т. е. уже по смерти Маркса († 1883) под редакцией Фридриха Энгельса. Том III-й в 1894 г. тоже под редакцией Фридриха Энгельса, но том IV-й в 1900—10 г.г. уже под редакцией Карла Каутского.

Основные понятия современного товарно-капиталистического хозяйства получают здесь дальнейшее последовательное развитие и углубление в том теоретическом направлении, которое было намечено еще классической школой политической экономии.

При этом, если „Коммунистический манифест“ являлся как бы общим схематическим наброском марксизма, то „Капитал“ представляет собой его дальнейшее глубокое развитие. Экономические основы марксизма и коммунизма, лишь намеченные в „Нищете философии“ и в „Критике политической экономии“, в „Капитале“, особенно в первом его томе, получают свое всестороннее развитие и освещение. Поэтому первый том является краеугольным камнем всей экономической системы Маркса.

Основная точка зрения Маркса и его идеология— революционный марксизм. Отсюда производные:

1) Исторический материализм, как социологическая основа;

2) Диалектический метод, как орудие анализа всей совокупности общественных отношений;

3) Присвоение прибавочной ценности, как основной двигатель товарно-капиталистического хозяйства.

Отсюда логически вытекает неизбежность

4) классовой борьбы, переходящей на известной ступени общественного развития в

5) гражданскую войну, которая, в свою очередь, завершается

6) диктатурой пролетариата, ликвидирующей старое классовое общество и государство и создающей основы для нового бесклассового строя жизни;

7) международное об'единение рабочих, как необходимое условие утверждения коммунистического строя в международном масштабе.

Общее конспективное изложение всего учения Маркса до сих пор не сделано. Краткое изложение содержания первого тома дает Карл Каутский: „Экономическое учение Карла Маркса“ (много изданий). Другое специальное изложение „Капитала“ дает Юлиан Борхарт (Москва, 1922). Систему контр-критики Маркса составил А. Б. Будин. „Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики“. М. (Госизд.) 1920. Цитаты из некоторых сочинений (отсутствуют „письма“, Einleitung zur Kritik der Politischen Öekonomie и пр.), но без цитат, излагающих революционные тезисы, подобраны в весьма устарелом сборнике „Памятная книжка марксиста“, СПБ. 1906.

Литература о Марксе и о марксизме очень обширна; По—русски о Марксе и о марксизме тоже написано очень много. Занимающиеся историею социализма с пользою прочтут следующие сочинения:

1. Франц Меринг: Карл Маркс, история его жизни. Пер. Венгеровой. Спб. 1900 г. Его же: „История Германской социал-демократии“ (три издания).

2. Стеклов, Ю.: Карл Маркс, его жизнь и деятельность. Спб. 1918 г,

3. Берлин, И.: Карл Маркс и его время. М. 1906 г.

4. Финн, А.: Экономическая система Маркса. Спб. 1919 г.

5. Андлер, Ш.: Введение в комментарий к Коммунистическому Манифесту. М. 1906 г.

6. Каутский, К.: Карл Маркс и его историческое значение. К 25-ти летию со дня смерти. М. 1908 г.

7. Сборник „Памяти Карла Маркса“ (два издания: 1908 и 1918 г.г.).

8. Гильфердинг: Бем-Баверк, как критик Маркса, М. 1922 год.

9. Будин. А.: Теоретическая система Маркса. М. 1920 г.

10. Бухарин, Н.: Теория исторического материализма. М. 1922 г.

11. Деборин: Введение в философию диалектического материализма. Петр. 1922 г.

12. Лабриола, А.: Исторический материализм. Петр. 1922 г.

13. Гильом, Джемс: Карл Маркс и Интернационал. Пер. с франц. Н. Лебедева. Петроград, „Голос Труда“, 1921 г.

14. Клара Цеткин: Карл Маркс. Перев. с немец. Кошевича, М. Госиздат. 1922 год.

15. Н. Ленин, Г. Зиновьев, Клара Цеткин, Роза Люксембург: Карл Маркс, Петр. („Прибой“), 1923 г.

16. Беер, М.: Карл Маркс, его жизнь и учение. Перев. с немецк. В. Сережникова. М. („Красная Новь“) 1923 год.

17. Спарзо, Джон: Карл Маркс. Петроград, „Мысль“ 1923 г.

18. Д. Рязанов: Маркс и Энгельс. М. („Московский Рабочий“) 1923 год.

Много ценных сведений в журналах: „Под знаменем марксизма“ (Москва). „Записки Научного Общ. Марксистов (Петроград).

Мы подходим к концу нашего обзора. Мы видели, что Финансовый капитализм явился пределом развития современного буржуазного общества. Производительные силы переросли его производственные отношения. Социальная катастрофа назрела. На смену умирающего старого буржуазного порядка идет новый пролетарский, коммунистический. Мировая война,—эта кровавая империалистическая бойня, суммировала все социальные предпосылки и обнажила всю глубину современных социальных противоречий. Бьет последний час капитализма. Нет основания полагать—по методу былых утопистов,—что переход к новому строю совершится сразу, как перемена театральной декорации. Между старым порядком и новым выявляется „эпоха переходного времени.“ Она значительна и серьезна. Творец ее новая всемирно-историческая сила—диктатура пролетариата. Классовая пролетарская диктатура, разрушая старое, создает новое. Возникает социалистическое строительство.

В итоге, новый мир—мир труда и коммунизма—усиленно входит в старые буржуазные капиталистические страны. Старый строй и старая культура в агонии. Она делает последние попытки к спасению. Возникает мировой фашизм. Он ведет отчаянную борьбу с коммунизмом, но над миром уже ясно алеют первые лучи свежей, новой и бодрой трудовой жизни. Непонятный старому миру энтузиазм охватывает все сердца трудящихся:

Наступает последний и решительный бой!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Введение 3

I. Накануне меркантилизма 10

Зарождение денежного хозяйства и возникновение экономических учений 10

II. Меркантилизм 38

1. Торговый капитал и его идеология . . 38

2. Экономическая политика меркантилизма . 56

3. Хозяйство Испании как образчик осуществления идей меркантилизма 64

4. Кольбертизм 64

5. От средневекового рынка до национальной торговли 78

III. Сельская буржуазия и ее идеология—физиократизм 95

Физиократы 103

IV. Рост промышленного производства и индустриальная революция 119

1. Мануфактура 119

2. Происхождение и развитие мануфактуры . 125

3. Происхождение мануфактуры из кустарного производства 137

4. Положение рабочих в конце XVIII и начале XIX столетия 148

1. Удлинение рабочего дня и постепенное сокращение заработной платы 150

2. Вовлечение в производство женского и детского труда 153

стр.

3. Начало сопротивления рабочих введению машин 157
4. Общее ухудшение условий труда 159
5. Зарождение фабричн. законодательства . 164
6. Конструирование пролетар. как класса . 175

V. Идеология промышленного капитализма—школа Адама Смита 190

1. Развитие новых экономических условий . 190
2. Классическая школа 182
   1. Общий обзор 182
   2. Адам Смит 199
   3. Роберт Мальтус 212
   4. Давид Рикардо 230
   5. Остальные последователи классич. школы 241
   6. Начало оппозиции классицизму 248

VI. Немецкая промышленная буржуазия и ее идеология—историческая школа 261

1. Возникновение историзма 261
2. Главнейшие течения историзма 270
3. Старо-историческая школа 273
4. Ново-историческая школа 282
5. Луи Брентано 295
6. Общая оценка исторической школы . . 309

VII. Финансовый капитал и его идеология «австрийская» школа 320

VIII. Идеология пролетариата — марксизм и коммунизм 352

1. Утопический социализм конца XVIII и начала XIX века 354

стр.

1. Английский утопический социализм . . . 354
2. Воззрения Рр' рдо и рикардианские социалисты 356
3. Французский утопический социализм . . 358
4. Немецкий утопический социализм 365

2. Научный социализм. 370

1. Карл Маркс 370
2. Научно-литературная деятельность Карла Маркса 372
3. Основные идеи марксизма 383

Заключение 392

Книги для детей и юношества.

А. С. Свентицкий. Книга сказаний о короле Артуре и о рыцарях Круглого Стола.
Д. А. Жаринов и Н. М. Никольский. Былое вокруг нас. Книга для чтения по русской истории. Ч. I.
Д. А. Жаринов и Н. М. Никольский. Былое вокруг нас. Ч. II. От Петра Великого до наших дней.
Проф. Н. А. Кун. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Ч. I. Боги.
Его же. То же. Ч. II. Герои. Книга I.
Проф. А. Е. Грузинский. Арабские сказки. Книга I.
" " " " Книга II.
" " " " Книга III.
Проф. Н. А. Кун. Сказки цыган. Книга I.
" " " " Книга II.
М. Х. Свентицкая. Русские народные сказки. Книга I.
" " " " Книга II.
Р. Киплинг. Маленькие сказки. Кн. I.
" " " Кн. II.

Разные.

Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование. Статьи М. Шлика, В. Базарова, А. Богданова и П. Юшкевича.
Корифеи английской литературы. Избранные произведения в обработке для школ и самообраз. Английский текст с введ., примеч. и построчным словарем. Обработ. С. Г. Займовский.
№ 1. J. Ruskin. The King of the Golden River.
№ 2. Ch. Dickens. The Cricket on the Hearth.
С. Г. Займовский. Полный англо-русский словарь.

Печатаются и готовятся к печати.

Н. А. Альмединген. Дошкольное воспитание и семья.
Е. И. Тихеева. Организация детского сада.
С. И. Пфейфер. Детский клуб, его цель, значение и организация.
Н. В. Чехов. Типы русской школы в их историческом развитии.
А. А. Фортунатов. История идеи трудовой школы.
Л. И. Чулицкая. Дошкольный возраст и его особенности.
С. Ф. Шацкий. Годы исканий.
Его же. Бодрая жизнь. Ч. II.
М. Н. Коваленский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Ч. II. Процессы Веры Засулич и 1-го марта.
П. П. Маслов. Крестьянские движения. Ч. II.
П. В. Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка.
Проф. Финдлей. Химия на службе человеку. Перев. с английского. Под ред. проф. А. Е. Чичибабина.

Тип. «Дело». Петроград, 5-я Рождественская, 44.